

Л.С. Белоусов

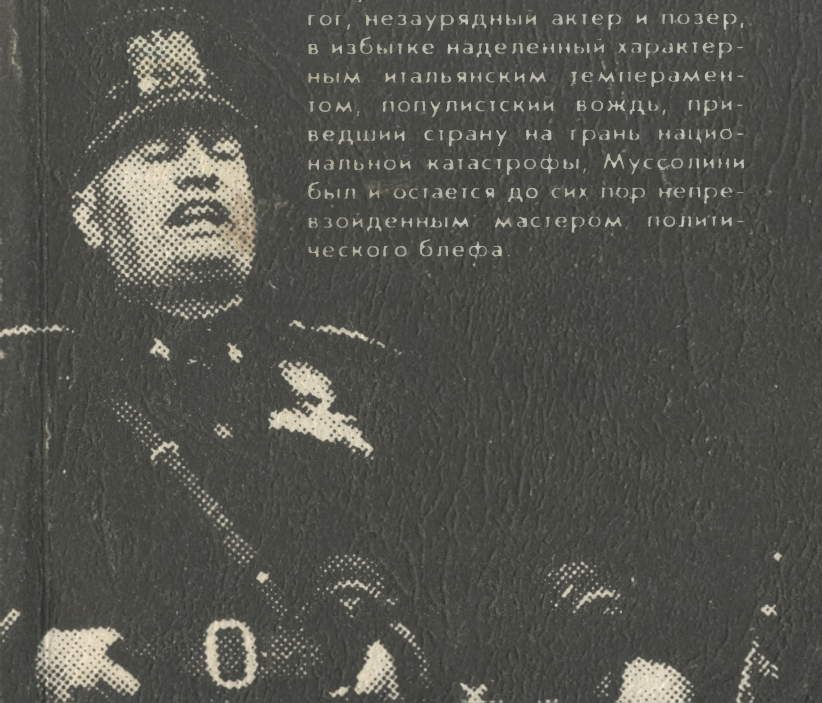
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

МУССОЛИНИ:

ДИКТАТУРА

И ДЕМАГОГИЯ

Искушенный политикан и демагог, незаурядный актер и позер, в избытке наделенный характерным итальянским темпераментом, популистский вождь, приведший страну на грань национальной катастрофы, Муссолини был и остается до сих пор непревзойденным мастером политического блефа.

Л.С. Белоусов

**МУССОЛИНИ:
Диктатура
и демагогия**

Л.С. Белоусов

И С Т О Р И Ч Е С К И Е   П О Р Т Р Е Т Ы

МУССОЛИНИ:

ДИКТАТУРА

И ДЕМАГОГИЯ

Москва
«Машиностроение»
1993

ББК 63.3(4Ит)
Б43

Белоусов Л. С.

Муссолини: диктатура и демагогия. — М.:
Машиностроение, 1993. — 368 с., ил.

В основу рассказа о причинах возникновения, успеха и краха первого в истории фашистского движения и режима положена биография Б. Муссолини — искушенного политика и демагога, непревзойденного мастера политического блефа, чье имя в течение двух десятилетий являлось своеобразным символом идеологии и практики итальянского фашизма. Книга адресована массовому читателю.

Б $\frac{0503010000-658}{078(02)-92}$ без объявления

© Белоусов Л. С.,
1993 г.

ISBN 5-217-02675-8

ВВЕДЕНИЕ

Поздним вечером 28 апреля 1945 года по безлюдным улицам Милана двигался большой крытый грузовик. Въехав на небольшую площадь Лорето, он остановился, водитель потушил фары. Из кабины на землю соскочил одетый в кожаную куртку человек. Его звали Вальтер Аудизио. Волевое лицо, на котором легко читались следы тяжелой усталости последних дней, было нахмурено и сосредоточено. Осанка и жесты выдавали в нем человека решительного и твердого. Послышались короткие, отрывистые слова команды. Сидевшие в грузовике вооруженные партизаны начали бесшумно и быстро выгружать из кузова тела казненных. Их было 18 — фашистские заправилы, иерархи, министры.

На следующее утро собравшиеся на площади возбужденные толпы горожан окружили их плотной стеной. Для лучшей видимости трупы были подвешены за ноги к металлическим опорам бензоколонки. Многие миланцы хотели увидеть останки человека, чье имя более 20 лет чаще всех прочих произносилось в Италии и было символом фашистского режима, — Бенито Муссолини. Таков был финал драмы, в которой дуче играл главную роль.

Муссолини часто казалось, что именно он творит историю, единолично вершит судьбы

миллионов. И его роль была действительно велика, ибо он обладал огромной, почти необъятной и никем не контролируемой властью. Было бы ошибочным умалять значение дуче в истории Италии, но не меньшей ошибкой было бы преувеличивать его роль. Многие действия Муссолини диктовались интересами конкретных социальных сил и групп, хотя сам он не всегда отдавал себе в этом отчет. Его поступки нередко обуславливались существующей ситуацией, логикой развития фашизма, многими другими обстоятельствами. В то же время Муссолини зачастую оказывался в плену собственных иллюзий, двигался по инерции, терялся в лабиринте событий, лиц, фактов, но при этом он всегда шел напролом к единственной цели — власти над людьми. Эта неумная жажда была его жизненной доминантой. Она определяла его заботы, мысли и поступки и не была до конца удовлетворена даже тогда, когда он оказался на самой вершине пирамиды политической власти.

Идеи и доктрины имели для него сугубо прикладное значение. Он с легкостью жонглировал словами и теориями, отказывался от одних и принимал другие, менял их в зависимости от обстоятельств места и времени. Муссолини ничуть не смущало, что многие его поступки были в явном противоречии с теми принципами, о приверженности которым он заявлял прежде. Интересы Италии, благосостояние народа, революция, социализм, величие нации — все это были лишь символы, использовавшиеся по мере надобности. Его собственная мораль, а моральным он считал лишь то, что способствовало личному успеху и сохранению власти, как щитом закрывала дуче

от окружающего мира. Муссолини не был ницшеанским «сверхчеловеком». Он был земным человеком действия, ценившим лишь конечный результат, достигнутый любым путем, — прагматизм, доведенный до абсурда и вѣевшийся в плоть и кровь.

Муссолини испытывал устойчивое отвращение к нравственности. Оно питалось его глубоким презрением к людям. Человек был для него инструментом в достижении своих целей и потому измерялся степенью своей полезности. В жизни Муссолини никогда не было настоящей любви, как не было друзей и «своего круга». Пожалуй, он и не ощущал острой необходимости во всем этом. Муссолини изменил социалистам, стал главой правительства, но никогда не был принят как «свой», равный среди аристократии, генералитета, промышленных и финансовых воротил. Ему угождали, льстили, его боялись, но на одну доску с собой не ставили, видели в нем слугу, но не хозяина. Среди камератов-соратников по фашистской партии Муссолини пользовался непререкаемым авторитетом, но держался от них на расстоянии, отделяющем лидера от рядового члена. Он постоянно ощущал себя одиноким, но одиночество его не тяготило: оно было осью, вокруг которой вращалась вся остальная жизнь.

Следует отметить и еще одну, не менее значимую для понимания его облика черту. Муссолини был блестящий актер и позер, в избытке наделенный характерным итальянским темпераментом. Он играл всю жизнь, его амплуа было широким: ярый революционер и упрямый консерватор, великий дуче и свойский «рубаха-парень», необузданный любовник и благочестивый семьянин. Как

человек эмоциональный, он остро переживал свои взлеты и падения, полосы отчаяния и триумфа. Его настроение часто менялось, а импульсивность приводила к поступкам, нередко удивлявшим даже хорошо знавших его людей. В 20-е годы Муссолини глубоко уверовал в свою мессианскую роль: пули при покушениях летели мимо, противники отступали, многие начинания удавались. Перед изумленным взором итальянского обывателя он предстал как архитектор и кавалерист, скрипач и истребитель мух, строитель водопроводов и автомобилист, враг беспечности и инфлюэнцы, сеятель риса и гонитель антифашистов, творец «великой Италии» и борец за производство зерна и детей. Муссолини умело превращал в «героическое» и «историческое» то, что на самом деле было прозаичным и повседневным.

Он был и до сих пор остается непревзойденным мастером политического блефа. Но за всем этим — искушенный политикан и демагог, умеющий безошибочно рассчитать время и место для удара, стравить между собой противников, сыграть на людских слабостях и низменных страстях, воспользоваться благоприятной обстановкой. Муссолини обладал феноменальной способностью не просто улавливать настроение масс, но и воздействовать на них, накалять атмосферу и зажигать толпу. Он не был великим политическим деятелем. Он был популистским вождем, приведшим страну на грань национальной катастрофы.

Интерпретации его персоны весьма противоречивы и многочисленны. О Муссолини написаны тысячи газетных и журнальных статей, книг и

брошюр. Работы антифашистов противостоят многотомной апологетике, авторы-либералы спорят с католиками и марксистами, личными воспоминаниями делятся бывшие камераты и соратники по социалистической партии, мемуары оставили почти все члены семьи Муссолини (жена, сестра, двое сыновей), а также лечивший его врач Захария и «похититель» О. Скорцени. Есть даже откровения женщин, не постеснявшихся рассказать всему миру о своих интимных отношениях с дуче.

Сам Муссолини умудрился написать первую автобиографию уже в 28 лет, сидя в тюрьме. В конце 20-х годов, укрепившись у власти, дуче откликнулся на предложение американского посла в Италии Р. В. Чайлда и надиктовал автобиографию для американской аудитории. В Италии эта книга так и не была издана. Более того, когда одна из итальянских газет объявила конкурс на лучшее эссе-портрет, раскрывающее «тайну облика Муссолини», дуче остановил конкурс, написав в газету, что такое соревнование абсурдно, ибо даже он сам якобы не смог бы предложить правильную версию. Он всегда был убежден в том, что создание ореола таинственности возвеличивало его персону. Однако это не мешало дуче неустанно заботиться о создании собственного имиджа. Именно эту цель преследовали «беседы», которыми он удостоил в 1932 году немецкого публициста Э. Людвига. Запись «бесед с Муссолини», предварительно отшлифованная самим диктатором, была переведена на несколько европейских языков. Наконец, уже в годы Соппротивления дуче разразился целой серией очерков, по-своему интерпретировавших события его жизни, пред-

шествовавшие краху фашистского режима 25 июля 1943 года.

Фигура Муссолини оставила мрачный, кровавый след в истории Италии. Он создал диктаторскую форму правления, установил собственную монополию на истину, ликвидировал демократические права и свободы граждан. Вооруженная борьба с фашизмом в 1943—1945 годах стоила итальянскому народу 76 тысяч жизней. Сотни тысяч погибли в развязанных фашизмом войнах.

История осудила фашизм. Однако, несмотря на все его злодеяния, на стойкий иммунитет, выработавшийся у большинства итальянцев, идеология и практика фашизма не ушли бесповоротно в прошлое. В Италии существует небольшая, но опирающаяся на довольно устойчивый электорат неофашистская партия. Ее молодежная организация сумела в последние годы даже укрепить свои позиции, особенно в университетах. В 1983 году в связи со 100-летием Муссолини в Италии предпринимались попытки возрождения его мифа: выходили статьи и книги, пластинки и телефильмы, массовыми тиражами штамповались открытки и статуэтки. И хотя желаемого эффекта эта кампания не принесла, она еще раз показала, что в стране есть силы, заинтересованные в сохранении фашистского наследия, испытывающие ностальгию по «твердой руке» Муссолини. И до тех пор, пока существуют эти силы, задача борьбы с фашизмом во всех его ипостасях не утратит своей политической актуальности, а злоеца фигура фашистского дуче будет маячить на горизонте общественной жизни. Очень хочется, чтобы интерес к Бенито Муссолини стал-таки наконец категорией сугубо исторической.

АМБИЦИОЗНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

«Я родился 29 июля 1883 г. в Варано дей Коста, расположенном на небольшой возвышенности старом населенном местечке в деревне Довиа, входящей в коммуну Предаппио. Я родился в воскресенье, около двух часов пополудни, в тот день, когда в местной церкви отмечался престольный праздник». Так зимой 1911—1912 года мало кому известный молодой Муссолини, отбывавший тюремное наказание в Форли и страдавший от безделья, начал свою первую автобиографию. Поиски далеких аристократических предков с фамильными гербами и удивительными дарованиями начнутся много позже, спустя более полутора десятилетий, когда «всемогущий дуче» захочет предстать перед американской публикой наследником благородных кровей. Пока же он пишет о себе весьма банально и скучно, подчеркнуто рисуясь лишь в тех эпизодах, которые оттеняют его превосходство над окружающими.

Деревушка Довиа уютно расположилась в 12 км от города Форли, в провинции Эмилия-Романья, издавна слывшей очагом бунтарских настроений и традиций, ареной ожесточенных политических и идейных столкновений. Оплот итальянских карбонариев и якобинцев, анархистов и республиканцев, мадзинистов и революционных социалистов, Эмилия-Романья выделялась высоким

уровнем политической культуры и активности своих жителей. Внешне Довиа мало чем отличалась от других итальянских деревень центральной Италии: стоящие кучками 2—3-этажные каменные дома и хозяйственные постройки, вяло ползущая среди них грунтовая дорога и обязательная траттория — клуб и прибежище селян, где можно отдохнуть, закусить и посудачить о новостях. Единственная достопримечательность — полуразвалившийся средневековый замок, угрюмо нависший над долиной массивными серыми башнями.

Семья Муссолини располагалась на втором этаже 3-этажного дома в трех небольших комнатах: одна из них служила кухней, другая — спальней, а третья днем превращалась в классы — Роза Мальтони, мать Муссолини, была сельской учительницей, преподавала в начальной школе. Отец — Алессандро — промышлял кузнечным и слесарным ремеслом. Спустя два года после рождения первого ребенка в семье появился еще один сын — Арнальдо, через 5 лет — дочь Эдвидже. Полное имя первенцу — Бенито Амилкаре Андреа — дал отец — упрямый безбожник и бунтарь, с симпатией относившийся к идеям М. Бакунина, знавший понаслышке о марксизме и считавший себя социалистом. Бенито — в честь популярного в Европе мексиканского либерала Б. Хуареса, Амилкаре — по имени видного деятеля I Интернационала А. Чиприани, Андреа — из уважения к одному из лидеров итальянской социалистической партии А. Коста. Алессандро Муссолини любил поговорить о политике, иногда писал небольшие заметки в социалистических и республиканских газетах, с удовольствием пропускал стаканчик добротного крестьянского вина, был привязан к семье, что, впрочем, не

мешало ему изредка приударить за какой-нибудь красоткой. Алессандро пришлось уступить требованиям жены — ревностной католички — и согласиться на крещение Бенито. Когда ребенок подрос, мать начала водить его к воскресной мессе.

Как всякая мелкобуржуазная сельская семья, Муссолини жили небогато, но и не бедствовали. Они смогли оплатить учебу старшего сына в школе монахов в Фазнце, куда Бенито был отдан по настоянию матери в 9 лет. Для ребенка это был не лучший выбор, так как он рос строптивым, капризным и агрессивным, часто нарушал установленные монахами жесткие правила, дрался с товарищами и не раз бывал наказан учителями. В своей автобиографии Муссолини с нескрываемым самолюбованием описывает «акт мести», когда в ответ на рукоприкладство учителя он запустил в него чернильницей. Это была не просто шалость 10-летнего подростка, ибо не каждый мальчуган отважится на такой безрассудный поступок, а проявление формирующегося характера: взрывчатого, упрямого и нетерпимого.

Через год родители были вынуждены перевести сына в школу «Дж. Кардуччи» в Форлимпополи, где требования к дисциплине учеников были не столь жесткими, но Бенито не мог ужиться и здесь. Он пытался верховодить над товарищами, был злопамятен и жесток, всегда таскал в кармане нож и в драках даже два-три раза пускал его в ход. За явную склонность к насилию, мстительность и лидерские замашки одноклассники прозвали его «сумасшедшим из Довиа». Несмотря на приличную успеваемость, в январе 1898 года Муссолини был отчислен из школы за драку и впоследствии получил среднее образование экстерном.

В 14—15 лет Бенито страстно хотелось выглядеть взрослым. Он носил черный пиджак и иногда надевал к нему черный галстук, для пущей важности держал руки в карманах и таращил (уже тогда!) «металлические глаза», провозглашал себя анархистом и грозился уничтожить всю буржуазию. Задрав подбородок, сложив руки на груди и надменно поджав губы, с фотографии того времени гордо взирает подросток, чьи черные волосы редко расчесывались, а еще реже мылись, чьи густые брови оттеняли темный цвет глаз, а белизна щек подчеркивала жидкую юношескую щетину.

Заметное влияние на формирование сына оказывал в те годы отец. Он воспитывал Бенито сначала силой своей железной руки, а затем и духовными наставлениями. В беседах с ним юноша быстро впитывал анархо-социалистские, антиклерикальные и антимилитаристские идеи Алессандро. Бенито много читал, в основном то, что находил в доме: сочинения пионеров итальянского анархизма К. Кафиеро, А. Чиприани, книги М. Бакунина, С. Мерлино, биографии революционеров всех времен и народов. Пылкое юношеское воображение рисовало картины грядущих сражений, в которых он непременно одерживал победы. Записки к одной из ранних возлюбленных он заканчивал патетическим восклицанием: «Принадлежащий тебе и социальной революции Бенито».

Диплом об окончании средней школы, полученный Муссолини в 1901 году, давал ему право преподавать в младших классах. Однако в течение года он был полностью безработным: найти место учителя оказалось нелегко, а на вакантную должность секретаря муниципального совета в Предаппио его категорически отказался взять мэр.

Маясь от безделья, Муссолини ударился в амурные похождения, от которых на всю жизнь сохранил привычку к случайным связям. Та претензия на ироническую легкость, с которой он повествует в автобиографии о своих интрижках, выдает в нем человека мелочно-тщеславного и самовлюбленного, с презрением относящегося к тем женщинам, имена которых он тщательно и безжалостно перечисляет.

Еще в годы учебы Муссолини пристрастился к публичным выступлениям, полюбил аплодисменты и внимание толпы. 1 февраля 1901 года в газете социалистов «Аванти!» появилось крохотное сообщение о том, что в коммунальном театре в Форлипополи студент Б. Муссолини выступил с речью, посвященной памяти Дж. Верди. С этого момента начался отсчет его бесчисленных выступлений, которые не смог подсчитать ни один из официальных биографов. По свидетельству сестры Муссолини, Бенито до трех лет молчал. Врач в Форли, которому обеспокоенные родители показали мальчика, оказался провидцем, сказав, что он непременно заговорит и даже будет говорить слишком много. В 18—19 лет Муссолини уже выступал перед небольшими аудиториями, громя итальянское правительство и называя себя социалистом, хотя в ИСП он вступил лишь в 1903 году. В начале века появились и его первые журналистские опусы.

В феврале 1902 года Муссолини удалось временно заключить контракт на преподавание во 2—3-х классах мужской школы в поселке Гвалтиери на правом берегу реки По. Но карьера учителя его не вдохновляла. Деятельная натура Муссолини искала иного поприща, а честолюбивые замыслы толкали к авантюрным решениям. Едва дотянув до конца

учебного года и даже не попытавшись продлить контракт, Муссолини сел на поезд, шедший в Швейцарию. Он без грусти покидал Эмилию-Романью, увозя с собой ее бунтарский дух и веру в собственную исключительность.

В том, что Муссолини выбрал именно Швейцарию, не было ничего необычного. В конце прошлого — начале нынешнего века в эту страну, а также во Францию, США, Канаду и Латинскую Америку устремился мощный поток итальянских эмигрантов — людей, гонимых голодом, нищетой и поиском работы. Ежегодно Апеннины покидало около 400—500 тысяч человек, причем значительная их часть — крестьяне из южных и центральных областей — оставляла родину навсегда. В 1900-е годы империализм еще только зарождался, и Италия очень болезненно переживала этот процесс. Сказывались и общая экономическая отсталость, и незавершенность буржуазных преобразований эпохи Рисорджименто, и сохранение многих пережитков феодальных времен. По сравнению с другими европейскими странами и США развитие капитализма в Италии запаздывало: не хватало собственных природных ресурсов, мануфактурное и ремесленное производство с трудом, неохотно уступало место возникавшей в северных районах крупной машинной индустрии, на Юге по-прежнему господствовало крупное помещичье землевладение и полуфеодальные формы эксплуатации крестьян, кое-где сохранялись даже зоны патриархального хозяйства, массы мелких собственников страдали от засилья ростовщиков и налогового гнета. Отсталые южные провинции фактически стали внутренней колонией промышленного Севера, поставлявшей дешевую рабочую силу, сельскохозяйственное

сырье и продукты питания, а также массовое социальное недовольство мигрантов и традиционалистские стереотипы мышления.

Устойчивый экономический подъем, начавшийся в Италии в конце столетия и продолжавшийся с перерывами и спадами в течение 10—12 лет, не привел к сколько-нибудь ощутимому улучшению положения широких слоев трудящихся. Аккумулировавшееся ими недовольство взрывалось массовыми проявлениями протеста, забастовками и открытыми столкновениями с полицией. В 1894 году по Сицилии прокатилась мощная волна крестьянских выступлений, которыми руководили «Союзы трудящихся» («Фаши деи лаворатори»), созданные еще в 1889 году. Крестьяне требовали отмены ряда обременительных коммунальных налогов и снижения цен на хлеб. Местная полиция не могла справиться с движением «фаши», и на остров были введены войска. Десятки человек были убиты, около двух тысяч сосланы под надзор полиции. Не менее жестоко подавлялись и голодные бунты, вспыхивавшие в ряде итальянских городов зимой 1897—1898 года.

Весной ситуация вновь обострилась, так как запасы продовольствия иссякли. В Милане события достигли апогея 6 мая, когда начались столкновения рабочих с полицией и строительство баррикад. Пять дней шли бои. В них использовались не только пехотные и кавалерийские части, но даже артиллерия. 80 человек было убито, около 500 ранено. Вступили в действие военные суды, рабочие организации были распущены, десятки тысяч человек арестованы. Многие из участников майских событий были вынуждены искать политическое убежище в Швейцарии. Часть из них вернулась в

Италию после провозглашенной королем амнистии, другие навсегда остались жить за рубежом.

Среда итальянской эмиграции в Швейцарии, в которой преобладали неграмотные и полуграмотные вчерашние крестьяне, психологически восприимчивые к радикальным и революционным идеям, была весьма благоприятной для деятельности молодого, энергичного и нахрапистого интеллигента средней руки, переполненного честолюбием и жаждой известности. Позже дуче при каждом удобном случае вспоминал этот период, когда он познал «безысходный голод» и испытал «массу жизненных трудностей», которые укрепили его дух и «научили, как жить». Справедливости ради следует отметить, что поначалу, пока Муссолини еще не нашел своего места в эмиграции, его положение было довольно неустойчивым: он перебивался случайными заработками, был каменщиком и чернорабочим, приказчиком и гарсоном, жил в обычных для эмигрантов того времени тесных каморках, а однажды после ночлега под мостом в Лозанне был даже арестован полицией за бродяжничество.

Однако Муссолини довольно быстро выделился из массы итальянских рабочих, так как умел читать, писать, складно говорить о наболевшем и сносно объясняться по-французски. Он стал завсегдатаем кафе Торласки, где встречались итальянские синдикалисты и социалисты, начал готовить обзоры политических новостей для эмигрантской газеты «Будущее трудящихся». Работая на стройке, Муссолини вступил в профсоюз и вскоре стал его секретарем. Переехав в Берн, а затем в Женеву, он кормился уроками итальянского языка и гонорарами от статей, которые посылал в ряд газет и журналов, в том числе в миланскую «Авангардиа

социалиста», издававшуюся под редакцией известного синдикалиста Артуро Лабриолы.

Муссолини часто и пылко выступал на собраниях и митингах, научился говорить с чувством, имитировать возбуждение, делать вид, что идея его полностью захватила; драматические, театральные жесты подчеркивали его «искренность», паузы и интонация выделяли наиболее выигрышные моменты речей, факты подавались в обнаженном и примитивном виде. Его популярность среди рабочих-эмигрантов росла, а имя стало хорошо известно швейцарской полиции, несколько раз арестовывавшей его за «подстрекательские речи». В апреле 1904 года Муссолини вновь угодил в полицию, на этот раз за нарушение паспортного режима, и был выставлен из Женевы. Положение эмигрантов в Швейцарии было довольно шатким: они подлежали высылке даже за незначительные административные нарушения. Однако друзьям Муссолини удалось выхлопотать для него разрешение остаться в Швейцарии, но за пределами Женевы. Он получил временный вид на жительство при формальном условии не участвовать в политической деятельности. Муссолини всерьез занялся изучением французского языка, записался на курсы в Лозаннском университете.

Круг его общения к этому времени существенно расширился. Нейтральная Швейцария давно служила убежищем для политических эмигрантов и революционеров многих стран. Здесь он познакомился с видным итальянским социалистом Дж. Серрати, предлагавшим Муссолини сотрудничать в своей нью-йоркской газете, а также с Анжеликой Балабановой, оказавшей на него заметное влияние. Много позже в автобиографии, написанной для

американцев, Муссолини заявит, что никто из его друзей и знакомых никогда не оказывал ни малейшего влияния на его взгляды и поступки. Но это была ложь и откровенная рисовка.

Анжелика Балабанова — профессиональная революционерка, в 19 лет покинувшая богатую дворянскую семью в черниговской губернии, получившая гуманитарное образование в Бельгии и Германии, была женщиной наблюдательной и проницательной. Судя по ее воспоминаниям, она довольно быстро разглядела амбициозность и эгоцентризм Муссолини, поняла, что его «социализм» был основан не на сострадании к угнетенным, а на стремлении стать их вожаком и захватить власть, на желании радикально изменить свое положение в обществе и отомстить тем, кто жил лучше него. Общаясь с рабочими, Муссолини не имел ни малейшего желания вновь стать одним из них и, по словам Балабановой, рьяно брался за любую «интеллектуальную работу».

Они познакомились в Женеве в марте 1904 года. Много общались, спорили, вместе переводили с немецкого и французского работы К. Каутского и А. Кропоткина. В эти годы Муссолини познакомился с теориями М. Штирнера и О. Бланки, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, прочитал «Манифест» К. Маркса, но углубляться в марксизм не стал, да и не смог бы. У него никогда не было склонности ни к систематическому изучению философии, ни к тщательному социально-экономическому анализу. Он был умным, но весьма поверхностным человеком. Муссолини с легкостью усваивал чужие идеи, имел обыкновение спустя некоторое время выдавать их за свои, выхватывал из теорий лишь то, что ему нравилось и было понятно.

В швейцарский период Муссолини яростно обрушивался на все вероисповедания, религию и церковь. Он призывал рабочих держаться подальше от прихода, высмеивал религиозные чувства, твердил о несовместимости веры в бога и борьбы за социализм, называл религию врагом всякого прогресса, а церковь — служанкой капитализма и «огромным трупом, не оставившим следа в истории человеческой мысли». Антирелигиозная публицистика Муссолини не имела пропагандистского заряда, она дышала примитивным антиклерикализмом и часто выглядела обычной руганью. В марте 1904 года в Лозанне в ходе публичных дебатов с евангелистом А. Тальятеля Муссолини громогласно дал богу 5 минут, чтобы тот его покарал, а затем торжественно воскликнул: «Вот видите! Я еще жив! Значит, бога нет». Этот примитивный прием неоднократно использовался им и в дальнейшем. Стенограмма выступления Муссолини в ходе дебатов была опубликована небольшой брошюрой под названием: «Человек и божество». После захвата власти фашистами она исчезла из обращения, а официальные биографы дуче о ней даже не упоминали, так как политическая конъюнктура тех лет требовала иных взглядов вождя.

Не менее ожесточенно набрасывался Муссолини на монархию. Он атаковал без разбора королей и императоров, требовал социалистической республики, аплодировал анархисту Гаэтано Бреши, убившему в 1900 году итальянского короля Умберто I. Пытаясь выглядеть антимилитаристом или в самом деле будучи им в то время, он высмеивал парады и маневры, ругал правительство за развязанные им в прошлом войны, уклонялся от воинской повинности. Это не очень вязалось с апологи-

ей насилия, которая уже в те годы становилась внутренним стержнем его жизненной философии. Она проявлялась в восхвалении анархистской теории «пропаганды делом», в броских лозунгах типа «баррикады важнее избирательных бюллетеней», в оправдывании любого насилия, примененного для достижения цели. Он призывал к борьбе с буржуазией, сыпал обвинения в адрес реформистов, а его собственные взгляды на революцию несли в себе явный отпечаток анархизма и бланкизма. В марте 1904 года в Цюрихе проходил III съезд Союза итальянских социалистов в Швейцарии. Муссолини, к тому времени уже известный в их кругах, выступал по одному из пунктов повестки дня, предложив «революционную» резолюцию взамен «реформистской», и она была принята большинством.

В те дни его имя фигурировало еще на одном заседании. Военный трибунал в Болонье заочно приговорил Муссолини к годовичному тюремному заключению за уклонение от воинской обязанности. В соответствии с итальянскими законами он должен был по достижении призывного возраста отправиться в армию, а не в Швейцарию. Теперь же сама возможность возвращения в Италию становилась весьма неопределенной. Но Муссолини повезло. В сентябре 1904 года король Виктор-Эммануил III по случаю рождения наследного принца Умберто Савойского объявил амнистию всем уклонявшимся от призыва, установив обязательный срок их явки с повинной. Муссолини решил больше не испытывать судьбу и отправился в Италию.

В январе 1905 года он был направлен в Вернону в 10-й полк берсальеров. «Могу сказать, — не без хвастовства, но и не без доли истины заявил он

позже, — что во всех отношениях я был отличным солдатом». Муссолини хотел даже пойти на курсы младших офицеров, но был вынужден взять внеочередной отпуск и вернуться домой в связи с безвременной кончиной матери. Его цинизм был безграничен: несчастье не помешало ему завести очередную интрижку.

Демобилизовавшись в сентябре 1906 года, Муссолини устроился учителем начальных классов в поселке Толмеццо (провинция Фриули), а спустя год сдал экзамены в Болонском университете на право преподавания французского языка в средней школе. В марте 1908 года ему удалось найти работу по этой специальности в лицее города Онелья, и с тех пор он стал с апломбом именовать себя «профессоре». Муссолини по-прежнему публиковал антиклерикальные статьи, вел бурную полемику с монархистами, состоял под негласным надзором полиции, а спустя несколько месяцев был уволен из лицея и вернулся в Эмилию-Романью.

Обстановка в провинции была довольно тревожной. Крестьяне волновались по поводу условий обмолота зерна и требовали увеличения расценок при найме на работу. Муссолини подключился к их движению, был арестован, приговорен к трехмесячному тюремному заключению, но через две недели отпущен на свободу. В ноябре 1908 года он приехал в Форли, куда еще раньше перебрался его отец, открывший небольшую харчевню на паях с некой вдовой Анниной Ломбарди. Увидев ее старшую дочь, голубоглазую 16-летнюю блондинку Ракеле, Муссолини сразу пообещал на ней жениться, но хотя Ракеле в конце концов действительно стала его законной супругой, ждать этого пришлось довольно долго.

В начале 1909 года Муссолини получил приглашение занять должность секретаря «палаты труда» и редактора местного еженедельника в Трентино. Трентино — часть граничившей с Италией австро-венгерской провинции Тироль, население которой в значительной мере состояло из итальянцев. В их среде были сильны ирредентистские настроения¹, процветало недовольство австрийскими властями и порядками. Муссолини с головой ушел в работу, разразился целой серией привычных гневных статей, а затем ударился в пространные рассуждения о Сореле и синдикалистах, неомальтузианстве и дарвинизме, Парижской коммуне, Джордано Бруно и т. д. Если судить по его писаниям, то в то время Муссолини еще не был националистом. «Мы должны оставить национализм хозяевам», — заявлял он; «патриотизм и национализм — это маски буржуазного милитаризма и жадного капитализма». Не следует, однако, забывать, что он никогда не имел устойчивых, глубоких убеждений. Он был человеком момента, и в данный конкретный момент национализм был ему просто не нужен.

В Трентино Муссолини развернул яростную антиклерикальную кампанию, внося в нее элементы вульгарной ругани, ненависти и абсолютной нетерпимости. За оскорбления в печати он не раз подвергался штрафам и даже трехдневному аресту. В марте 1909 года он участвовал в публичной полемике с католиком Альчиде Де Гаспери — будущим главой восьми итальянских правительств,

---

¹ Ирредентизм — политическое и общественное движение за присоединение к Италии пограничных земель Австро-Венгрии с преимущественно итальянским населением.

сформированных после второй мировой войны. Дело было на собрании социалистов. Приглашенный туда Де Гаспери ушел до его окончания, и это дало Муссолини повод заявить о своей победе над оппонентом.

В конце лета в Трентино вспыхнули волнения. Из банка была похищена крупная сумма денег, и местная полиция предположила, что эти средства будут использованы для подготовки вооруженного восстания ирредентистов. Начались повальные обыски и аресты. Муссолини обвинили в «распространении запрещенной печати и возбуждении насилия по отношению к государственной власти». Веских улик против него не было, суд вынес оправдательный приговор, однако он остался под стражей, так как австрийская полиция имела формальное право не выпускать иностранцев из тюрьмы вплоть до окончательного исхода дела. Кроме того, Муссолини должен был заплатить штраф за предыдущие нарушения. 25 сентября, переполненный «благородным гневом», Муссолини объявил голодовку. Но уже на следующий день это занятие, испробованное первый и последний раз, ему разонравилось. Он выложил требуемые 100 крон, был посажен на поезд и выставлен из Трентино. В знак протеста против его высылки на ряде предприятий области по призыву социалистов начались забастовки, а имя Муссолини вновь промелькнуло в итальянских газетах. Однако в глубине души он не мог не радоваться всему происшедшему: жить в Трентино ему не нравилось, а высылка создавала ореол «преследуемого революционера».

Вернувшись в Форли, Муссолини успешно решил два неотложных дела: обзавелся женой и собственной газетой. Именно обзавелся вопреки упо-

рному сопротивлению своего отца и матери Ракеле. По словам самой Ракеле, ревнивец и тиран, обозленный сопротивлением родителей, Муссолини явился однажды в дом с револьвером в руках и, угрожая убить и ее и себя, потребовал у несчастной вдовы отдать ему дочь. Дешевый трюк удался, молодые люди сняли квартиру и стали жить, не оформив ни гражданского, ни церковного брака.

Рьяный бунтарь и противник условностей, Муссолини считал регистрацию брака буржуазным предрассудком. Однако в 1916 году обстоятельства все же заставили его обратиться в мэрию. Одна из его многочисленных любовниц, австрийка Ида Дальсер, в ноябре 1915 года родила сына по имени Бенито Альбино и потребовала у Муссолини немедленно на ней жениться. Несмотря на данные ранее обещания, он наотрез отказался это сделать, быстро оформил гражданский брак с Ракеле и стал оказывать Дальсер небольшую материальную поддержку через своего брата Арнальдо. Однако несчастная женщина не удовлетворялась этим. В течение ряда лет, пытаясь добиться обещанного, она писала письма и устраивала публичные сцены своему бывшему ухажеру. Став главой правительства, Муссолини упрятал ее в лечебницу для душевнобольных, где она умерла в декабре 1937 года. Пять лет спустя скончался от болезни и внебрачный сын Бенито Альбино, изучавший радиотелеграфное дело в городе Специя.

Собственной газетой Муссолини обзавелся с помощью социалистов Эмилии-Романьи. Первый номер «Лотта ди классе» («Классовая борьба») вышел в январе 1910 года тиражом 1200 экземпляров. Муссолини, безусловно, был одаренным журналистом. Небольшой по формату листок, ставший

ежедневным органом секции ИСП в Форли и почти целиком писавшийся им одним, был насыщен разнообразной информацией об итальянском и международном рабочем движении, актуальных событиях политической жизни. В нем помещались портретные зарисовки крупных мыслителей и революционеров прошлого: Оуэна, Фурье, Бабефа, Бланки, Лярусса, Бебеля, Лафарга, Т. Мора и Луизы Мишель, Котоку и других. Муссолини громил монархию и милитаризм, ругал богатых и священников, социалистов-реформистов и республиканцев. Его статьи были беспощадны, их тон безапелляционен и агрессивен, фразы категоричны и напористы. В таком же стиле он выступал: рубил сплеча, заражал толпу своей импульсивностью, выделялся категоричностью и резкостью оценок. На митингах он пользовался услугами клаки — группы верных ему людей, которые первыми начинали хлопать и кричать «Бравó!» («Молодец!»). Популярность газеты росла, ее тираж удвоился. Вскоре Муссолини стал секретарем социалистической федерации в Форли и в октябре 1910 года впервые попал на очередной съезд ИСП, проходивший в Милане.

Конечно, Муссолини записался выступать, но перед самым выходом на трибуну произошла досадная заминка: предоставляя ему слово, председательствующий по недоразумению назвал его Музолино. В зале зашумели, раздался смех — так звали неуловимого разбойника, терроризировавшего жителей Калабрии. Никто из сидевших в зале не мог даже предположить, что представший перед ними безвестный Муссолини в недалеком будущем превзойдет известного Музолино по размаху своей преступной деятельности. А пока его речь, перстрившая бланкистскими идеями и произнесенная

с полным набором отработанных ранее приемов, не произвела желаемого эффекта. Социалист Микеле Терцаги поинтересовался выступавшим у одного из руководителей ИСП — Костантино Ладзари. «Он сумасшедший, — ответил Ладзари, — нам он нужен лишь потому, что дает пятьсот голосов провинции Форли» (33, 23)¹. Ладзари был не одинок в своей полусерьезной-полушутливой оценке. Так думали многие из тех, кто общался в ту пору с Муссолини, и ему это явно импонировало.

Со съезда Муссолини вернулся расстроенным и озлобленным. «На сцене политической комедии в Италии появился большой труп, — заявил он, — официальная социалистическая партия. Нужно ее похоронить?» Он имел в виду реформистское крыло ИСП, во главе которого стояли И. Бономи и Л. Биссолати. На самом съезде Биссолати предложил довести до логического конца реформистскую линию партии, рассчитанную на эволюционистское продвижение к социализму, и войти в буржуазное правительство. Эта идея не нашла поддержки у большинства, возглавлявшегося Ф. Турати. Его сторонники считали необходимым лишь поддерживать буржуазное правительство, намеревавшееся провести серию демократических реформ, но не входить в его состав. Меньшая часть делегатов, в том числе Муссолини, требовала отказа от реформистского курса руководства и возврата партии к методам открытой классовой борьбы. После съезда

---

¹ В книге использована следующая система обозначения источников. Первое число соответствует порядковому номеру источника в списке библиографии, который находится в конце книги. После него указан номер страницы.

эта группа конституировалась в «революционную фракцию».

Весной 1911 года Биссолати принял участие в обсуждении состава правительственного кабинета, и хотя он отклонил предложенный ему министерский пост, сам факт посещения социалистом королевского дворца нанес удар по давней антимонархической традиции ИСП и вызвал массовое недовольство в ее низовых организациях. Возмущенный отказом реформистского руководства партии отмежеваться от Биссолати, Муссолини заявил о выходе федерации Форли из ИСП, отношения с которой были восстановлены лишь через год.

По настоянию «революционной фракции» в октябре 1911 года в Модене был созван чрезвычайный съезд ИСП. На нем с новой силой разгорелась полемика, обостренная начавшейся итало-турецкой войной за господство в Триполитании и Киренаике. Эта колониальная война, названная Ливийской, вызвала осуждение большинства социалистов, выразивших к ней свое отношение в резолюции моденского съезда. Лишь группа Бономи—Биссолати оценила войну как осуществление цивилизаторской миссии Италии в Африке.

Несмотря на запрет антивоенных манифестаций, ИСП и профсоюзы призвали трудящихся ко всеобщей забастовке. Муссолини, и прежде яростно атаковавший войну со страниц своей газеты, где слово «проклятая» было лишь самым безобидным эпитетом, принял деятельное участие в ее организации и проведении в Эмилии-Романье. Объединив усилия с 26-летним Пьетро Ненни, будущим лидером ИСП, а в те годы секретарем республиканской «палаты труда» в Форли, Муссолини пытался помешать отправке на фронт воинских частей. Де-

монстранты блокировали железнодорожную станцию, перерезали телеграфные провода, отбивались камнями от конной полиции. Волнения продолжались несколько дней. П. Ненни был ранен в голову, Муссолини не получил ни одной царапины: он предпочитал «вдохновлять массы», держась подальше от самих столкновений.

Две недели спустя, сидя в баре за чашкой капучино (крепкий черный кофе со взбитым горячим молоком), Муссолини был неожиданно арестован и обвинен в подстрекательстве к беспорядкам и созданию помех для отправки войск в Триполитанию. В тот же день был арестован Ненни. На суде Муссолини пытался всячески умалить значение своей пропаганды и действий, заявляя, что они были продиктованы «патриотическими чувствами». Последнее слово он закончил патетическим обращением к судьям: «Если вы меня оправдаете, то доставите мне удовольствие, но если вы меня осудите, то окажете мне честь!» Патриотическое «алиби» не сработало, и Муссолини был осужден на 12 месяцев тюремного заключения. К такому же сроку был приговорен П. Ненни. Однако апелляционный суд в Форли удовлетворил жалобы осужденных и снизил сроки наказания соответственно до 5 и 7 месяцев.

В тюрьме Муссолини быстро адаптировался и вел себя образцово: не скандалил, писал автобиографию, читал М. Штирнера, Ж. Сореля, Ф. Ницше, а также Гёте, Шиллера, Монтеня и Сервантеса. Охрана была с ним дружелюбна, пищу и газеты он заказывал в городе. За внешней агрессивностью Муссолини всегда скрывалась способность быстро приспосабливаться к новым обстоятельствам и мириться с ними. Эта особенность

характера в какой-то мере объясняет и его поведение на суде, и примерную службу солдатом, несмотря на весь антимилиитаристский пыл, и образ жизни в тюрьме, и, наконец, рабскую покорность перед Гитлером на завершающем этапе войны.

Отсидев положенный срок и поведав будущим читателям о себе самом, Муссолини вышел на волю с обостренным чувством собственной исключительности и решимостью продолжить борьбу. Тюремное заключение лишь усилило его лидерские амбиции: ореол «мученика» возрос, имя стало известно за пределами провинции, руководство ИСП внимательнее присмотрелось к его персоне. Маленьким «вождем» (дуче) он был впервые назван в 1907 году после высылки из кантона Женевы. Теперь же этот титул появился в газете «революционной фракции» «Ла Соффитта» в связи с его освобождением из тюрьмы. Правда, облик новоявленного «вождя» не вполне соответствовал столь пышному величанию. Те, кто видел Муссолини в тот период, вспоминают человека «худоватого и костистого, с многодневной щетиной на уставшем лице, в серой шляпе, сшитой по романскому обычаю с широкими полями, в засаленном, когда-то черном пиджаке, карманы которого были битком набиты газетами, в грязном воротничке и галстуке, не сохранившими даже признаков изначального цвета, в полосатых бумазейных брюках с потертыми коленями и давно не знавшими утюга, в туфлях, которые месяцами не видели гуталина». «С виду не старый, но и не молодой... он вращал сверкающими глазами с явным намерением придать им металлический блеск. Одним словом, нечто среднее между огородным пугалом и образом мстителя и борца за социальную справедливость».

Ко времени выхода из тюрьмы взгляды Муссолини на революционный процесс и свое место в нем обрели черты некоторой определенности. Они представляли собой причудливую смесь элементов сорелевского синдикализма, постулатов Ницше и Маккиавелли, воззрений Штирнера, Джемса и Бланки. В этом интеллектуальном «коктейле» марксизмом, как говорится, и не пахло. В 1926 году, беседуя с испанским журналистом Андрэ Рэвесом, Муссолини так охарактеризовал свое духовное развитие: «Когда мне было двадцать лет, меня приводил в восхищение Ницше, он-то и укрепил антидемократические элементы моей натуры. Прагматизм Уильяма Джемса также очень много помог мне в моей политической карьере. Он дал мне понять, что тот или иной человеческий поступок должен оцениваться скорее по своим результатам, чем на основании доктринальной базы. У Джемса я научился той вере в действие, той пылкой воле к жизни и борьбе, которой фашизм обязан значительной долей своих успехов... Но более всего я обязан Жоржу Сорелю: этот учитель синдикализма своими жесткими теориями о революционной тактике способствовал самым решительным образом выработке дисциплины, энергии и мощи фашистских когорт» (76, 30). В другом интервью, данном немного позже, Муссолини расписывал глубокое влияние Ницше, упоминал Макиавелли, Гёте, Бальзака, Ренана, Джемса, Парето и других мыслителей. Это была уже откровенная рисовка, рассчитанная на придание элегантности собственному образу.

В швейцарский период Муссолини, как и многие другие социалисты его поколения, действительно испытал сильное воздействие завораживающих

своей новизной и решительностью идей французского синдикалиста Жоржа Сореля. В глубоком и емком, но не лишенном внутренней противоречивости учении Сореля о профсоюзах как главном орудии классовой борьбы пролетариата Муссолини прочно усвоил ту его часть, которая подводила к выводу о необходимости бескомпромиссной, тотальной войны с буржуазией. В борьбе за социализм пролетариат должен был отстаивать свои, чисто классовые интересы и отсекал все остальное, в том числе демократические задачи и ценности, как не соответствующие его главной цели и отвлекающие усилия. Именно эта сорелевская установка питала непримиримую враждебность Муссолини к парламентской группе социалистов-реформистов. При этом сам социализм не только не был синонимом демократии, но прямо противопоставлялся ей. По мнению Муссолини, социализм должен был иметь смелость для блага народа стать «варварским». Кроме антитезы «социализм — демократия», Муссолини заимствовал у Сореля идею значимости социальных мифов и культа насилия. Познакомившись с его работой «Размышления о насилии», Муссолини навсегда остался восторженным поклонником прямого действия, не скованного никакими моральными и прочими преградами. В его представлении формулы и теории имели значение лишь после совершения акта насилия и служили его оправданию, а приоритет действия всегда был абсолютным и универсальным принципом.

И если поначалу Муссолини вслед за Сорелем говорил о насилии все же во благо людей, то позднее отказался от этой мысли и перешел на позиции Ницше.

Немецкий философ, с чьим именем связывают идейные истоки фашизма, незримо присутствовал в помыслах и молодого социалиста из Форли, и стареющего диктатора из палаццо «Венеция». В ответ на выступление одного из лидеров ИСП, Клаудио Тревеса, произнесшего в Форли речь об идеологии Ницше, Муссолини написал небольшой трактат, озаглавленный «Философия силы». Ницше был назван в нем «самым гениальным мыслителем последней четверти прошлого века». Муссолини прочно усвоил его формулу «Ничто не истинно, все дозволено» и безоговорочно следовал ей всю жизнь. Он предрекал ей стать «знаменем нового поколения. Апофеоз эгоизма — это работа, которой посвящают свою энергию личности, сильные духом». Муссолини был буквально ошеломлен ницшеанской концепцией «сверхчеловека», который был призван завоевать мир и преобразовать его. Он понял, что этого «сверхчеловека» надо искать не где-то на стороне, а культивировать в самом себе. Кроме того, Муссолини явно импонировало у Ницше понимание народа как «постаumenta для избранных натур», а войны как наивысшего проявления человеческого духа. При этом Муссолини считал, что «война почти всегда предшествует революции».

Сама же революция виделась им как взрыв насилия, опровергающий существующий порядок. Этот взрыв направляется в нужную сторону энергичным меньшинством и в конечном счете приводит к триумфу возглавивших движение деятелей, среди которых первую роль играет он сам. Муссолини полагал, что достаточно будет натиска небольшой, но хорошо организованной элитарной группы революционеров, чтобы свергнуть господ-

ство правящего обществом буржуазного меньшинства. Масса непременно поддержит переворот, и тем самым будет окончательно решен вопрос о власти. В этой концепции проглядывают идеи О. Бланки, которого Муссолини с нескрываемой симпатией называл «человеком баррикад». Исход классовой борьбы, таким образом, целиком и полностью зависел от конкретного соотношения сил противоборствующих сторон. Вот образчик рассуждений Муссолини на этот счет: «Интересы пролетариата антагонистичны интересам буржуазии. Никакое соглашение между этими классами невозможно. Один из них должен исчезнуть. Более слабый будет уничтожен. Классовая борьба, таким образом, — это вопрос силы».

Исповедуя культ силы, Муссолини не мог мириться с реформистским, рассчитанным на постепенную эволюцию курсом ИСП. Он был недоволен всем: вялостью и нерешительностью руководства, его нежеланием идти на открытый конфликт с правительством, деятельностью парламентской группы социалистов, самой атмосферой соглашения, царившей в их среде. Но под этим недовольством скрывались иные, более глубокие и сильные мотивы его поведения после выхода из тюрьмы. Жажда популярности провинциального бунтаря вытеснялась трезвым расчетом путей и возможностей завоевания власти. Муссолини понял, что пробиться в состав партийного руководства можно было на ближайшем же съезде. Для этого следовало заручиться поддержкой необходимого количества делегатов, сделать ставку на обострение борьбы с правыми реформистами и добиться их исключения из партии. Сама обстановка внутри ИСП, накалявшаяся по мере приближения очеред-

ного съезда, способствовала осуществлению его честолюбивого замысла.

Итальянским социалистам было над чем поразмыслить на съезде. В июне 1912 года в Италии был принят новый избирательный закон, споры вокруг которого велись не один год. Избирательное право предоставлялось всем грамотным мужчинам с 21 года, прочим — по достижении ими 30 лет или после прохождения службы в армии. Электоральный корпус увеличился таким образом почти на 5 миллионов человек. Эта реформа была одним из наиболее существенных мероприятий, осуществленных итальянским правительством в 1900—1914 годах в рамках так называемого «либерального курса Джолитти». С именем Джованни Джолитти — самого крупного политического деятеля в Италии начала XX века — связан поворот правительственной политики репрессий и откровенно силовых методов управления, характерных для 1890-х годов, к политике буржуазно-либерального реформизма, расчищавшей дорогу индустриальному развитию страны и укреплявшей социально-политические основы буржуазного государства. Новый курс проводился непоследовательно, периоды его активного осуществления сменялись замораживанием реформаторской деятельности.

Джолитти видел свою главную задачу в том, чтобы политическими методами подчинить широкие слои трудящихся господству правящих классов. И хотя он провозгласил принцип «нейтралитета» и «умиротворяющего посредничества» государства в конфликтах труда и капитала, хотя он действительно проявил незаурядное мастерство и гибкость в использовании метода «кнута и пряника», подчинить или затормозить развитие рабочего и револю-

ционного движения ему все-таки не удалось. В сентябре 1904 года в Италии разразилась первая всеобщая политическая забастовка, в апреле 1905 года — всеобщая забастовка рабочих железных дорог. За несколько недель до ее начала железнодорожники опробовали новый, необычный способ борьбы, получивший название «итальянской забастовки». Они начали скрупулезно и педантично выполнять все регламентирующие предписания и инструкции, что привело к полному хаосу в движении поездов и дезорганизовало всю работу на станциях. В 1905—1907 годах в Италии развернулось массовое движение солидарности с революцией в России. В борьбу за улучшение своего положения и условий труда втягивались сотни тысяч промышленных и сельскохозяйственных рабочих, служащих, крестьян. Осуществляя «либеральный курс», Джолитти умело лавировал, играл на внутри- и межпартийных противоречиях, пытался привлечь на свою сторону социалистов. Избирательный закон, принятый уже на закате «либеральной эры», открывал перед ними новые возможности в борьбе за завоевание мест в парламенте, а обострение классовых столкновений диктовало необходимость более решительных действий и четкого руководства выступлениями масс. В этих условиях противоборство сторонников реформистской и революционной тактики в ИСП достигло апогея.

Решающий бой произошел в июле 1912 года на съезде в Эмилии-Романье. В политической карьере Муссолини этот съезд имел особое значение. Тонкий нюх и чутье политика безошибочно подсказывали ему, что назревший в партии кризис можно использовать для продвижения наверх. Он хотел победить любой ценой и тщательно готовился к

съезду. Муссолини блестяще отрепетировал и исполнил одну из главных ролей, взял реванш за неудачу на предыдущем съезде, сделал первый значительный шаг в осуществлении своего амбициозного замысла.

Дискуссия была жаркой. Муссолини в числе других «непримиримых» деятелей «революционной фракции» выступал 8 июля. Громовым голосом он обрушился на реформистов, обвиняя их в оппортунизме, предательстве революционных интересов пролетариата, отрыве от масс, преследовании эгоистических целей, парламентской игре и т. п. Обвинения сыпались из его ус нескончаемым потоком — он зарабатывал славу непримиримого борца с реформизмом. «Италия, — вопил он с пеной у рта, — это страна, в которой парламентский кретинизм... достиг наиболее тяжелых и мертвящих форм». Эти стрелы были направлены уже в парламентскую систему как таковую. От имени «непримиримых» Муссолини зачитал резолюцию, требовавшую изгнания правых реформистов из партии. Она была принята подавляющим большинством голосов. При выходе из театра «Ариосто», где проходил съезд, исключенный из ИСП Биссолати воскликнул: «Партия находится в руках человека, который обагрит кровью Европу!». Биссолати преувеличивал: Муссолини не получил в свои руки ИСП, он был избран одним из членов исполнительной комиссии, а руководство партией в целом перешло к «революционной фракции».

Речь Муссолини на съезде имела шумный успех. Ее комментировали, цитировали в печати. И все же это не могло удовлетворить его амбицию и честолюбие, он жаждал реальной власти и действительно широкой популярности.

Редактируя «Лотта ди классе», одну из почти 200 небольших газет социалистов, Муссолини втайне мечтал об «Аванти!», ибо хорошо понимал, что для человека, в избытке наделенного способностями публициста, центральная общенациональная газета ИСП — самый надежный путь наверх. Теснота провинции угнетала Муссолини, он рвался на простор, искал выход на широкую аудиторию. В грезах он уже давно был в Милане — цитадели промышленного пролетариата и рабочего движения. И все же у него хватило выдержки ничем не выдать потаенного восторга, когда в ноябре 1912 года по предложению К. Ладзари ему было поручено возглавить редакцию «Аванти!». В 29 лет Муссолини, еще мало кому известный год назад, получил один из самых ответственных постов в партийном руководстве. Ни одному из итальянских социалистов не удавалось прежде совершить столь стремительный скачок. И дело было не только в расположении к нему К. Ладзари, Дж. М. Серрати, А. Балабановой, Ф. Фиккотти и некоторых других руководителей ИСП, поддерживавших его кандидатуру, сколько в нем самом, в его ловкости и беспринципности, безграничной самовлюбленности и цинизме. Муссолини не брезговал ничем: ложь, лесть, интриги, демагогия — весь арсенал средств карьериста был пущен в ход. И люди пасовали перед его нахрапистым напором, психологически не могли противостоять агрессивному честолюбцу. Внутри ИСП не было крепкого однородного ядра революционных руководителей, тесно связанных с пролетарскими массами, и это обстоятельство создавало благоприятствовавшую бонапартизму обстановку, в которой, по меткому наблюдению А. Грамши, «более или менее решительные люди

могли на основании преходящих личных успехов... захватить самый высокий руководящий пост путем неожиданных и внезапных действий» (80, 185). Именно так и случилось с Муссолини.

1 декабря он принял руководство газетой и переехал в Милан. Новый редактор порвал с прежними реформистскими авторами, отказался от сотрудничества с Тревесом и поставил лишь одно условие: назначение в «Аванти!» Балабановой. Она заняла должность его заместителя и до лета 1913 года фактически была соредактором газеты. Как и в годы работы в Швейцарии, Балабанова видела в Муссолини своего ученика. Во всяком случае, она не раз подчеркивала это в своих мемуарах. По вечерам Муссолини нередко провожал ее до дома, терпеливо выслушивая наставления и советы. Вряд ли это было ему по вкусу, но поначалу Балабанова была необходима: разбираясь в основах марксизма, она шлифовала его статьи и тем самым помогала главному редактору сохранять облик социалиста. Когда же Муссолини понял, что можно обойтись и без этого, он отказался от ее помощи, но дружеские отношения, основанные на взаимной симпатии, сохранялись между ними вплоть до предательства Муссолини, которое Балабанова очень тяжело переживала.

Мало сказать, что Муссолини знал ремесло репортера. Он любил газету и был виртуозом техники журналистского дела, вкусившим наркотик популярности. Броские заголовки, животрепещущие темы, простой, доступный пониманию, но нередко переходящий грань приличия язык, а главное — свежие радикальные идеи, пришедшие на смену реформистским, — все это привлекало читателей «Аванти!». Через полтора года тираж

газеты ошеломляюще возрос с 20 до 100 тысяч экземпляров, она стала одной из самых читаемых в Италии.

Муссолини в полной мере учел новизну обстановки в партии и усилившуюся тягу рядовых ее членов к революционным методам борьбы. На страницах «Аванти!» он настойчиво призывал к революционному насилию. По его инициативе в ИСП был проведен референдум о возможности использования всеобщей стачки. Большинство местных организаций признало ее применение необходимым, и это решение подстегнуло «революционное рвение» Муссолини.

Осенью 1913 года в Италии прошли первые парламентские выборы по новому избирательному закону. Социалисты завоевали на 11 мандатов больше, чем четыре года назад. Первую попытку пробиться в парламент предпринял и Муссолини, выставивший свою кандидатуру в Форли. Но вопреки радужным ожиданиям его постигло разочарование: лишь несколько тысяч земляков из Предаппио отдали ему свои голоса. Это был удар по тщеславию, уязвленному в тот период еще одним обстоятельством. Несмотря на упорное желание, Муссолини не был принят в известном миланском салоне Турати-Кулешовой, где собирались представители итальянской богемы, видные политики, интеллектуалы. Салон не был ни кастовым, ни элитарным, его демократическая атмосфера притягивала многих, но Муссолини был для его посетителей человеком парвеню, «поэтиком, прочитавшим Ницше».

В апреле 1914 года итальянские социалисты собрались в Анконе на свой XIV съезд. За два года руководства «революционной фракции» численность партии возросла почти вдвое, достигнув 49

тысяч человек. Съезд разработал тактику в предстоявших выборах в местные власти, призвал к усилению борьбы с ростом военной опасности. Голос реформистов был едва слышен, и Муссолини, жаждавший новой громкой победы, направил удар против группы социалистов-масонов и добился их исключения из партии. Он и прежде не скрывал своей ненависти к масонам, видя в их ритуалах выражение буржуазного духа, а в их организации — силу сплоченной группы политиков. Многие социалисты считали несовместимым пребывание одновременно в рядах ИСП и масонских лож, но именно Муссолини выделялся среди выступавших своим экстремизмом.

Так было на съезде в здании театра Виктора-Эммануила II. Когда же Муссолини оказался на площади перед отрядом конной полиции, спеси и экстремизма у него явно поубавилось. Это произошло летом 1914 года в ходе массовых антивоенных и революционных выступлений трудящихся, получивших название «красной недели».

Искрой послужили события в Анконе, где 7 июня в результате разгона войсками антивоенного митинга трое рабочих были убиты и несколько ранены. В ответ на эту расправу социалисты призывали ко всеобщей забастовке. Их поддержали республиканцы, анархисты и профсоюзы. Экономическая жизнь в стране была парализована, замер железнодорожный транспорт, закрылись магазины и лавки. В Романье и Марке всеобщая забастовка переросла в антиправительственное восстание, в ходе которого в этих областях были провозглашены республики. По всей стране полиция и войска безжалостно разгоняли манифестантов, почти повсеместно были убитые и раненые.

Взрыв народного недовольства, к которому Муссолини яростно призывал, во многом оказался для него неожиданным. Его не было среди тех, кто руководил забастовщиками в Милане, но остаться совсем в стороне от событий он не мог, и в один из дней с небольшой группой социалистов двинулся от улицы Сан Дамиано, где располагалась редакция «Аванти!», к центру города. На площади перед Домским собором путь толпе преградил кавалерийский заслон. Муссолини получил легкий удар дубинкой по голове и быстро ретировался. Этим «геройским демаршем» и окончилась его борьба, после которой он навсегда утратил охоту к участию в подобных акциях.

Как главный редактор «Аванти!», Муссолини зарабатывал 500 лир в месяц. По тем временам это была вполне приличная сумма, позволявшая снимать квартиру, содержать семью (жену и 4-летнюю дочку Эдду), вести полубуржуазный образ жизни и отдыхать на море. В конце июля 1914 года его отдых был прерван известием об объявлении Австро-Венгрией войны Сербии. В воздухе запахло гарью, и Муссолини срочно вернулся в Милан.

Первая мировая война родилась в недрах империализма. Правящие круги ведущих европейских держав, стремившихся к получению новых источников энергии и сырья, к расширению сфер влияния и приложения капитала, могли рассчитывать на достижение своих целей лишь на путях военной экспансии, переделки уже поделенного мира. Каждый пытался заранее обеспечить себе союзников, и в начале века в Европе окончательно сложились два противостоявших друг другу военно-политических блока: Тройственный союз (Германия, Италия, Австро-Венгрия) и Антанта (Великобри-

тания, Франция, Россия). Оба блока были агрессивны, но Германия обгоняла соперников по темпам милитаристской подготовки. 28 июля 1914 года Австро-Венгрия, подталкиваемая воинственной решительностью Германии, использовала в качестве предлога убийство наследника престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, совершенное в городе Сараеве сербским националистом Г. Принципом, и объявила Сербии войну. Через несколько дней в нее оказались втянуты почти все ведущие европейские державы, и вскоре война стала мировой. Италия была застигнута ею врасплох и попыталась выиграть время: выждав несколько дней, правительство объявило о нейтралитете.

Социалистическая партия, верная давней антимилитаристской традиции, занимала непримиримую позицию. Еще 26 июля в «Аванти!» была опубликована передовая статья под красноречивым названием: «Долой войну!» Партия обратилась к массам с антивоенным манифестом, выдвинула лозунг «абсолютного нейтралитета», а 4 августа Муссолини разразился гневной статьей: «Гевтонская орда сорвалась с цепи в Европе!» «Аванти!» объявила на своих страницах референдум о нейтралитете, и Муссолини первым отвечал на поставленный вопрос: «Те, кто толкает нас на войну, предают нас!» Заголовки его статей буквально взрывались, и у читателей могло сложиться мнение, что германским войскам не сопутствовала удача, тогда как на самом деле они были уже под Парижем. Тон публикаций в «Аванти!» приобретал явно выраженный антигерманский и антиавстрийский характер. Газета уже не производила впечатления нейтральной, а проантантовские симпатии Муссолини становились «секретом полишинеля».

«Только сумасшедшие и мертвецы не меняют идей, — писал он 10 сентября. — Если завтра сложится иная обстановка, мы решим, как нам следует поступить». Одной из первых заметила неладное Балабанова, внимательно следившая за публикациями Муссолини, но даже она не могла предполагать, к чему это в скором времени приведет.

6 октября 1914 года в буржуазной газете «Журнале д'Италия» было опубликовано интервью Муссолини, перепечатанное на следующий день в «Аванти!». Он фактически не скрывал, что считал необходимым отказаться от нейтралитета, встать на сторону Антанты и объявить войну Австро-Венгрии. И если в интервью эта позиция была еще кое-как замуфлирована словесной эквилибристикой, то спустя несколько дней карты были аскрты окончательно. 18 октября в «Аванти!» появилась его статья: «От нейтралитета абсолютного к нейтралитету активному и действенному». И хотя эта формула прямо противоречила антивоенному курсу социалистов, Муссолини нагло пытался навязать ее партийному руководству. Заявив, что прежняя установка является-де «слишком обязывающей и догматической», он потребовал проведения в партии референдума по этому вопросу. После длительных и ожесточенных дебатов на заседании руководства ИСП резолюция Муссолини была отклонена, а сам он освобожден от обязанностей редактора «Аванти!».

Не прошло, однако, и месяца, как Муссолини начал издавать свою собственную газету под названием «Пополо д'Италия» («Народ Италии»). В первом номере, вышедшем 15 ноября, были помещены портреты Бланки и Наполеона, под которыми крупным шрифтом были набраны принадлежа-

щие им афоризмы: «У кого есть оружие — есть хлеб» и «Революция — это идея, которая обрела штыки». И хотя в газете поначалу значилось «ежедневная, социалистическая», именно руководство ИСП и партия в целом подверглись на ее страницах злым, ожесточенным нападкам. Трудно было поверить, что Бенито Муссолини, признанный вождь левого крыла социалистической партии, совершил столь крутой политический кульбит. Руководители «непримиримых» пытались даже уговорить его опомниться и отказаться от своих слов, но это была наивная попытка людей, не сумевших распознать подлинного Муссолини.

24 ноября, еще значившийся членом ИСП, он был вызван на заседание миланской секции, проходившее в здании театра «дель Пополо». При его появлении в зале зашумели, раздался свист, проклятия, выкрики: «Иуда!», «Предатель!», в лицо Муссолини полетели монеты. Он не оправдывался. Хорошо усвоив, что лучшая защита — это нападение, Муссолини обрушил шквал ругательств на «предателей социализма», под которыми подразумевались руководители ИСП, и договорился даже до угрозы немедленно пустить в дело нож. Это заявление вызвало настоящий ураган. Гнев и ненависть рядовых социалистов удесят�ерялись сознанием того, что они были нагло обмануты, ибо многие действительно искренне верили Муссолини. Его предательство было не только политическим, но и моральным ударом для них. «Вы думаете, что теряете меня, — заявил он перед самым уходом. — Вы заблуждаетесь. Вы ненавидите меня потому, что все еще любите. Я был и остаюсь социалистом, двенадцать лет моей партийной работы должны подтвердить это. Невозможно изменить свою душу.

Вопрос, разделяющий нас, волнует совесть каждого... Время покажет, кто был прав... Ухожу без обиды, без озлобления, особенно по отношению к пролетариату, который всегда видел меня рядом в самые критические часы, здесь и на площадях. Но заявляю вам, что с этого момента у меня не будет ни жалости, ни снисхождения по отношению ко всем уклоняющимся, ко всем лицемерам, ко всем трусам! И когда настанет час, вы опять увидите меня, хотите того или нет, рядом с вами!.. Не думайте, что мне легко расставаться с этим членским билетом. Можете разорвать его, но вы не можете помешать мне оставаться в первых рядах борцов за дело социализма. Да здравствует социализм! Да здравствует революция!» (37, 279).

Псевдореволюционный пафос выступления Муссолини не должен вводить в заблуждение, ибо игра словами — самое обычное явление в политике. Гораздо важнее другое — его отношение к бывшим соратникам по партии. Ключевой во всей речи является фраза: «Вы ненавидите меня, потому что все еще любите». Она типична для Муссолини, для уровня и характера его менталитета. Отношения с теми, кто собрался в зале, как и с теми, кто в будущем будет собираться по его указке на площадях, строились у Муссолини не только и даже не столько на рациональной, сколько на эмоциональной, чувственной основе. В этом была одновременно и его сила, и его слабость.

Подавляющим большинством голосов Муссолини был исключен из социалистической партии. С ним ушла небольшая группа единомышленников — «муссолинистов». По подсчетам некоторых итальянских авторов, их набралось не более 5 процентов. Гораздо более тяжелыми оказались не коли-

чественные, а морально-политические и психологические потери. По престижу и облику ИСП был нанесен сильный удар.

Почему Муссолини это сделал? Официальная версия, предложенная много позже им самим, на первый взгляд выглядит довольно простой и убедительной. Оказывается, перед Италией впервые открылась возможность «силой оружия поговорить на равных с ведущими нациями мира. Это был наш шанс. Я хотел воспользоваться им. Это стало моей навязчивой идеей» (14, 38). Однако эта версия была далека от действительности.

Ренегатство Муссолини — факт сугубо внешний. Ему не предшествовала длительная внутренняя борьба, оно не сопровождалось мучительными переживаниями и сомнениями, не было и никакой трансформации взглядов. Он никогда не был марксистом, а пестрота его взглядов позволяла без труда выбрать из них то, что было необходимо в данный момент. Прочее можно было отбросить, и в этом смысле Муссолини сам себе не изменил. Он ни в малейшей степени не ощущал себя предателем и, по-видимому, в тот момент верил в свою правоту.

Для вульгарного прагматика, исповедовавшего крайний индивидуализм и считавшего собственную персону источником всякой веры, этот шаг был результатом рациональной прикидки всех «за» и «против». В Муссолини удивительным образом уживались расчетливость и авантюризм. Когда началась война, он буквально нутром ощутил приближение крупных исторических перемен. Лидерство в социалистической партии его уже не устраивало, ибо он пришел к выводу, что «поставил не на ту лошадь». В этом убеждала и неспособность ИСП

возглавить массовые революционные выступления в дни «красной недели», и крах II Интернационала, многие ведущие деятели которого проголосовали в парламентах за выделение военных кредитов. Война вдохновила Муссолини разгулом насилия, которое он так долго воспевал, а насилие было несовместимо с нейтралитетом. К тому же его не покидала уверенность, что война дестабилизирует обстановку, облегчит осуществление социального переворота и захват власти. Какого именно переворота — неважно, но важно было другое вакантное место лидера в грядущих событиях. Этот решающий аргумент и перевесил чашу весов.

Муссолини вел беспроигрышную игру. К выступлению в театре «дель Поло» он уже обеспечил себе тыл и исходные позиции для нового наступления. Еще весной 1914 года он познакомился с неким Ф. Нальди, издателем болонской газеты аграриев «Ресто дель карлино». Нальди имел связи при королевском дворе, знался с министром иностранных дел Сан Джулиано, имел друзей среди крупных промышленников и финансистов. В 1906 году 74-летний Нальди «раскололся», дав довольно обширное интервью газете «Иль паэзу». Суть откровений Нальди была в лаконичной форме отражена в подзаголовке к публикации: «Проблема для правительства Саландры: найти продажного социалиста». Готовясь втянуть Италию в войну, правительство считало необходимым подготовить к этому общественное мнение, по возможности развеять антивоенные настроения масс и раздуть милитаристский психоз. Для этого нужно было отыскать и опереться на таких людей, которые могли бы ради личных выгод козырнуть собственной популярностью.

Муссолини как никто другой подходил для этой цели. Он был привлекателен не только тем, что умел блестяще воздействовать на настроение масс, но и тем, что предательство видного лидера ИСП ослабило бы позиции нейтралистской партии. Нальди хорошо знал слабые места Муссолини. Речь не шла о деньгах, это признают почти все писавшие о нем авторы. Но Муссолини не мог и не пытался противостоять соблазну иметь собственную большую газету, которая стала бы в его руках мощным политическим оружием, дающим возможность дальнейшей борьбы за власть. Муссолини всю жизнь мечтал об этом.

Встречаясь с Нальди в миланской пивной «Шпатен», а затем вдали от любопытных глаз в Швейцарии, Муссолини сетовал на отсутствие средств, необходимых для осуществления своего замысла. Наконец однажды Нальди уверенно ухмыльнулся: «Брось, деньги всегда найдутся».

И они действительно «нашлись». В считанные дни Муссолини был обеспечен всем необходимым: бумагой, оборудованием, договорами и прочим. Источники его финансирования были известны историкам и раньше, Нальди их только подтвердил, назвав крупные промышленные фирмы: «Эдисон», «Фиат», «Ансальдо» и другие. Впоследствии Муссолини получал субсидии из Франции, правящие круги которой были заинтересованы в скорейшем втягивании Италии в войну на стороне Антанты. Неразборчивость в средствах привела к тому, что в феврале—марте 1915 года он пытался выудить миллион франков даже у царского правительства, обещая взамен подготовить и провести крупную провокацию на итало-австрийской границе. Этот факт установлен документально (75). Муссо-

лини не был корыстолюбцем. В тот период деньги нужны были ему постольку, поскольку они способствовали завоеванию популярности и власти, а ради этого он не брезговал никакими источниками.

Окончательная договоренность с Нальди гарантировала Муссолини солидную поддержку. По всей вероятности, в основных чертах она была достигнута еще до на шумевшей публикации в «Аванти!». Но так или иначе выбор, продиктованный амбицией и беспринципностью, был сделан. И этот выбор был бесповоротным.

«РЕВОЛЮЦИЯ В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ»

Муссолини был чужд сентиментальности. Исключение из ИСП не вызвало в нем каких-либо душевных переживаний. Вернувшись к себе в редакцию, он тут же дал интервью. «Пока у меня есть карандаш в руке и револьвер в кармане, — цинично заявил он, — я не боюсь никого. Я силен, несмотря на то, что остался почти один. Пожалуй, я силен именно потому, что остался один».

Карандаш был пущен в ход сразу, револьвер — спустя несколько лет. Муссолини прямо-таки с яростью принялся отрабатывать вложенные в него деньги. До 1921 года редакция «Пополо д'Италия» размещалась в трех небольших комнатах, одна из которых называлась «логово Муссолини». Ему нравилось это название, придуманное, вероятно, им самим, ибо оно вполне подходило к роли льва, которую Муссолини играл в те годы. Как журналист он много и азартно работал: часами просиживая в своем «логове», он «проглатывал» кучи газет, подчеркивая красным и синим карандашами заинтересовавшие его места, строчил редакционные

статьи и полемические заметки, редактировал почти весь готовившийся к публикации материал. Муссолини писал очень быстро, используя попадавшиеся под руку обрывки и клочки бумаги, почти никогда не правил написанное и сразу отправлял в типографию. Ему в полной мере была присуща чисто профессиональная оперативность. Царившие вокруг гомон и гвалт были привычны: время от времени трещали телефоны, стрекотали пишущие машинки, не закрывали рта сотрудники, постоянно входили люди, обращавшиеся к нему с вопросами и получавшие его указания.

Чаще других в «логове» появлялась Маргарита Сарфатти — дочь профессора-социалиста, с которой Муссолини начал сотрудничать еще в «Аванти!». Формально она вела рубрику, связанную с событиями в итальянской культуре, неформально — заняла вакантное место наперсницы главного редактора. Многие ее идеи, поначалу как бы пропущенные мимо ушей, вскоре выдавались Муссолини как свои собственные. Он с юности усвоил выгодную привычку присваивать чужие мысли и сохранял ее всю жизнь.

Муссолини с болезненным вниманием следил за ростом своей популярности. По свидетельству Ракеле, по вечерам, прогуливаясь по шумным улицам Милана, муж нередко посылал ее к киоскерам узнать, как идет распродажа его газеты, а услышав, что ее быстро раскупают, не скрывал своей радости. Статьи Муссолини становились все злее и агрессивнее, тираж «Пополо д'Италия» увеличивался, популярность ее владельца росла. Муссолини вновь ощутил возбуждающий привкус славы, но до полного упоения ею было еще далеко.

Его голос постепенно набирал силу в общем хоре интервентистов — тех, кто ратовал за немедленное вступление Италии в войну на стороне Антанты. Лагерь интервентистов был неоднороден и поначалу состоял из двух мощных потоков. Войну как таковую, как «гигиеническое средство, очищающее историю», воспевали лишь националисты. Их движение, сформировавшееся в начале века, возглавляли Э. Коррадини и Л. Федерцони¹. Они ратовали за широкомасштабную военную экспансию, создание колониальной империи и возрождение таким образом былого величия «древнего Рима». И если в предвоенные годы их симпатии были целиком на стороне Германии, «молодой нации», требовавшей передела мира, то с середины 1914 года, когда стало ясно, что выступление в составе Тройственного союза невозможно в силу объективных причин и давней, идущей со времен Рисорджименто² неприязни широких слоев народа к Австро-Венгрии, взгляды националистов обратились в прямо противоположную сторону — к Ан-

---

¹ Л. Федерцони (1878—1967) — писатель и публицист, один из основателей националистического движения в Италии, участник первой мировой войны. В годы фашизма занимал крупные государственные посты: министр по делам колоний, министр внутренних дел, президент Сената, президент Итальянской академии. В 1945 году был осужден на каторжные работы, в 1947 году — амнистирован, в 1951 году вернулся в Италию.

² Рисорджименто (конец XVIII в. — 1870 г.) — движение за национальную независимость и политическое объединение, в ходе которого в Италии осуществилась буржуазная революция.

танте. Не столь важно было «с кем?», важнее — «ради чего?». Движение националистов, с первых дней сентября устраивавших шумные антиавстрийские кампании, получило поддержку тех кругов крупной промышленной и финансовой буржуазии, которые были связаны с англо-французским капиталом и заинтересованы в расширении сферы итальянского влияния в Африке и на Балканах.

Другой поток интервентистов состоял из представителей так называемой «демократической левой» — социал-реформистов, республиканцев и радикалов. С участием в войне и победой над австрогерманским блоком они связывали надежды на обеспечение итальянских проблем и торжество либеральных и демократических принципов как в своей стране, так и в Европе в целом.

Муссолини не мог примкнуть ни к одному из этих движений. В 1911 году, громя итальянскую агрессию в Ливии, он выступал как противник всякого национализма. Однако спустя несколько лет он прочно усвоил для себя перспективы политического переворота. Что же касается реформистов, то они оставались его лютыми врагами со времени их исключения из ИСП.

Цепкий ум и острое политическое чутье помогли Муссолини нащупать третий путь, позволявший синтезировать идеи «величия Италии» и «социальной революции». Так он оказался на позициях революционного интервентизма — принципиально нового явления в истории итальянского общественного развития. Много позже в беседах с Людвигом он скажет об этом с изрядной долей лживой скромности: «Синдикалисты хотели войны для ускорения приближения революции: я был одним из них». Это утонченное позерство было рассчитано на об-

щеизвестный факт: среди революционных интервентистов Муссолини был наиболее яркой и колоритной фигурой.

Сторонников нового движения объединяла идея «революционной войны за место под солнцем». Многие из них действительно поверили в возможность своим участием в войне приблизить революцию, решить наболевшие социальные проблемы и «сделать Италию великой». Эта перспектива оказывалась весьма соблазнительной и удобоваримой для широких слоев мелких собственников и люмпенов. И Муссолини постепенно становится выразителем именно их настроений. Его экстремизм был легко доступен пониманию обывателя и потому падал в мелкобуржуазной среде на благодатную почву.

23 января 1915 года, объявленного позднее днем рождения фашизма, в Милане собрались представители разрозненных групп революционного интервентизма, объединявших в то время около 5 тысяч человек. Был избран руководящий комитет нового движения и одобрен его устав. «Фаши» провозгласили свое намерение «создать такое положение, при котором Италия будет немедленно вовлечена в войну против центральных империй», то есть Германии и Австро-Венгрии. Название движения — «Фаши революционного действия» — не отличалось оригинальностью. В переводе с итальянского «фашио» означает «союз». Революционные «фаши» впервые появились в Италии в эпоху Рисорджименто, позже возникали анархистские и республиканские, рабочие и крестьянские «союзы борьбы». И в 1915 году движение под таким названием было не единственным. Еще в октябре 1914 года стоявшие на интервентистских позициях син-

дикалисты Де Амбрис, Корридонни, Росси провозгласили создание новой политической организации «революционный фашио интернационального действия», а через несколько месяцев появились «фаши» футуристов во главе с Ф. Т. Маринетти, рьяно требовавшим «полного уничтожения Австро-Венгерской империи». В тот период Маринетти стал не только единомышленником Муссолини, но и его наиболее опасным конкурентом в борьбе за популярность в массах. 11 апреля 1915 года после бурного выступления на митинге интервентистов у фонтана Треви в Риме Муссолини был задержан полицейскими агентами в штатском. 12 апреля арестовали и Маринетти, но спустя несколько дней оба были отпущены на свободу.

Правительство сквозь пальцы смотрело на бесчинства интервентистов, устраивавших шумные шабаши, демонстративно сжигавших знамена империи Габсбургов, преследовавших тех, кто слыл германофилом или нейтралистом. Это видимое безразличие выражало четкую позицию. Силы интервентистов поначалу были невелики и не внушали особых опасений, а к весне 1915 года их «деятельность» уже не только не противоречила замыслам итальянского кабинета, но вполне соответствовала им.

Когда началась война, большая часть итальянской буржуазии стояла на нейтралистской позиции. Некоторые ее слои были связаны деловыми операциями с германским капиталом, и им отнюдь не улыбалась перспектива быть втянутыми в конфликт на стороне Антанты. Другие — и их было большинство — считали, что в сложившихся условиях можно было дорого продать свой нейтралитет, добившись от Австро-Венгрии существенных усту-

пок без применения силы. Правительство А. Саландры поручило своему послу в Вене вступить в тайные переговоры с австро-венгерским кабинетом и одновременно продолжило торг с Англией и Францией о цене вступления Италии в войну на их стороне.

Однако вскоре война приобрела затяжной, позиционный характер, перспективы ее окончания выглядели весьма неопределенно. Военные машины воюющих держав набирали все большие обороты, втягивая огромные людские и материальные ресурсы. Доходы тех, кто наживался на войне, оказывались более весомым аргументом в споре со сторонниками выжидания будущих преимуществ. Лагерь буржуазных нейтраллистов был весьма аморфным и таял по мере того, как в стране усиливался экономический кризис и ширились антивоенные выступления масс. Обострение ситуации подстегивало нейтраллистов к переходу на интервентистские позиции, так как в войне им виделись не только источник солидных доходов, но и желанный выход из экономических и внутривнутриполитических трудностей.

Единственной партией, прочно стоявшей на позициях абсолютного нейтралитета, была ИСП. Однако, выражая антивоенные настроения подавляющей части рабочего класса, она была недостаточно сильна, чтобы эффективно противостоять нарастающей лавине интервентизма.

К весне 1915 года выбор правящих кругов был сделан окончательно. Форсировалась начатая ранее подготовка к войне: на предприятия распределялись военные заказы, передислоцировались воинские части, в армию призывались новобранцы, развернулась негласная мобилизация. Дипломати-

ческие торги со странами Антанты завершились подписанием в Лондоне секретного договора. Италии, взявшей на себя обязательство открыть военные действия, были обещаны солидные территориальные приращения в бассейне Адриатического и Средиземного морей, часть германских колоний в Африке и Додеканезские острова. Это был амбициозный экспансионистский замысел, осуществление которого привело бы к установлению гегемонии итальянского империализма в обширном регионе. Сделать оставалось совсем немного: заставить все еще нейтралистское большинство парламента принять навязываемое ему решение.

С этой целью был предпринят точно рассчитанный маневр: премьер-министр Саландра подал в отставку. События, последовавшие за этим, получили название «радужных майских дней». Забыв на время о внутренних распрях, все силы интервентизма объединились в стремлении нанести последний удар по антивоенной оппозиции. На улицы и площади городов хлынули разъяренные, одурманенные толпы. Они громили немецкие, и не только немецкие, магазины, опрокидывали автомобили и уличные фонари, избивали прохожих и вопили воинственные лозунги. Жажда животного насилия и наживы, стремление к самоутверждению через надругание над личностью, слепая ненависть — вся эта муть, годами копившаяся в тайниках души и разжигавшаяся милитаристской пропагандой националистов, в одночасье выплеснулась наружу.

В этом грязном потоке Муссолини чувствовал себя как рыба в воде. Он яростно обрушился на парламент. «Я все больше убеждаюсь, — писал он, — что для блага Италии было бы полезно расстре-

лять... дюжину депутатов и сослать на каторгу хотя бы несколько эксминистров... Парламент в Италии — это чумная язва, отравляющая кровь нации. Ее необходимо вырезать». Через пару дней досталось и королю. Со страниц своей газеты Муссолини нагло угрожал Виктору-Эммануилу III: «Мы хотим войны, и если Вы, Сир,.. откажете нам в этом, потеряете корону!»

Бесчинства интервентистов создавали иллюзию, будто войны жаждет вся Италия. На самом деле, как это часто бывает в истории, ее хотело лишь незначительное меньшинство. В Милане, Риме, Вероне, Палермо, Флоренции, Ливорно и других городах стихийно начались контрдемонстрации против вылазок интервентистов, сопровождавшихся многочисленными кровавыми инцидентами. В Турине началась всеобщая забастовка, вылившаяся в баррикадные бои. Однако антивоенные выступления масс были разрозненными, а ИСП не сумела возглавить это движение.

Потерпел фиаско и лидер нейтралистской буржуазии Дж. Джолитти, рассчитывавший опереться на парламентское большинство. В бесплодности попыток легальными методами предотвратить вступление в войну Джолитти покинул Рим. «Ты просишь меня черкнуть пару строк о Джолитти, — писал в те «радужные» дни Муссолини в одном из писем к националисту Дж. Преццолини. — Я бы предпочел не писать, а всадить ему в живот пять пуль из револьвера» (16, 35—36).

Кипя злобой, агрессивностью, но помня об ударе дубинкой по голове, Муссолини вначале лишь настороженно наблюдал за развитием событий. Когда же он убедился, что полиция не трогает погромщиков, то ринулся в самую гущу интервен-

тистского шабаша. Торквато Нанни, журналист из Форли, хорошо знавший Муссолини, так охарактеризовал его в то время: «Он не знает пределов насилию, ему чужды человеческие чувства.., ни один призыв не находил отклика в его сердце, в котором парит лишь собственная страсть. Для него имеют значение только личные намерения, личная воля, но не желания других».

Король не принял отставку кабинета Саландры, а запуганные, не раз подвергавшиеся шантажу депутаты, проведя последнюю перед открытием парламентской сессии ночь в гостинице под усиленной охраной полиции, покорно проголосовали за предоставление правительству чрезвычайных полномочий. Это было равнозначно вступлению Италии в войну. Она была официально объявлена Австро-Венгрии 23 мая 1915 года.

* * *

С первых же дней войны «патриотические» газеты наполнились победными репортажами с фронта. Однако особых оснований для военной бравады не было. Итальянская армия с большим трудом потеснила на несколько километров австрийские части, но добиться стратегического успеха не смогла. «Легкая военная прогулка», обещанная националистами, обернулась изнуряющими боями, нехваткой боеприпасов и техники, массовыми обморожениями, эпидемиями холеры и тифа. Ничтожные успехи были оплачены тысячами жизней.

Муссолини не последовал примеру многих «отважных» националистов и не бросился записываться добровольцем. Газетчики обвиняли его в трусости, он огрызался как мог, уверяя, что ждет призыва своего года. Повестка пришла лишь в конце

августа, и с середины сентября он был уже в действующей армии в составе II полка берсальеров.

Легенда о безрассудной храбрости Муссолини в годы первой мировой войны была создана им самим уже после ее окончания. На самом деле он не совершил ничего героического, что могло бы потрясти воображение обывателя. Муссолини носил военную форму 17 месяцев, но лишь треть этого срока провел собственно в траншеях, остальное — тыл, госпитали и отпуска. Осенью 1915 года он был направлен на курсы младших офицеров, однако закончить их не смог, так как командование опасалось его «подрывных намерений», и военная карьера Муссолини окончилась чином старшего капрала.

Как всякий солдат действующей армии, Муссолини «хлебнул» из фронтового котла: грязь и снег, сырость и пронизывающий холод, вши и недоедание, а главное — постоянное присутствие смерти — все это было им испытано и в мельчайших деталях отражено в дневнике, выдержки из которого периодически публиковались в «Пополо д'Италия». В этих записях, довольно нудных и однообразных, поражает бесстрашие, с которым Муссолини описывает муки и смерть людей. Гибель тысяч обезценивала жизнь отдельно взятого человека, и Муссолини привык относиться к смерти равнодушно. Смысл публикации дневника в газете был очевиден: «40 дней непрерывно в огне и под огнем», денно и ночью «рядом со смертельной опасностью», рядовой из рядовых, но явно превосходящий их своим интеллектом, — таким «скромным героем» хотел остаться Муссолини в памяти читателей. Каких-то особых привилегий он не имел, но к нему, как к редактору крупной ежедневной газе-

ты, многие офицеры проявляли повышенный интерес. Муссолини пользовался их мелкими услугами и не пренебрегал пищей из офицерской столовой.

В декабре 1915 года он заболел тифом и в первый раз угодил в госпиталь, а в феврале 1917 года стал жертвой несчастного случая: во время инструктажа новобранцев о пользовании минометом разорвалась одна из мин. Четверо солдат были убиты наповал, а сам Муссолини ранен в правую ногу. Врачи извлекли из нее около 40 мелких осколков, но затяжных последствий ранения не было.

В госпитале «Ронки» Муссолини впервые встретился с королем, который совершал вояж по лазаретам. Виктор-Эммануил III узнал его имя в июле 1912 года из газет, сообщавших, что молодой революционер добился исключения из социалистической партии Бономи, Биссолати и других маститых реформистов. Вряд ли король, едва успевший оправиться после покушения на его жизнь анархиста Антонио д'Альба, совершенного в марте 1912 года, обратил особое внимание на это имя. И уж тем более он не знал, что в той же эффектной речи Муссолини назвал неудавшееся покушение «обыкновенным несчастным случаем», естественным при «ремесле короля», а самого Виктора-Эммануила — «бесполезным гражданином». В дальнейшем королю не раз приходилось слышать о владельце крупной интервентистской газеты, а к моменту встречи он был хорошо информирован и о его антироялистских взглядах. Они перебросились несколькими ничего не значащими фразами. Виктор-Эммануил — невысокого роста и недалекого ума человек, прозванный в народе Щелкунчиком, — не был провидцем. Но даже самый изощренный ум в тот

момент вряд ли мог допустить, что всего через несколько лет эти люди встретятся вновь как главные действующие лица политического спектакля: один, внутренне торжествуя, будет изображать преданность Савойской династии, другой — скрепя сердце вручать ему портфель главы итальянского кабинета.

О ранении Муссолини сообщили почти все интервентистские газеты. Если верить дневнику, то письма и телеграммы сочувствия от знакомых и незнакомых людей доставляли ему чуть ли не ежедневно, а однажды принесли даже телеграмму от военного министра. Вскоре госпиталь «Ронки» разбомбила австрийская артиллерия, и Муссолини был переведен в Милан. В августе 1917 года он демобилизовался из действующей армии и вернулся в редакцию «Пополо д'Италия».

Фронт и ранение не убавили у Муссолини воинственного пыла. Так по крайней мере выглядело внешне. Однако теперь к яростным нападкам на «пораженцев», в разряд которых он зачислял всех, кто выступал за прекращение кровавой бойни, прибавились грубые выпады против российских большевиков и их вождя. Внимательно следя за событиями в России, Муссолини интуитивно почувствовал опасность лично для себя, для задуманного им дела. В этом его убедило и антивоенное восстание рабочих Турина в августе 1917 года. Люди устали от тягот военного времени, от недоедания и страха перед будущим. Слабый военно-промышленный потенциал Италии не обеспечивал нужд действующей армии, многие предприятия останавливались из-за нехватки сырья и топлива, солдаты отказывались воевать, даже несмотря на жестокие репрессии и расстрелы дезертиров. Год от

года ситуация ухудшалась, и в октябре 1917 года разразилась катастрофа у Капоретто.

Неожиданное наступление австрийцев застало командование итальянской армии врасплох. Войска не оказали серьезного сопротивления, фронт в считанные часы развалился. Целые полки и дивизии бросали оружие и устремлялись в тыл. Вместе с ними уходили толпы беженцев, гнавшие скотину и тащившие свои немудреные пожитки. По дорогам брели сотни тысяч измученных, озлобленных людей, еще совсем недавно считавшихся солдатами. Они не слушали ничьих приказов, они шли домой. Около 300 тысяч человек сдались в плен.

Муссолини знал чувства и настроения фронтовиков. Он понял, что эта масса ожесточенных людей переполнена опасным недовольством, которое может вспыхнуть от первой же искры. Фронтовики имели оружие и умели владеть им. Многие из них уверовали в силу как в универсальное средство разрешения любых противоречий, а цена человеческой жизни в их шкале нравственных ценностей резко упала.

И Муссолини начал их воспевать. Он разразился статьей, название которой говорило само за себя: «Окопная аристократия. Люди, гниющие сегодня в окопах, будут завтра цветом итальянской нации, — утверждал он. — Они придут к власти, разделаются со всеми пораженцами, установят свои порядки, наполнят новым содержанием старые, обветшавшие государственные формы и осуществят синтез двух антитез: класс и нация». Будущее будет за ними — таков смысл пафоса статьи.

Муссолини не лукавил. Он имел основания думать, что в недалеком будущем социальная неустроенность в сочетании со своеобразно понятым

чувством национального достоинства превратит фронтовиков в реальную и грозную силу, способную вынести на поверхность политической жизни любого, кто сумеет их возглавить. Нужно было только вовремя этой силой воспользоваться. И Муссолини делает ставку именно на нее.

19 марта 1918 года из «Пополо д'Италия» исчезли фразы Бланки и Наполеона, а в августе вместо старого подзаголовка «ежедневная социалистическая» появляется новый: «Газета бойцов и производителей». По-прежнему поливая грязью ИСП и Советскую Россию, Муссолини все чаще обрушивается на парламент, обвиняя его в бессилии и нежелании предпринимать решительные действия. Он пытается направить протест масс, в душах которых уже дали первые всходы посеянные войной семена иллегализма, против главного органа демократической системы. «Это чудовищно, — заявляет он, — что 40 миллионов итальянцев не значат ничего, а 400 депутатов значат все!»

Между тем война приближалась к концу. Правящие круги обеих воюющих группировок стремились быстрее покончить с ней, чтобы направить силы на борьбу с революционным подъемом. В октябре 1918 года итальянская армия сумела взять реванш за Капоретто. Она нанесла сильнейшее поражение австрийцам в районе Витторио-Венето и заняла провинцию Тренто. Более полумиллиона пленных, тысячи орудий и пулеметов, сотни тысяч ружей — таковы были оглушительные итоги этой кампании. Австро-Венгрия капитулировала, а через несколько дней прекратила сопротивление и германская армия, разгромленная в Европе.

Сражение при Витторио-Венето было крупным, но не решающим в ходе первой мировой войны. К

осени 1918 года ее исход уже был predetermined. Однако в сознании многих, особенно воевавших итальянцев, эта победа представлялась судьбоносной, непревзойденной по своему значению и масштабу. Она вернула Италии былую славу, поставила в один ряд с державами-победительницами, дала законное право на получение желанного, а точнее — определенного Лондонским договором «места под солнцем». Именно так ее живописали Муссолини и все националисты. Однако их аппетиты оказались чрезмерными бывшим союзникам по Антанте. И хотя итальянское королевство значительно расширило свои границы в Европе и колонии в Африке, размер полученного им «куска пирога» был меньше того, на который рассчитывали. Особенно болезненно было воспринято решение об адриатическом порте Фиуме, большую часть населения которого составляли итальянцы. Несмотря на настойчивые требования итальянской делегации, даже демонстративно покидавшей Парижскую мирную конференцию, но вынужденной вновь вернуться за стол переговоров, порт Фиуме не был отдан Италии. Кроме того, часть территории Далмации, на которую также претендовала Италия, была передана Югославии.

Эти решения дали обильную пищу для националистического брожения. «Нас обманули и предали!», «Ради чего сражались?!», «Мы побежденные среди победителей!» — эти и им подобные мысли появились на страницах газет, замелькали в разговорах обывателей, быстро разлетелись по Апеннинам. Миф об «урезанной победе» не имел ничего общего с национальными интересами страны. Но его распространению способствовала как поддержка со стороны империалистической буржуазии,

не удовлетворенной результатами войны, так и настроения бывших фронтовиков, выбитых из нормальной колеи и не сумевших быстро адаптироваться к мирной жизни.

Обстановка, с которой им пришлось столкнуться после возвращения из траншей, была действительно катастрофичной. «Разразился мир» — таким неожиданным, но точным словосочетанием определил ее Муссолини, имея в виду переход от военного противоборства к внутривойсковой и социальной борьбе. Война унесла более 700 тысяч жизней, около 1,5 миллиона человек были ранены и искалечены. Опустошение богатых северных провинций, разорение мелких собственников, застой в сельском хозяйстве и гражданских отраслях производства, массовая безработица и рост цен — эта реальность была слишком далека от той, которая рисовалась в воображении солдат «державы-победительницы». Социально-психологический статус бывших фронтовиков был нарушен. Они, перенесшие все тяготы и лишения войны, оказывались как бы «за бортом» мирной жизни. Перед уходом на фронт многие мелкие собственники продали свои лавчонки, а иных источников существования не имели. Десятки тысяч студентов так и не доучились в университетах, а рабочие потеряли места на производстве. И в то же время они видели, что оставшиеся в тылу в какой-то мере сумели оградить себя от тяжелейших последствий войны: буржуазия нажилась на военных заказах, рабочий класс упорной борьбой добился известных уступок. Поэтому озлобление фронтовиков было обращено против тех и других.

По сравнению с прочими демагогами, коих в то время было в Италии немало, Муссолини обладал

одним бесспорным преимуществом: он не только сумел проникнуться духом целого слоя, но и выразить в простой и доступной форме сокровенные мысли и чаяния обиженных на все общество людей, нащупать такие пружины в их сознании, которые усугубляли чувство обиды и побуждали к решительным действиям. Если бы Муссолини не нашел этой точки опоры, ему бы грозила судьба безработного журналиста. Правда, в швейцарский период он приобрел небольшой опыт работы каменщиком, а в 1920 году научился водить автомобиль и начал брать первые уроки летного мастерства. И хотя Муссолини делал это не ради заработка, профессии шофера и летчика он освоил.

Управление самолетом и лихая езда на машине доставляли ему удовольствие, сопряженное с определенным риском. Близость опасности, зачастую искусственно создаваемая, дополняла формируемый им в глазах обывателя образ человека бесстрашного и решительного. Нередко за это приходилось расплачиваться: Муссолини попадал в дорожные и авиационные катастрофы, но каждый раз отделялся испугом и незначительными повреждениями, а благополучный исход расценивал как благое предзнаменование и подтверждение особой роли, якобы уготованной ему судьбой.

После войны изменился и внешний облик Муссолини: когда-то сухощавый юноша превратился в плотно сбитого, приземистого мужчину с сильным торсом, накачанными мышцами и бычьей шеей. Грудь колесом, вращающиеся глаза, выпяченные губы, широко расставленные ноги и руки, решительно упертые в бока, — эта столь типичная для него поза и набор ужимок появились уже тогда, когда он еще только грезил своим будущим вели-

чием. Может показаться странным, что эти клоунские приемы лишь у немногих вызывали усмешку, но это было именно так. Современники отмечали умение Муссолини «завораживать» людей, завоевывать их симпатии. Это воздействие было сугубо эмоциональным. Муссолини уже в то время удавалось с легкостью изображать драматического героя, целиком захваченного «благородной идеей», эдакого бескорыстного служаку «интересам нации», защитника лишенных заслуженного признания ветеранов. Муссолини «протягивал руку» всем, кто считал себя обиженным существующим обществом, и ощущал свою сопричастность «обиде, нансенной нации». В ход шли и самые примитивные приемы: дружески-демократичное похлопывание по плечу, показная помощь занятому своим делом каменщику или кузнецу, льстивое восхваление простолюдина-труженика и т. д.

7 января 1919 года М. Карли, Маринетти и Ф. Векки основали в Милане первую ассоциацию ардитов (смельчаков). В нее вошли бывшие фронтовики, объединенные чувством боевого товарищества и ущемленного достоинства. Для многих из них идея лидера, способного силой обеспечить им заслуженное место в обществе, была близка и понятна. И Муссолини предстал перед ними именно таким лидером, живой легендой и «сверхчеловеком», для которого не было и нет ничего невозможного. Постепенно он стал не просто рупором настроений этого слоя, но его кумиром, героем самым сотворенного мифа. Муссолини был подвержен резким вспышкам гнева, мстителен и жесток, но эти качества лишь дополняли его облик «человека действия», готового на все. Однако маска бескорыстия скрывала холодный расчет.

Сменивший Муссолини на посту редактора «Аванти!» социалист Дж. М. Серрати однажды очень тонко подметил, что его предшественник был «трусом, но трусом феноменальным: рычащим. Люди, видевшие, но не знавшие Муссолини, считали его львом». Этот лев с заячьим сердцем, обещавший навести в стране порядок и вернуть Италии плоды «украденной победы», апеллировал не к добродетели. Он ловко разжигал в бывших фронтовиках жажду мести и алчность, чувство собственного превосходства и страсть к насилию. Его проповедь обещала дать выход низменным инстинктам, она притягивала люмпенов, безошибочно чужавших предстоящую поживу.

Ардиты были превосходной массой для маневра, однако Муссолини быстро понял, что для осуществления своего замысла ему нужна крепкая, боевая организация, которая действовала бы по мановению руки. 21 марта он собрал в Милане бывших интервенистов, националистов, футуристов. Всего около 60 человек. Они решили создать новую организацию «Фашио ди комбаттименто» («Боевой союз») и с этой целью созвать некое учредительное собрание. На призыв «Пополо д'Италия» откликнулось немногим более сотни человек. 23 марта 1919 года эти люди расположились под охраной ардитов в особняке миланского торгово-промышленного клуба на площади Сан-Сеполькро.

Два дня лились «патриотические» речи, звучали ставшие привычными призывы к восстановлению «величия Италии», шли дебаты о конкретных внешнеполитических требованиях. 54 человека подписали декларацию, в которой фашисты — так стали именовать себя члены новой организации — обязались защищать требования фронтовиков и саботи-

ровать всеми доступными средствами бывших нейтраллистов. Они провозгласили себя противниками всякого, в том числе итальянского империализма и тут же потребовали... аннексии Далмации и Фиуме. Так «новорожденное дитя» с первых же дней было запеленуто в демагогические покрывала, и чем взрослее оно становилось, тем больше натягивало на себя эти одежды.

Потенциальная сила фашистов заключалась в том, что они были нацелены на завоевания широких масс. Их программа вскоре была дополнена обширным перечнем социальных лозунгов, звучавших очень радикально: упразднение сената, полиции, каст, привилегий и титулов, всеобщее избирательное право, гарантии гражданских свобод, созыв Учредительного собрания, отмена тайной дипломатии и всеобщее разоружение, запрет банковских операций и прогрессивный налог на капитал, установление для всех 8-часового рабочего дня и минимума заработной платы, участие рабочих в техническом управлении предприятиями, секвестр 85 процентов прибылей военных корпораций и национализация всей военной промышленности, передача земли крестьянам, запрет детского труда до 16 лет, всеобщее образование и бесплатные библиотеки, лишение имущества религиозных конгрегаций и многое другое. Фашисты обращались не к какому-то конкретному социальному слою. Они апеллировали ко всем итальянцам, жаждавшим ощутимых социальных и политических перемен. В день основания первого фашио Муссолини так сформулировал кредо нового движения: «Мы позволяем себе роскошь быть аристократами и демократами, консерваторами и прогрессистами, реакционерами и революционерами, сторонниками ле-

гальности и нелегальщины в зависимости от обстоятельств времени, места и окружающей среды». Столь откровенная апология беспринципности позволяла использовать любые идеи и лозунги и не выдвигать платформы, основанной на какой-либо идеологической системе. Приспосабливаясь к настроениям масс, фашисты могли с легкостью менять свои знамена и методы действий. Отметим, однако, что многие фашисты первого часа — так звали тех, кто стоял у истоков движения, — действительно поверили в псевдореволюционные лозунги, в ту «великую революцию», которую они призваны совершить в интересах масс. Разочарование, постигшее их спустя несколько лет, было глубоким и тяжким.

В конце марта 1919 года Муссолини заявил: «Через два месяца тысяча фаши будет создана по всей Италии». Он рассчитывал, что их основателями станут корреспонденты «Пополо д'Италия» на местах. Однако его прогноз был чересчур оптимистичен. В борьбе за массы фашисты пока еще не могли успешно соперничать с социалистической партией, располагавшей поддержкой профсоюзов, солидным опытом классовой борьбы и устойчивым влиянием рабочих. Поэтому именно против ИСП Муссолини, уже как лидер нового движения, наносит свой первый удар. Выпад против ИСП сопровождался заверениями в симпатии к пролетариату, и в дальнейшем Муссолини никогда не скупился на подобные заверения, пытаясь оторвать рабочих от ИСП и противопоставить их. Как правило, это делалось под флагом защиты «национальных интересов». Социалисты, уверял Муссолини, есть агенты русских большевиков, стремящиеся насадить в Италии коммунизм и подчинить ее диктату «крас-

ной России», а сам большевизм — это «мрачное и преступное явление регресса и контрреволюции», с распространением которого в Италии давно следует покончить.

Теперь, имея в руках небольшую, но боевую организацию, Муссолини мог осуществить свою давнюю угрозу и пустить в ход револьвер. Не прошло и трех недель после создания первого фашио, как фашисты заявили о себе погромом. 13 апреля в Милане в ходе столкновений демонстрантов с полицией был убит рабочий-социалист. В ответ на это ИСП призвала начать всеобщую забастовку. С раннего утра 15 апреля в городе наблюдалось оживленное движение: войска и полиция занимали ключевые точки, рабочие-забастовщики формировали колонны, фашисты, вооруженные холодным и огнестрельным оружием, собирались у редакции «Пополо д'Италия». Среди них было немало ардитов. Сам же Муссолини — вооруженный револьвером и гранатами «кабинетный генерал» — предпочел забаррикадироваться в своем «логове» под охраной дюжих молодчиков из личной «гвардии». Все приказы он отдавал по телефону.

Толпа фашистов двинулась к площади «делла Скала». На улице Мерканти их головные отряды столкнулись с колонной забастовщиков и открыли огонь: кто-то бросился на землю, кто-то бежал, колонна рассыпалась, и дорога к зданию, где размещалась редакция «Аванти!», оказалась открытой. Само здание было оцеплено войсками, имевшими приказ не допустить налета, но после первого же выстрела войска расступились, и штурм начался. Опьяненные легким успехом, фашисты громили помещения редакции, выбрасывали из окон мебель и оборудование, жгли архив и линотип. С криками

«Аванти!» больше нет!» они сорвали с фасада здания знак газеты и поволокли его по улицам взбуряженного города. Муссолини приветствовал «победителей», поздравив их с «разгромом сил большевизма». От его цепкого взгляда не укрылся тот факт, что полиция и войска остались безучастными к происшедшему, а официальные газеты даже не осудили этот акт вандализма. В интервью «Джорнале д'Италия» он заявил: «Мы, фашисты, не готовили нападение на газету социалистов, но мы берем на себя всю моральную ответственность». Тщательно спланированное нападение было представлено таким образом стихийной реакцией масс на засилье социалистов.

В июне 1919 года Муссолини встретился в Риме с Габриэле Д'Аннунцио. Имя этого человека было широко известно на Апеннинах: поэт-декадент, певец великодержавной Италии, доброволец первой мировой, страстный оратор и ярый националист. Вернувшись с фронта, Д'Аннунцио все еще жил духом ушедшей войны. Он вступил в переписку с Муссолини, начал публиковать в его газете «патриотические» статьи и призывы к захвату Фиуме. Летом 1919 года Д'Аннунцио сформировал 9-тысячный легион, в который вошли даже некоторые воинские части с полным вооружением, и в сентябре без ведома и согласия итальянского правительства захватил порт Фиуме, находившийся под юрисдикцией Антанты.

Муссолини с восторгом приветствовал эту авантюру. 7 октября он даже специально слетал на один день в захваченный город. «Пополо д'Италия» объявила подписку в фонд помощи Д'Аннунцио и через несколько месяцев собрала около трех миллионов лир. Однако большая часть этой суммы

была использована Муссолини для подготовки своей предвыборной кампании и вооружения фашистских боевых отрядов — сквадр, якобы готовившихся к отправке в Фиуме. Дальнейшие события показали, что Муссолини всерьез не собирался этого делать. Он не без оснований опасался конкуренции со стороны Д'Аннунцио, который своими действиями завоевал широкую популярность. Д'Аннунцио обдумывал возможность захвата власти в Италии и в переписке с Муссолини обсуждал идею «похода на Рим», планируя его на весну 1921 года. Его легионеры в Фиуме даже распевали песенку о том, как они это сделают. Но Муссолини явно не устраивала роль второго лица. «Поход на Рим» как козырную карту он хотел приберечь для себя. Однако время для этого еще не настало, и Муссолини продолжал вынужденно аплодировать Д'Аннунцио, настороженно следя за каждым его шагом.

В ноябре 1920 года в местечке Рапалло между Италией и Югославией был подписан договор, в соответствии с которым порт Фиуме был объявлен самоуправляемой территорией. Д'Аннунцио не признал этот договор и отказался очистить город, поэтому итальянское правительство было вынуждено прибегнуть к военной силе.

В сложившейся ситуации Муссолини увидел прекрасную возможность избавиться от опасного конкурента. На следующий день после подписания договора он заявил, что итальянцы, мол, не должны быть «загипнотизированы» Адриатикой, что есть другое море — Средиземное, в сравнении с которым Адриатика — лишь небольшой залив. И хотя Муссолини осудил жестокость, с которой королевские войска очищали Фиуме, против самого

штурма он не возражал. В те дни даже поговаривали, будто Муссолини и Дж. Джолитти, вновь ставший премьером, пришли к негласному соглашению: Муссолини и его сквадры получают неприкосновенность на отказ от поддержки Д'Аннунцио и признание договора в Рапалло. Документальных подтверждений этого сговора не существует, но безнаказанность фашистов наводит на мысль, что нечто подобное вполне могло иметь место.¹

Но все это будет позже, а пока в октябре 1919 года немногочисленные еще фашисты собираются на свой первый съезд во Флоренции. 56 организаций, около 17 тысяч членов, в основном в крупных городах. Муссолини же полагает, что влияние движения намного превосходит рамки этих цифр. Полон уверенности в своих силах, он призывает присоединиться к фашизму всех, кому надоело подчиняться «диктату партий» и управляющей ими бюрократии.

Спустя месяц самоуверенности и амбиции дуче был нанесен сильный удар. В ноябре 1919 года в Италии проходили очередные парламентские выборы на основе нового избирательного закона, в соответствии с которым вводилась пропорциональная система и было дано право голоса безграмотным. Фашисты рассчитывали на успех и выставили 19

---

¹ После захвата фашистами власти Д'Аннунцио не долго пробыл в фаворе у диктатора и вскоре впал в немилость. Опальный поэт удалился на свою виллу на озере Гарда, где прожил в тише до своей смерти 1 марта 1938 года. По свидетельству Ракеле, ее мужу пришлось в соответствии с последней волей покойного отрезать у него ухо и оставить себе как символ их прежней дружбы.

кандидатур¹. Ни одна из них не набрала нужного количества голосов, а за Муссолини было подано лишь немногим более 4 тысяч. Это был глубокий нокдаун, тяжесть которого усугублялась внушительной победой социалистической партии, получившей 154 мандата. Ее фракция в парламенте стала второй по величине.

Вечером 16 ноября, когда стали известны итоги голосования, противники Муссолини имитировали его похороны: по улицам Милана пронесли гроб, окруженный горящими свечами. На следующий день «Аванти!» с сарказмом писала о найденном в канале Навильо гниющем трупе. «Кажется, это Бенито Муссолини». По словам М. Сарфатти, его любовницы и биографа, Муссолини был полностью деморализован. Он хотел продать газету и бросить политику, стать каменщиком или пилотом, убраться куда подальше и даже эмигрировать (27, 230). Несколько дней он пребывал в состоянии полной протрации.

Тем временем его сторонники не сидели сложа руки. Бесчинства сквадристов начались сразу после объявления результатов выборов. Фашистские молодчики пытались сорвать празднование успеха социалистами. В Милане они швырнули бомбу в многотысячную толпу. 4 демонстранта были убиты, около 40 ранено. ИСП потребовала от правительства роспуска фашистских организаций и ареста их главарей. В редакции «Пополо д'Италия» полиция произвела обыск, изъяла 7 револьверов и несколь-

---

¹ Из этих 19 человек лишь двое — Ф. Маринетти и П. Бользон — вошли позднее в высшую фашистскую иерархию, прочие затерялись, а некоторые даже порвали с фашизмом.

ко взрывных устройств. Муссолини, Маринетти и Векки были арестованы, но через двое суток отпущены по ходатайству сенатора Л. Альбертини, считавшего, что политическая карьера Муссолини на этом закончена и не следует создавать вокруг его имени ореол мученика.

Так думал не только Альбертини, но и многие другие представители итальянского правящего класса, пока еще не придававшие серьезного значения фашистскому движению. Их помыслы все больше занимали события в революционной России и вызванный ими небывалый рост классовой борьбы на Апеннингах.

Впоследствии 1919—1920 годы историки назовут «красным двухлетьем». Никогда прежде Италия не знала столь мощного подъема забастовочного движения. Экономические стачки вспыхивали повсеместно, чередовались и сливались с политическими. «Сделать, как в России!» — этот лозунг объединял и вдохновлял сотни тысяч, и пусть далеко не каждый мог толком пояснить, что именно там происходит, ясно было одно: большевики взяли власть в свои руки. Мощное движение солидарности с Советской Россией не на шутку напугало правящие круги и помешало отправке итальянского экспедиционного корпуса в Грузию.

В 1920 году обстановка в стране накалилась до предела. В апреле забастовали рабочие Турина. Придя на свои заводы, они заняли цехи и отказались приступить к работе. Стачка охватила весь Пьемонт и стала распространяться вширь. 7 августа французский посол в Риме послал в Париж паническую телеграмму. «Итальянская металлургия и машиностроение целиком охвачены большевизмом», — говорилось в ней.

Революционный ветер, гулявший по Италии, вызывал у Муссолини озноб. Он быстро понял, откуда и куда он дует. Решив прозондировать почву, дуче отправился к видному профсоюзному лидеру Бруно Буоцци и в доверительной беседе заявил ему, что не придает большого значения занятию фабрик, но если это движение выльется в «созидательную революцию», то он, Муссолини, примкнет к революционерам (4, 82).

Многие рабочие считали захват предприятий именно началом революции. Они добывали оружие, формировали дружины обороны, запасались продуктами. Но в борьбу за завоевание политической власти это движение не переросло. Оно развивалось в отрыве от выступлений крестьян и городской бедноты, да и возглавить его было некому. Социалистическая партия разрывалась внутренними противоречиями: правые пытались сбить накал выступлений, левые на словах ратовали за захват власти и установление диктатуры пролетариата, центристы всячески пытались сохранить единство партии, примирив тех и других. Внутри левого крыла стояла особняком группа Антонио Грамши, издававшая в Турине газету «Ордине нуово». Она предлагала использовать опыт русских большевиков. Деятельность группы носила локальный характер и не оказывала существенного влияния на политику ИСП. С осени 1920 года революционное движение в Италии пошло на спад.

Нельзя не отметить прозорливость А. Грамши, который еще в мае 1920 года отмечал, что «за настоящим этапом классовой борьбы в Италии последует либо завоевание революционным пролетариатом политической власти... либо бешеный разгул реакции имущих классов и правящей касты.

Будут пущены в ход все средства из арсенала насилия» (70, 159). Пережив «великий страх» в период «красного двухлетия», итальянская буржуазия стала искать такую силу, которая гарантировала бы в будущем невозможность повторения революционного подъема, установила жесткий полицейский режим и обеспечила решение агрессивных внешнеполитических задач. И вот тогда взоры промышленных и финансовых магнатов, генералитета, крупных государственных чиновников, политиков и аристократов, одним словом, всех тех, кого можно условно объединить названием «правлящий класс», стали все чаще обращаться к фашистам, уже зарекомендовавшим себя яростными врагами рабочего движения. Их антикапиталистическая демагогия настораживала, но не пугала: было ясно, что это необходимое средство для привлечения масс.

Однако полного единодушия внутри правящего блока не было. Некоторая его часть считала необходимым безраздельно отдать фашизму рычаги государственного правления, чтобы «завинтить гайки» до упора. Иные — Джолитти и его либеральные сторонники — полагали, что приход фашистов к власти допустим лишь на время, необходимое для наведения порядка. Это была наивная позиция, но так или иначе обе группировки сходились на необходимости в данный момент отказаться от старых, исчерпавших себя буржуазно-либеральных методов правления в пользу диктаторских.

Очень скоро фашисты почувствовали, что их призывы к установлению «сильной власти» находят все большее сочувствие наверху. Ощутили они это и своим кошельком, в который потекли тысячи лир

от пожелавших остаться неизвестными могущественных благодетелей. На эти деньги закупалось оружие и форма, вербовались боевики, формировались ударные отряды. В деревне фашистам удалось увлечь за собой массы крестьянства, выдвинув лозунг «Землю тем, кто ее обрабатывает». Эмоциональные струны бедняков были задеты рисуемой фашистами перспективой материального благополучия и продвижения наверх. Увлеченные социальной демагогией и разочарованные бессилием социалистической партии, потянулись к фашистам и рабочие. Псевдореволюционный дух и мистика насилия увлекали молодежь, причем речь шла не только о выходцах из средних слоев населения, но молодежи вообще, как социально-демографической категории, объединенной общими стремлениями и порывами. Фашизм демонстративно объявил себя «движением молодежи», свое дело — «ставкой на молодежь», своей задачей — «омолаживание нации» (77, 7). «Молодость — это весенние воды, в фашизме — спасение нашей свободы», — горланили на улицах и площадях свой гимн фашистские молодчики. Им нравилось сочетание в фашизме боевой и политической силы, соблазняли вседозволенность и безнаказанность чисто хулиганских действий: охоты за неудобными, избиения, издевательства над людьми с применением касторки и т. д.

Насилие было возведено сквадристами в ранг высшего принципа. Мало кто из них был склонен морализировать, но если таковые и находились, то мысль о морали рождала не сомнение, а уверенность в правоте, ибо насилие было оправдано с точки зрения так называемых «высших национальных интересов». «Нам было необходимо проложить свой путь через насилие, через жертвы, через

кровь, чтобы установить столь желанный массами порядок и дисциплину, а добиться этого слюнтяйской пропагандой было невозможно» — так Муссолини объяснит впоследствии кровавый разгул сквадризма. По его словам, маленькая бомба в те годы знала больше, чем сотня больших собраний, а бомб и гранат, брошенных фашистами в местах скопления людей, были тысячи.

Одну из самых крупных провокаций они совершили 21 ноября 1920 года в Болонье. На этот день было назначено празднование победы социалистов на муниципальных выборах. В палатце «д'Аккурсио», где проходило торжественное заседание, фашисты взорвали мощный заряд динамита, на улицах города начались вооруженные стычки. 9 убитых, около 100 раненых — таков итог кровавой вылазки, положившей начало лавине фашистского террора. Только за январь—февраль 1921 года в Италии погибло в столкновениях около 250 человек, в том числе 40 фашистов. По подсчетам итальянского историка П. Сприано, в первой половине 1921 года сквадристы разгромили и подожгли 119 палат труда, 59 народных домов, 107 помещений кооперативов, 83 здания крестьянских лиг, 141 помещение секций и кружков рабочих партий, 28 комитетов профсоюзов, редакции многих рабочих газет (62, 131). «Мы всегда заявляли и заявляем, что готовы принять гражданскую войну», — оправдывал хулиганства сквадристов Муссолини. Следует только уточнить, что фашизм не «принимал», а навязывал стране гражданскую войну. Таковы были первые дивиденды, полученные на вложенные в него средства.

Детище быстро набирало силу, и Муссолини даже счел нужным успокоить тех, кто был напуган

его «всесокрушающим» размахом. «Капитализм — это иерархия ценностей, ... созданная веками, — писал он на страницах своей газеты. — Сегодня эти ценности незаменимы». Рьяный «ниспровергатель» несправедливого строя понял, что пора изменить тональность своих филиппик.

По мере усиления фашистского натиска нарастало и сопротивление ему. Массовые митинги и демонстрации чередовались с забастовками протеста, во многих городах возникли «комитеты пролетарской защиты», повсюду стали создаваться «отряды народных смельчаков», объединившие всех, кто был возмущен фашистским террором и готов сражаться против сквадристов с оружием в руках. Это было глубоко народное антифашистское движение, вобравшее в себя представителей различных социальных групп и идейных ориентаций. «Народные смельчаки» охраняли антифашистские собрания и митинги, вступали в вооруженные бои со сквадристами и нередко одерживали верх над ними.

Италия стала ареной ожесточенной битвы, исход которой во многом зависел от умелого руководства действиями противников. В этом отношении преимущество было на стороне фашистов, объединенных в боевые группы и подчиненных единому руководству. Что же касается антифашистов, то их возглавить, по существу, оказалось некому. Их силы были распылены, рабочий класс расколот. ИСП, самая авторитетная в пролетарских массах партия, вообще отвергала вооруженные методы борьбы и придерживалась тактики «пассивного сопротивления», уповая на органы государственной власти: полицию и войска. Выдвинутый ею лозунг социализации земли был чужд и непонятен крестья-

янству, а нередко высмеиваемые патриотические идеи и чувства создавали впечатление, что социалисты вообще были лишены национального достоинства. Пассивность руководства не мешала, однако, многим рядовым социалистам вступать в отряды «народных смельчаков» и драться с фашистами.

Молодая компартия (КПИ), созданная в период спада революционного движения в январе 1921 г., провозгласила своей целью осуществление социалистической революции и тем самым сразу заняла сектантские позиции, противопоставив себя не только буржуазному государству, но и социал-реформистам. Примитивно оценивая фашизм как «белую гвардию буржуазии», руководство КПИ во главе с А. Бордигой запретило своим членам вступать в отряды «народных смельчаков» и призвало создавать свои, чисто пролетарские «коммунистические отряды» для отпора фашизму и борьбы за установление диктатуры пролетариата.

Фашисты умело пользовались расколом рабочих партий. Они сумели проникнуть в профсоюзы и другие массовые организации трудящихся, развернули широкую кампанию по подготовке к надвигавшимся парламентским выборам.

Муссолини не скрывал своих намерений. В условиях спада революционного движения, когда непосредственная угроза существующей системе миновала, он открыто заявил о своих претензиях на завоевание политической власти. «Фашизм — это гигантская мобилизация моральных и материальных сил, — писал он 23 марта 1921 года. — Чего мы добиваемся? Говорим об этом без ложной скромности: управления нацией».

Фашизм претендовал на управление нацией от имени некой «молодой Италии», якобы идущей на

смену «старой и одряхлевшей». В этом содержалась лишенная всяких оснований претензия на глубокую историческую преемственность, ибо превознесение «молодого духа» восходит корнями ко временам Д. Мадзини¹, который усматривал в новом поколении силу, способную нанести сокрушительный удар старому режиму на всем Апеннинском полуострове. Впоследствии восхваление молодости было вновь поднято на щит Д'Аннунцио, а затем подхвачено футуристами. Теперь фашизм в лице Муссолини заявлял о своих «правах преемника молодого духа нации». Он требовал ее оздоровления, открывал «широкие национальные горизонты», рисовал перспективу величия и могущества. Эта завораживающая картина захватывала дух, и каждый был волен толковать ее по-своему, связывать с ней свои сокровенные мечты и надежды.

В фашизме причудливо переплетались устремления самых разных людей и социальных групп. Нужно было быть именно таким «человеком толпы», как Муссолини, чтобы ощутить пульс этой массы и вовремя бросить лозунг, мгновенно подхватываемый тысячами глоток. «Италия или Россия!» — вот дилемма, к которой Муссолини свел многообразие порывов, противопоставив «диктатуре политиканов» и «казарменной прозе социализма по русскому образцу» идею величия итальянской нации. И многие уцепились за эту идею, ища в ней последнюю духовную опору и надежду. Национализм завлекал как водоворот, отодвигая на задний план доводы рассудка. Число сквадристов

---

¹ Д. М а д з и н и (1805—1872) — вождь республиканско-демократического крыла итальянского Рисорджименто.

увеличивалось, но еще быстрее росли симпатии к ним в средних и особенно деклассированных слоях населения. Этот факт подтвердили парламентские выборы, прошедшие в мае 1921 года.

Католики, коммунисты и социалисты выступали на выборах отдельно, каждый со своей программой, а вот фашисты приняли предложение Джолитти войти в так называемый Национальный блок, включавший либералов демократов и другие группы буржуазии. Муссолини баллотировался по округам Болонья—Феррара—Равенна—Форли и Павия—Милан. 15 мая 1921 года он наконец-таки был избран депутатом итальянского парламента.

Конечно, ему это льстило, несмотря ни на какие антипарламентские выпады. Уязвленное тщеславие от не столь уж давнего поражения было в какой-то мере удовлетворено. Но главное было не в этом. Депутатское удостоверение не только гарантировало неприкосновенность личности и право использовать парламентскую трибуну для огульного охаивания демократии в ее же чреве, но впервые давало возможность приобщиться к механизму законотворчества, заглянуть краем глаза в те самые «коридоры власти», о которых Муссолини давно с вожделием мечтал. Кроме того, 35 мандатов, полученных фашистами, позволяли им участвовать в парламентской игре, закулисных комбинациях и сделках. И хотя Муссолини называл все это «мышинной возней», а парламентскую группу фашистов — «карательным взводом» и хотя в каждом его слове о парламенте звучало нескрываемое презрение, он тем не менее прекрасно понимал, что именно через парламент может пролегать один из возможных путей к власти. И, проявляя внешнее безразличие, Муссолини внимательно присмат-

ривался к внутрипарламентской кухне, просчитывал шансы на успех.

Л. Федерцони, наблюдавший его в первый день работы в Монтечиторио, отмечал, что Муссолини «имел вид постороннего наблюдателя, ироничного и любопытствующего. Он занял место в последнем ряду крайне справа... Здесь этот зритель принимал визиты своих коллег, но, совершенно очевидно, предпочитал сидеть в одиночку. Он никогда не приближался к другим секторам зала и не вмешивался в дискуссии» (10, 67). Показное пренебрежение к окружающему сквозило и в первом выступлении Муссолини с парламентской трибуны, но в нем он сделал несколько реверансов в сторону своих противников: предложение о материальной помощи Ватикану должны были услышать депутаты от Народной партии, а заявление о необходимости прекратить кровопролитие было адресовано социалистам. Это был тактический ход, рассчитанный на зондаж потенциальных союзников, ибо возможность насильственного захвата власти пока еще выглядела более чем неопределенной.

Но были и другие цели. Подобным заявлением Муссолини пытался немного остудить пыл местных сквадристских главарей — расов (так их называли по аналогии с племенными вождями), вышедших из-под контроля центрального руководства. Разгул фашистской вольницы противоречил его замыслу немного сбавить обороты насилия, ибо нарастал мощный ответный вал протеста. Нужно было переждать и выиграть время. Понимая это, Муссолини делает еще один ход: он предлагает социалистам оформить прекращение взаимных нападок соответствующим документом — «пактом умиротворения». Верные своей тактике «пассивного сопротивления»,

лидеры ИСП и реформистских профсоюзов принимают предложение и 3 августа 1921 года подписывают с Муссолини этот документ. Фашизм, которому нельзя было верить ни на словах, как на бумаге, получил необходимую передышку, хотя часть экстремистски настроенных сквадристов не подчинилась решению и продолжала бесчинствовать. Фашисты Эмилии-Романьи на съезде в Болонье открыто заявили о своем отказе признать этот пакт, а спустя несколько дней их примеру последовали сквадристы Тосканы и Умбрии.

В движении назревал кризис. Муссолини знал, что, поставив свою подпись, он спровоцирует конфликт между экстремистами и теми, кто был настроен более умеренно. Однако он все же пошел на это, рассчитывая еще одной победой упрочить свое положение абсолютного лидера. Узнав о решении в Болонье, он заявил: «Если фашизм не следует за мной, никто не может заставить меня следовать за фашизмом», и тут же подал в отставку с поста члена исполнительного комитета движения.

Дуче и на этот раз блестяще разыграл свою партию. Его отставка не была принята, и он получил возможность действовать так, как считал необходимым. Постепенно кризис миновал, движение «народных смельчаков» пошло на убыль, фашисты выиграли время, и Муссолини разразился статьей под названием: «Мне наплевать». Ее заголовок, тон и само содержание не оставляли сомнений в окончательном погребении «пакта умиротворения» с социалистами. В этом эпизоде Муссолини проявил себя не только как беспринципный политикан, но и как мастер верхушечной интриги. Ему нравилось новое парламентское амплуа, но для выдвижения на первые роли пока еще не хватало политического

опыта, а главное — сил и организации. Давний поклонник Сореля и не столь давний противник всяких партий, Муссолини вдруг, отчасти даже неожиданно для себя осознал, что конституирование фашизма в политическую партию может дать ему в руки мощнейший рычаг в борьбе за власть. В таких случаях он никогда не оглядывался на свои прошлые лозунги, а действовал так, как требовали «обстоятельства места и времени». Глубоко усвоенный им прагматизм Джемса срабатывал безотказно.

На третьем съезде фашистских союзов, проходившем в Риме в ноябре 1921 года, Муссолини и его сторонникам удалось одержать верх над провинциальными расами, многие из которых считали, что создание партии ослабит их власть на местах. Довольно вяло сопротивлялись и «профсоюзники», воспитанные на сорелевском отвращении к партии как институту «прогнившей парламентской системы». Подавляющая часть фашистского руководства ощущала необходимость придать движению какую-то законченную форму и провозгласить создание партии.

Выступая на учредительном съезде, Муссолини изложил ее экономическую программу. Мы против социализма, без обвиняков заявил он, но и против слабости буржуазного государства, неспособного управлять производством. В экономике — мы либералы и, придя к власти, вернем в частные руки железные дороги, почту, телеграф, телефон и некоторые отрасли промышленности. «Классовая борьба — это сказка, — продолжал Муссолини, — потому что человечество нельзя разделять. Пролетариат и буржуазия как таковые не существуют, будучи звеньями одной и той же формации». Клас-

сы, таким образом, не являются основной формой социальной организации общества. Главная и единственная форма — нация, то есть организм, «содержащий в себе бесконечные ряды прошлых, настоящих и будущих поколений. Отдельный индивид в этой исторической панораме является лишь преходящим моментом», поэтому все интересы, личные и групповые, должны быть подчинены высшим интересам нации. Юридическим воплощением нации является государство, а «политические институты могут быть эффективными лишь постольку, поскольку национальные ценности находят там свое выражение и защиту». А раз так, то государство, не отвечающее интересам нации, должно быть заменено новым (72, 37). Такова была главная идея платформы фашистской партии, объединившей в момент создания более 300 тысяч человек. Ее первым генеральным секретарем стал ровесник и давний сподвижник Муссолини Микеле Бьянки, чья идейно-политическая эволюция почти в точности повторяла путь самого Муссолини¹.

Демонстративный отказ от поста генсека — жест, типичный для Муссолини. В среде камератов (так обращались друг к другу фашисты) его все чаще называли дуче, а дуче должен быть выше партийной текучки. И хотя формально Муссолини стал лишь членом руководства партии, на деле он

---

¹ М. Бьянки (1883—1930) — социалист, сотрудник «Аванти!», интервентист, один из редакторов «Пополо д'Италия», в дальнейшем — руководитель молодежных фашистских организаций, с 1929 года — министр общественных работ.

обладал всей полнотой власти, и его авторитет в ПНФ¹ был непререкаем.

Съезд закончился парадом фашистских сквадр и учиненным ими побоищем. Рабочие Рима ответили на него забастовкой. «Пакт умиротворения» перестал действовать не только фактически, но и юридически. Началась новая полоса фашистского террора.

Муссолини, как и прежде, избегал участия в налетах, предпочитая руководить и вдохновлять. Для черновой работы у него были «бешенные псы», типа главаря эмилианских фашистов Дино Гранди², которые никогда не скрывали своего экстремизма и всячески поощряли разбой. Сам дуче являл собой образчик «героизма» в ином деле: он систематически вызывал своих обидчиков на дуэли. «Героизм» заключался лишь в нарушении закона, так как дуэли были в Италии запрещены. Первый раз Муссолини испытал навыки фехтовальщика еще в 1915 году, подравшись с адвокатом-анархистом Л. Мерлино, которого Муссолини в ответ на критические статьи обозвал «канальей». В том же году взаимные обвинения в печати вылились в дуэль на шпагах с социалистом-реформистом К. Тревесом. Схватка была остановлена секундантами, и противники разошлись, так и не пожав

---

¹ PNF (ПНФ) — Partito nazionale fascista (Национальная фашистская партия).

² Д. Г р а н д и (1895—1984) — доброволец первой мировой войны, сквардист с первых дней фашизма, занимал ряд крупных государственных должностей: посла в Лондоне, министра, президента палаты фаши и корпораций. Осужден военным трибуналом союзников, но вскоре амнистирован.

друг другу руки. Сценарий трех последующих дуэлей с журналистами в 1921—1922 годах был аналогичен прежним: оскорбления в печати, демонстративный вызов, обмен ударами, расставание ко взаимному удовольствию. Лишь в ходе первой дуэли Муссолини получил легкую царапину.

Его образ жизни в начале 20-х годов существенно изменился. Газета приносила приличный доход, обеспечивающий семье уровень жизни выше среднего. Вскоре появились и соответствующие этому уровню привычки. В 1920 году Муссолини купил свою первую машину — светлую 4-местную «Бьянки Торпедо». По тем временам это была явная роскошь, а спустя немного времени появился и персональный водитель.

Весной 1922 года фашисты перешли к открытой борьбе за власть. «Я не блефую и не торгую дымом, — заявил Муссолини. — Революция — это не «ящик сюрпризов», открываемый для удовольствия. Сейчас революции делаются с армией, а не против нее, с регулярными отрядами, а не с аморфными массами, с оружием, а не без него... Мы готовы — победа или поражение!» 11 мая фашисты по приказу Муссолини захватили Феррау. Это была первая проба сил, вслед за которой последовала целая серия подобных операций. 19 мая сквадристы воцарились в Ровиго, 30-го — в Болонье. Правительство Л. Факта бездействовало и, чтобы избежать полной дискредитации, подало в отставку.

1 августа по призыву профсоюзов началась всеобщая забастовка протеста. В ряде мест она переросла в вооруженные бои с фашистами, но после формирования нового кабинета Л. Факта

стачка была прекращена, что, по сути дела, означало поражение рабочих.

13 августа Национальный совет ПНФ потребовал роспуска парламента. В тот же день было создано военное командование фашистскими отрядами. Это означало, что Муссолини предусматривал по крайней мере два варианта захвата власти: парламентским и вооруженным путем.

Осенью 1922 года в Италии фактически установилось двоевластие: фашисты захватывали все новые города и провинции, а центральное правительство смотрело на это сквозь пальцы. Стало ясно, что правящие круги взяли курс на передачу фашизму власти. Оставалось решить лишь вопрос о том, в какой форме это сделать. Однако обстановка изменялась столь стремительно, что окончательный выбор уже не зависел от воли тех или иных политических деятелей.

О том, что произошло в Италии в октябре 1922 года, написаны тысячи страниц. Многие выдумали впоследствии сам Муссолини и его апологеты, реальные факты переплелись с домыслом, а наиболее часто повторяемые эпизоды для целого поколения итальянцев стали азбучными истинами, в которых сами участники событий уже не всегда могли отличить правду от вымысла. И все же попробуем восстановить канву событий, опираясь на реальные факты и документы тех лет.

20 сентября 1922 года в помещении федерации кооперативов в Риме Муссолини объявил о своем намерении организовать «поход на Рим». Однако точной даты установлено не было, да и само решение носило пока еще пропагандистский характер.

16 октября в резиденции миланских фашистов на улице Сан-Марко собрались фашистские глава-

ри: Бьянки, Теруцци, Бальбо¹, Де Векки,² Де Боно³. Муссолини настоял на участии в совещании и военных специалистов — генералов Фара и Чеккерини. «Мы не должны ограничиваться требованием смены правительства, — заявил им Муссолини. — Речь идет о преобразовании режима... Не будем опускаться до компромиссов, пустим в ход нашу силу. Момент настал!» Несмотря на возражения военных, предлагавших отсрочить выступление на 40 дней для предварительной обработки армии, Муссолини, Бьянки и Бальбо настояли на немедленных действиях. Италию разделили на 12 военных зон, в каждой из которых фашисты по сигналу из центра должны были захватить ключевые точки: префектуры, вокзалы, почты и т. д. Для оперативного руководства «походом на Рим» Баль-

---

¹ И т а л о Б а л ь б о (1896—1940) — типичный представитель фронтовой молодежи, главарь фашистов Феррары. После захвата власти возглавлял фашистскую милицию национальной безопасности, был министром авиации, губернатором Ливии. Погиб при загадочных обстоятельствах.

² Ч е з а р е М а р и я Д е В е к к и (1884—1959) — видный адвокат и землевладелец, «фашист первого часа», создавший движение в Пьемонте. Командовал фашистской милицией, был губернатором Сомали, послом фашистской Италии в Ватикане, затем стал министром национального воспитания. В 1944 году заочно осужден фашистским трибуналом в Вероне, а спустя три года — военным трибуналом союзников.

³ Э м и л и о Д е Б о н о (1866—1944) — маршал фашистской Италии, занимал крупные государственные должности, в том числе губернатора Триполитании, министра по делам колоний, командовал фашистскими войсками при захвате Эфиопии. Расстрелян по приговору фашистского суда в Вероне.

бо, Де Боно, Де Векки и Бьянки составили квадрумвират, выбрав в качестве своей резиденции Перуджу, а резерв расположив в Фолиньо. Фашисты должны были войти в Рим тремя колоннами, предъявить ультиматум правительству Факта и овладеть основными министерствами. В случае провала операции предполагалось провозгласить создание фашистского правительства в Центральной Италии и готовить новый «поход на Рим».

Азартный игрок Муссолини сделал свою главную ставку. Однако сомнения по-прежнему одолевали его. Фашисты не имели необходимых технических средств для осуществления мятежа. На их «высокий боевой дух» рассчитывать также не приходилось, ибо они привыкли одерживать победы лишь будучи в большинстве. Муссолини отдавал себе отчет в том, что военная авантюра может закончиться плачевно, так как регулярным войскам не составляло особого труда разогнать толпу боевиков. Несмотря на воинственные заявления, он все еще колебался, не исключая возможности «легального» захвата власти. Бальбо якобы даже пригрозил дуче, что в случае его нерешительности фашисты совершат «поход на Рим» без него. И это действительно могло случиться, так как логика развития фашистского движения неумолимо толкала его к насильственному перевороту. В какой-то миг Муссолини, «прародитель» и признанный вождь фашизма, ощутил себя его пленником. Он понял, что проявление нерешительности может загубить все дело и в одночасье разрушить его авторитет среди оголтелых экстремистов, которые попытаются обойтись без него. Однако общий тактический расчет Муссолини был верен: ставка

делалась не столько на собственный удар, сколько на нежелание противника сопротивляться. По мере того как машина подготовки мятежа набирала обороты, остатки сомнений у Муссолини рассеивались.

Точки над «i» были поставлены 24 октября в Неаполе, где в театре «Сан-Карло» открылся очередной съезд фашистских союзов. В этот день дуче выступил на нем с агрессивной речью, ультимативно потребовав у правительства предоставить фашистам пять министерских портфелей и комиссариат авиации. «Мы, фашисты, не собираемся идти к власти через «черный ход», — заявил он, — сейчас вопрос о власти становится вопросом силы». Понимая, однако, что исход борьбы будет в значительной, если не в решающей, степени зависеть от позиции короля, Муссолини красочно расписался в своей преданности монархии, которая якобы не может и не должна противиться силам, несущим оздоровление нации. Фашистская «революция» не таит угрозы ни Савойской династии, ни армии, ни даже парламенту, она лишь ставит своей целью «вливать в либеральное Государство всю силу молодых поколений итальянцев, рожденных войной и победой». Муссолини, всю свою политическую карьеру шедший под республиканским флагом и всего лишь год назад демонстративно покинувший зал заседаний парламента во время тронной речи короля, Муссолини, отстоявший в упорной борьбе с монархистами республиканскую формулу фашизма, этот же самый Муссолини за несколько дней до «похода на Рим» отказывается от своего антироялистского прошлого и из конъюнктурных соображений расшаркивается перед королем. Не пройдет и трех лет, как бывший республиканец назовет

Виктора-Эммануила «живым символом военной славы нации», которому фашисты намерены служить «всеми силами и энергией,.. а если понадобится, то и высшим самопожертвованием». Э. Хемингуэй действительно имел основания называть Муссолини «самым хитрым оппортунистом эпохи».

Во второй половине дня дуче принимал парад прибывшего в Неаполь фашистского воинства и время от времени бросал в толпу зажигательные лозунги. «На Рим! На Рим!» — вторили ему тысячи глоток. Видимо, именно в этот момент решение о походе созрело окончательно. Муссолини уже мерещилось взятие казарм, захват министерств, строительство баррикад, и над всем этим парил его «гений», ведущий за собой массы и одерживающий блистательную победу.

Вечером того же дня в отеле «Везувий», где остановился Муссолини, собрались квадрумвиры и заместители секретаря ПНФ Стараче, Теруцци, Бастианини. Вопрос один: когда? Муссолини торопит своих единомышленников, требуя закончить дело до назначенной на 4 ноября патриотической манифестации, грозящей сорвать их замыслы. После недолгих дебатов решение принято: 27 октября — всеобщая мобилизация фашистов, 28 — атака главных центров.

Муссолини спешно выехал в Милан. Прибыв туда утром 26 октября, он сразу вступил в торг о коалиционном правительстве с кандидатом на пост премьера правым либералом Саландрой, а вечером демонстративно отправился в театр то ли с Ракеле, то ли с М. Сарфатти и ее дочерью, рассчитывая таким образом выказать спокойствие духа и усыпить бдительность полиции.

На следующий день «Пополо д'Италия» за подписью «Квадрумвират» опубликовала призыв ко всеобщей мобилизации фашистов. Сразу полилась кровь: в Кремоне, Болонье и Алессандрии скwadристы были уже неуправляемы. Кабинет министров принял решение об отставке, но предварительно утвердил и даже разослал на места декрет об осадном положении, в соответствии с которым армия получала необходимые полномочия для наведения порядка. В Рим стягивались регулярные части, а командовавший ими генерал П. Бадольо¹ уверенно заявил, что «фашизм развалится при первом же выстреле».

Узнав о декрете правительства, Муссолини вновь сильно заколебался, но на случай провала операции у него был разработан нехитрый план бегства: быстрая «Бьянки Торпедо» в считанные часы могла доставить его до швейцарской границы. Историю обмануть невозможно. Через 23 года свергнутому диктатору все же пришлось проделать часть этого пути.

Утром 28 октября Муссолини забаррикадировался в редакции своей газеты, хотя особых оснований для беспокойства у него не было. Он был в прекрасных отношениях с префектом Милана Лузиньоли, который выставил армейские патрули на улицах, ведущих к редакции. Муссолини выгля-

---

¹ Пьетро Бадольо (1871—1956) — потомственный военный, прошедший путь от капитана до маршала, участник войны в Ливии и первой мировой, в годы фашизма — начальник генштаба армии, вице-король Эфиопии, обладатель множества титулов и наград, первый премьер-министр Италии после падения режима Муссолини.

дел скорее охраняемой, нежели преследуемой персоной.

Столь напугавший фашистов декрет мог обрести силу лишь после подписания его королем. Вечером 27 октября срочно вызванный из загородной резиденции монарх заявил, что «Рим следует защищать любой ценой», но на следующий день утром после непродолжительной беседы с премьер-министром Л. Факта король изменил свое решение. Можно лишь предполагать, чем он при этом руководствовался. Вероятно, надеждой сторговаться с Муссолини и тем самым избежать лишних потрясений. Не исключено, что он опасался дворцового переворота, ибо среди фашистов пользовался немалой популярностью претендовавший на престол герцог Аостский — командующий «непобедимой» армией в годы первой мировой войны. Так или иначе, но в 11.30 официальное агентство «Стефани» объявило об отмене действия декрета.

Фашисты перевели дух. Их колонны бодрим маршем двинулись к Риму, а Муссолини получил предложение занять со своими единомышленниками четыре министерских поста. Он даже склонен был принять это предложение, но в момент разговора главарь миланских сквадристов Ч. Форми буквально вырвал у него из рук телефонную трубку.

На следующий день генерал Читтадини уведомил Муссолини о приглашении короля явиться в Рим для переговоров. Но дуче уже понял, что игра выиграна. Он ответил отказом, заявив, что поедет в Рим, лишь будучи официально назначенным премьер-министром. При чем Муссолини настаивал на телеграфном уведомлении о назначении, так как телефонные обещания его не устраивали. Днем

29 октября столь желанное извещение было получено, и Муссолини немедленно потребовал у префекта Лузиньоли специальный поезд. Перед отъездом он отдал приказ миланским чернорубашечникам разгромить редакцию «Аванти!». «Газета не должна выйти, — процедил он сквозь зубы, — иначе завтра мне швырнут под ноги всеобщую забастовку». Забравшись в спальный вагон, Муссолини неожиданно обернулся к служащему вокзала и с угрожающей улыбкой произнес: «Теперь поезда будут ходить по расписанию». Это было одно из немногих обещаний, действительно выполненных дуче.

Утром 30 октября, когда фашисты уже хозяйничали в Риме, новый премьер-министр ступил на перрон столичного вокзала Термини. Его встретил М. Бьянки и отвез в отель «Савой», где Муссолини отдал приказ об организации «победного марша» сквадристов и переоделся в боевую фашистскую форму: черную рубашку, темно-зеленые брюки и краги. В этом бутафорском наряде в 11.15 он предстал перед королем.

«Ваше Величество, — театрально произнес Муссолини, — приношу Вам свои извинения за то, что явился сюда в черной рубашке. Но я только что с поля боя, к счастью, обошедшегося без кровопролития. Я возвращаю Вашему Величеству Италию времен Витторио-Венето, возвеличенную новой победой. Остаюсь покорным слугой Вашего Величества». В этот, как ему казалось, исторический момент Муссолини очень нравился самому себе. Несколько лет спустя в беседе с Э. Людвигом он признался, что по дороге в Рим чувствовал себя артистом. И, как всякий артист, дуче играл на публику. Выйдя с королем на балкон, он привет-

ствовал ликующие толпы чернорубашечников. Санкюлоты фашизма не очень стройными рядами маршировали перед дворцом. Они праздновали победу, в упоении которой лелеяли мечты о «великом будущем». Так осуществился фашистский переворот, с иронией названный в народе «революцией в спальном вагоне».

«ТРУП ПОД НОГАМИ»

«Вечный город», не раз за свою многовековую историю становившийся объектом варварских нападений, вновь подвергся нашествию, на этот раз варваров своих, доморощенных. И хотя фашисты не разрушали дворцов и храмов, вели они себя как подлинные завоеватели: отказывались оплачивать счета в отелях и барах, избивали «подозрительных», горланили свой гимн «Джиовинецца». В рабочих кварталах начались погромы, штурмом были взяты резиденция ИСП и редакция журнала «Комуниста», чудом удалось избежать насилия П. Тольятти. 31 октября многотысячная колонна чернорубашечников с развернутыми национальными знаменами, под звуки браваурного марша, исполнявшегося оркестром берсальеров, прошла от площади «Дель Пополо» по улице Корсо к площади «Венеция», разразилась тысячами восторженных воплей перед «Квириналом», из окон которого на фашистов взирала королевская чета, и устремилась к столичному вокзалу Термини. В ту же ночь 50 специальных поездов увезли из Рима эту галдящую орду.

Несколько месяцев Муссолини переезжал из отеля в отель, а затем снял четвертый этаж в при-

надлежавшем барону Фассини «палаццо Титони». Семью он решил оставить в Милане и вскоре настолько от нее отдалился, что, даже наезжая в Милан, нередко под предлогом обилия дел и к огорчению Ракеле, предпочитал останавливаться в отеле или в служебном помещении.

В течение 7 лет Муссолини вел жизнь не обремененного семейными заботами донжуана. По дому ему прислуживала немолодая гувернантка, пищу он получал с кухни барона, а все свободное время занимали шедшие чередой женщины. Дуче был настолько нагл и развратен, что считал излишним даже элементарный камуфляж своих амурных дел. О жене и детях (их было уже трое: дочь Эдда и два сына — Витторио и Бруно) он «срочно вспомнил» лишь несколько лет спустя, когда ему понадобилось сделать очередной реверанс в сторону Ватикана. В 1924 году дети безбожника Муссолини полутайно, в одной из комнат миланской квартиры, временно превращенной в часовню, впервые совершили полный обряд причастия, а через год он сам обвенчался с Ракеле в церкви. В тот день, 29 декабря, Муссолини якобы заявил жене, что «никогда не допустит разрешения разводов в Италии». В устах ловеласа такое заявление звучало нескрываемой насмешкой.

Став премьером, Муссолини сохранил многие привычки провинциального популиста. Мелкобуржуазная среда, в которой он вырос, навсегда привила ему пристрастие к внешней красочности, показной пышности, дешевым эффектам. Его поведение и стиль были далеки от аристократической утонченности, немного вульгарны и мелочно-тщеславны. Скрывая свою неотесанность, Муссолини демонстративно презирал светские манеры и даже

на официальных церемониях и обедах не всегда скрупулезно соблюдал правила этикета, так как толком не знал и не хотел знать их. Зато с первых же дней он усвоил привычку высокомерно разговаривать с подчиненными, не предлагая им даже сесть в своем кабинете.

Муссолини был невысокого роста (167 см), и в нем рано обнаружилась склонность к полноте. Он не был элегантен и не умел со вкусом одеваться, предпочитал носить военную форму и имел несколько ее вариантов. Ему особенно нравился черный костюм и шляпа с большим гребнем из перьев. Он любил покрасоваться перед зеркалом, а однажды приказал срочно позвать знакомую молодую даму. Когда она, запыхавшись, явилась, дуче произнес: «Я пригласил тебя, чтобы ты оценила, хорош ли я в этом костюме». Склонность к самолюбованию дуче не утратил даже в самые тяжелые годы своей жизни.

В начале 20-х годов личная охрана Муссолини была относительно невелика, а на службу он предпочитал ездить за рулем нового спортивного автомобиля ярко-красного цвета. Иногда он внезапно останавливался, чтобы поговорить с горожанами и крестьянами, и как-то раз зашел в тратторию, владельцем которой был его давний знакомый по Швейцарии, некто Поджолини. Отказавшись от предложенного ему вина, Муссолини выпил стакан воды и ушел, а сметливый владелец тут же выставил этот стакан на видном месте, повесив на него табличку: «Из этого бокала пил дуче Италии». Какой-то фанатик купил стекляшку за приличную сумму, а ловкач Поджолини поставил на ее место новую с той же надписью. Говорят, этот нехитрый бизнес процветал не один год.

В питании Муссолини был довольно умерен, предпочитая овощи и фрукты. В 1925 году у него случился первый серьезный приступ язвы желудка. Почти на два месяца он был выбит из колеи и нигде не появлялся. Лучшие врачи после многократных осмотров и консилиумов решили обойтись без операции. Болезнь дуче тщательно скрывалась от прессы, однако слухи, как это часто бывает, сразу поползли по стране. В дальнейшем Муссолини, с усердием заботившийся о своем здоровье, придерживался строгой вегетарианской диеты.

До сентября 1929 года он занимал два рабочих кабинета: в «Виминале» (резиденция министерства внутренних дел) и в старинном дворце «Киджи», где в годы фашизма располагалось внешнеполитическое ведомство Италии. Почти ежедневно газеты помещали пространные обзоры под специальной рубрикой «Рабочий день Бенито Муссолини», которые свидетельствовали о том, что дуче трудится не покладая рук. Так стали постепенно закладываться основы будущего культа, и сам Муссолини активно поощрял эти начинания. Впитавший идеи Сореля, он был убежден, что массы, не обладающие высоким интеллектуальным потенциалом, больше расположены доверять мифам, нежели логическим доводам рассудка. Мифы не нужно осознавать, в них достаточно слепо верить. «Сейчас время мифов, — писал он в 1922 году — ...и только миф может дать силу и энергию народу, кующему свою судьбу». Первым таким мифом, который начали систематически вколачивать в сознание людей, был миф о могуществе и всесилии вождя. В 1924 году, после того как Муссолини наблюдал за извержением вулкана Этна, официальные газеты поместили сообщение, будто поток огненной лавы

и пепла остановился под сверкающим взглядом дуче. К немалому удивлению М. Сарфатти, показавшей Муссолини этот бред, он не только не выразил ни малейших признаков удивления или гнева, но даже «нашел описание вполне естественным, как будто он сам верил в то, что остановил лаву».

Дуче так уверовал в собственную исключительность, был столь беспредельно самоуверен, что, став во главе правительства и не имея ни малейшего опыта управления, с лихостью принялся, нередко по наитию, плодить многочисленные декреты и распоряжения. Эта деятельность носила сугубо эмпирический характер, но ее направленность была очевидна. Муссолини стремился сосредоточить в своих руках всю полноту власти, в первую очередь — исполнительную. «Я хочу быть простым, бескорыстным слугой государства, — скажет он немного позже, — лидером партии, но прежде всего — главой сильного правительства» (14, 204). На третий день после назначения в кабинет Муссолини вошел его сподвижник П. Орано. «То, чего до сих пор не было, есть, — торжественно заявил ему дуче, — правительство. Это я. И все слушайте меня хорошенько, все итальянцы должны и будут подчиняться. Итальянцы до сих пор никогда не подчинялись. Ни одно правительство не обладало в Италии реальной властью. Итальянцы должны быть управляемы, и они будут управляемы... все, всегда, во всех областях жизни». Говоря, «правительство — это я», Муссолини перефразировал известное изречение Людовика XIV «Государство — это я», но смысл обоих высказываний был одинаков — безраздельно править. И в первом же правительстве, помимо поста премьера, Муссолини взял себе еще

две ключевые должности: министра иностранных и внутренних дел.

Формально это правительство было коалиционным. Наряду с фашистами, занявшими посты министров юстиции, финансов и более десятка должностей заместителей глав других ведомств, Муссолини в индивидуальном порядке пригласил войти в его состав ряд деятелей буржуазных партий. «Я мог бы разогнать парламент и образовать чисто фашистское правительство, — заявил он несколько дней спустя на открытии очередной сессии парламента. — И все же я образовал коалиционное правительство, чтобы призвать на помощь истощенной Италии всех,.. кто хочет ее спасти... Я не хочу править против воли палаты... Но палата должна понять, что от нее самой зависит, сколько ей осталось жить: два дня или два года». Вождь уверенно стоял на трибуне и с мрачной усмешкой бросал в зал отрывистые фразы. Он снова и снова возвращался к навязчивой мысли, что вот именно сейчас, в этом зале, требуя, а не прося вотум доверия своему кабинету, он переворачивает новую страницу итальянской истории. Муссолини упивался сознанием своего величия. Оно наполняло его беспредельной радостью, побуждало как можно обиднее унижить парламент и отхлестать его по щекам. «Я мог бы превратить это глухое и темное помещение в солдатский бивак, — по-хамски заявил он. — Мы требуем полноты власти, ибо берем на себя всю ответственность». Этот наглый ультиматум Муссолини назвал «актом формальной учтивости» и закончил свою речь призывом активно трудиться на благо Италии.

Оставалось решить лишь вопрос о доверии кабинету: 306 депутатов проголосовали «за», 102 (в

основном коммунисты и социалисты) — «против», 7 — воздержались. Тем самым парламент сделал первый шаг навстречу своей гибели. Многие депутаты, особенно католики и либералы, голосовали за правительство Муссолини только потому, что в сложившейся ситуации не видели какой-либо альтернативы. Они наивно надеялись, что, придя к власти под лозунгом наведения порядка и установив этот порядок, фашизм образумится, и все войдет в прежнюю, накатанную колею. Но история не прощает политической близорукости, за нее всегда приходится платить, и очень дорого.

Муссолини не скрывал своих намерений. Захват власти ему удалось осуществить в рамках формальной законности: он был назначен королем, а парламент утвердил состав его кабинета. Теперь же речь шла о том, чтобы сконцентрировать в своих руках всю полноту власти. И хотя Муссолини добился неограниченных полномочий для реорганизации административного аппарата и финансовых мероприятий, одних министерских постов для реального полновластия было недостаточно: в условиях кризиса либерального государства исполнительная власть, к которой он так стремился, себя дискредитировала. Поэтому дуче попытался повысить ее авторитет и фактически поставить над законодательной. Гарантией такого положения служили два новых института, созданных в декабре 1922 — январе 1923 года.

Первому из них — Большому фашистскому совету (БФС) — на ближайшие два десятилетия суждено было стать высшим органом политической власти в стране, хотя никаких юридических оснований для этого пока не имелось. В его состав вошли члены Дирекции ПНФ, фашисты-министры, а

также назначавшиеся лично Муссолини некоторые главы местных фашистских организаций. БФС реально контролировал деятельность правительства, утверждал законопроекты и декреты перед внесением их на рассмотрение парламента, фактически решал все сколько-нибудь важные вопросы жизни страны. БФС должен был собираться на свои заседания 12-го числа каждого месяца в 22.00, и хотя на деле он нередко заседал в другие дни и часы, деятельность этого органа была окружена мистической таинственностью и торжественностью. Новая власть отгораживалась от окружающего мира неким ритуальным барьером, не только возносясь, но и противопоставляя себя этому миру.

Вторым институтом, укрепившим личную власть Муссолини, стала фашистская милиция, существование которой было узаконено декретом короля. Отныне фашистские боевики оказались «на службе у отечества». Они присягали на верность королю, но действовать должны были «по приказам Главы правительства». Тем самым дуче не только набросил узду на фашистскую вольницу, подчинив ее исполнительной власти, но и получил в свои руки мощное террористическое орудие подавления инакомыслия и оппозиции.

Захват фашистами власти был с одобрением встречен в кругах крупных финансистов и бизнесменов. О своей поддержке правительства Муссолини сразу заявили Конфедерация промышленников и крупнейший в Италии Коммерческий банк. Многие буржуазные либералы остались на позициях пассивной враждебности, другие, например, сенатор Л. Альбертини и редактор туринской газеты «Ривольционе либерале» П. Гобетти, открыто выступили с протестом в печати.

Рабочее движение утратило прежний наступательный порыв. Резко снизилось число забастовок, углубился раскол между рабочими партиями. Фашисты умело пользовались растерянностью масс. В новых условиях непрекращавшийся сквадристский террор сочетался с методами правительственного давления. Фактически был отменен завоеванный в период «красного двухлетия» 8-часовой рабочий день, осуществлены массовые увольнения железнодорожников, ограничена свобода печати. Фашистские профсоюзы, созданные еще летом 1922 годы и насчитывавшие более 1 миллиона членов, открыто претендовали на монополию среди рабочих и вытесняли профсоюзы других политических ориентаций. Специальным декретом было отменено празднование 1 мая, а Национальным праздником труда объявлено 21 апреля — день основания Рима. В 1923 году состоялись первые политические процессы над противниками режима, начавшиеся с суда над группой коммунистов во главе с А. Бордигой.

Муссолини не жалел времени и сил на подавление оппозиции. Нередко он сам по газетным публикациям составлял списки антифашистов и рассылал их местным сквадристским главарям, сопровождая вопросом: «А что, есть еще фашисты в вашей провинции?» Парижская газета «Квотидьен» воспроизвела факсимиле телеграммы дуче, посланной им префекту Турина: «Гобетти упорствует в своей ядовитой кампании против фашизма, — говорилось в ней. — Прошу принять меры, чтобы сделать невозможной жизнь этому глупому оппозиционеру правительства и фашизма». Травля П. Гобетти продолжалась еще несколько лет вплоть до ноября 1925 года, когда ему было окончательно

запрещено заниматься издательской деятельностью. Зимой 1926 года после тяжелой болезни он выехал во Францию, где вскоре вновь заболел и скончался.

Активное подавление оппозиции Муссолини считал вполне естественным и необходимым при утверждении новой формы власти. 1 марта 1925 года в фашистском журнале «Джераркия» была опубликована его статья, озаглавленная «Сила и консенсус». В ней утверждалось, что «консенсус — это столь же изменяемая и подвижная форма, как построения из песка на берегу моря. Консенсус не может быть ни вечным, ни всеобщим... Любое мероприятие правительства рождает недовольных», и прежде чем этот слой станет представлять опасность для государства, необходимо применить против него вооруженную силу. «Возможно, именно сила повлечет за собой согласие, и уж во всяком случае, когда не хватает согласия, есть сила». Поэтому фашизм, продолжает рассуждать Муссолини, «не боится прослыть реакционным и объявить себя антилиберальным... Фашизм не знает идолов и не боготворит фетишей. Однажды он уже прошел, и если будет необходимость, спокойно пройдет еще раз через полуразложившееся тело Богини Свободы».

Само понятие «свобода» было для Муссолини некой отвлеченной категорией, лишенной конкретного содержания. Не раз он откровенно насмеялся над принципами Великой французской революции, говорил, что свобода всегда существовала лишь в воображении философов, а народ, мол, просит у него не свободу, а хлеб, дома, водопроводы и т. д. «Люди устали от свободы, — писал он в 1923 году. — Теперь свобода уже перестала быть той непороч-

ной и строгой девой, ради которой боролись и гибли поколения второй половины прошлого века. Для взволнованной и суровой молодежи, вступающей в жизнь в утренних сумерках новой истории, есть другие слова, вызывающие гораздо большую привлекательность. Эти слова: порядок, иерархия, дисциплина» (77, 111). Высокопарность стиля подчеркивает лишь убогость и прямолинейность самой мысли автора. Свобода, равенство, братство, справедливость — все это объявляется пустой фразой и выбрасывается из лексикона фашистов во имя «порядка и дисциплины», а столь презируемая дуче демократия оказывается не чем иным, как абсолютной фикцией. «Демократия — это правительство, — утверждает он, — которое дает, или пытается дать народу иллюзию того, что он является господином» (19, 262). Комментарии, как говорится, излишни.

Став премьером, Муссолини не имел ясного представления о механизме функционирования исполнительной власти, однако с первых же дней начал перетряхивать бюрократический аппарат, заменяя старых чиновников новыми — фашистами или симпатизирующими им. Многие с удивлением узнавали о своем смещении из сообщений официального агентства Стефани, причем предлогом, как правило, служила «собственная просьба» об отставке. Бывало и так, что Муссолини выгонял высокопоставленных чиновников, даже не объясняя причин своего решения. Для осуществления политического надзора за деятельностью префектов и руководителей крупных государственных учреждений к ним были приставлены фашистские комиссары.

Поначалу дуче не имел сколько-нибудь определенной программы своей деятельности. С избытком

хватало лишь уверенности в способности «свернуть горы», и, как это ни парадоксально, уверенность профана на первых порах способствовала успеху его начинаний. Большинство социально-экономических мероприятий фашистского правительства в 1922—1924 годах носило спонтанный характер, было продиктовано прагматическими соображениями и конкретной обстановкой. Однако в целом они способствовали стабилизации капитализма и выводу страны из затяжного послевоенного кризиса.

В эти годы Муссолини, в недавнем прошлом «непримиримый революционер» и борец против засилья капитала, видел путь оздоровления экономики в свертывании государственного регулирования и поощрении частной предпринимательской инициативы. Новая «сильная власть», призвавшая граждан «копить и обогащаться», всячески стимулировала приток капиталов в промышленное производство. Была прекращена деятельность парламентской комиссии по расследованию злоупотреблений на военных поставках в годы войны, отменена именная регистрация ценных бумаг, что открывало широкие возможности для подпольных финансовых махинаций, денационализированы телеграф, телефон и трамвайные линии, отменены налоги на роскошь, в том числе автомобили, и наследование крупных состояний, отпущены солидные кредиты католическому «Банко ди Рома» и «Коммерческому банку», повышены таможенные тарифы и изменена система налогообложения: вместо прямых прогрессивных налогов вводились пропорциональные и увеличивались косвенные. Эта мера сильно ударила по благосостоянию основной массы рядовых налогоплательщиков, интересы которых были также ущемлены отменой ограничений на

рост квартирной платы и платы за аренду земли. Правительство сократило государственные расходы на социальное страхование, отменило ряд пенсий и пособий бывшим фронтовикам, ввело налог на заработную плату рабочих. Подъем экономики, продолжавшийся до конца 20-х годов, позволил стабилизировать курс лиры и вернуть его к золотому стандарту.

Известной стабилизации удалось достичь и в международном положении Италии. В ответ на запросы итальянских представительств за рубежом об изменениях во внешнеполитической линии Муссолини, уже переехавший во дворец «Киджи», но еще не разобравшийся толком в перипетиях международной жизни, слал успокоительные телеграммы. Его заботила не столько проблема преемственности внешней политики, сколько завоевание признания и авторитета фашистским правительством на международной арене. Как-то раз Муссолини заявил, будто ему «глубоко безразлично», что говорят и пишут о нем за рубежом. Этим «фиговым листком» дуче пытался прикрыть свою болезненную восприимчивость ко всему негативному, что появлялось о нем в зарубежной печати. Он постоянно требовал информации от посольств, теребил полпредов и консулов, заставляя их создавать образ несокрушимого лидера и развеивать любые слухи о непрочности его кабинета. Сама же внешнеполитическая линия нового правительства поначалу не претерпела сколько-нибудь существенных изменений по сравнению с прежней. Фашисты лишь привнесли в нее больший элемент агрессивности и авантюризма.

Первый вояж за рубеж в качестве премьера и министра иностранных дел Муссолини совершил в

ноябре 1922 года. Он отправился на открытие международной конференции в Лозанне, где предстояло урегулировать отношения стран Антанты с Турцией. Подъезжая к городу своей «революционной юности», Муссолини испытывал сложное чувство сентиментальной иронии и злорадного торжества: в преддверии поездки он официально потребовал у кантональных властей отмены давнего решения о его высылке. Теперь он возвращался победителем, жаждавшим признания и поклонения.

Перед началом работы конференции Муссолини предложил французскому премьеру Пуанкаре и министру иностранных дел Великобритании лорду Керзону провести небольшую предварительную встречу для согласования позиций. Она состоялась в местечке Территет. Прибыв на станцию, Муссолини увидел прогуливавшихся по платформе Пуанкаре и Керзона, однако не сделал и шагу в их сторону. Обывательская чванливость взяла верх над дипломатической учтивостью. Маститым политикам пришлось воспользоваться мудростью Магомета, понявшего, что гора не пойдет ему навстречу. (На следующий день Муссолини умышленно опоздал на полчаса к началу конференции, а в ходе ее работы напускал на себя скучающе-высокомерный вид). Беседа глав Антанты проходила при закрытых дверях на французском языке. Ее результатом было состоявшееся из общих фраз комюнике, смысл которого сводился к тому, что страны Антанты будут действовать в духе общего согласия. Это расплывчатое решение дало основание Муссолини чуть позже заявить с невероятным апломбом, что ему, дескать, удалось «восстановить равенство» союзников и Италии. По мнению многих авторов, Муссолини чувствовал себя на этой

встрече не совсем уютно, так как его претензия на совершенное владение французским языком была беспочвенной. Во всяком случае, он делал вид, что все понимает, и часто повторял: «Je suis d'accord» («Я согласен»).

Пост главы правительства требовал от дуче большей осмотрительности и осторожности в высказываниях. Выступления главаря чернорубашечников до «похода на Рим» были пропитаны злобным антианглийским пафосом; премьер-министр сразу заговорил более дружелюбно. Вынашивая идею превращения Средиземного моря в «итальянское озеро», дуче не мог игнорировать военноморскую мощь недавней «владычицы морей». Кроме того, он хотел заручиться поддержкой Англии в своей политике на Балканах, встречавшей противодействие Франции. Это стремление нашло понимание в британском Форин оффисе. Королевская чета нанесла визит в Рим, наградив Муссолини «орденом Бани», а сам дуче съездил в Лондон. Лорд Керзон в официальных беседах и интервью всячески превозносил деяния фашизма, а в кулуарах назвал Муссолини «абсурдным человеком».

Вскоре дуче подвернулся удобный случай заявить о себе миру как о решительном и волевом политике. Летом 1923 года на албано-греческой границе работала международная комиссия по определению демаркационной линии. 27 августа ее глава итальянский генерал Теллини, двое сопровождавших его офицеров и шофер были убиты неизвестными. Муссолини воспользовался инцидентом и предъявил Греции унижительный ультиматум. 31 августа по его приказу на греческий остров Корфу после бомбардировки из корабельных орудий был высажен десант. Этот акт неприкрытой

агрессии, который, как выяснилось, давно вынашивался итальянским генштабом, был решительно осужден международной общественностью и Лигей наций, куда Греция обратилась с жалобой. Муссолини пришлось вывести войска с Корфу и удовлетвориться 50 миллионами лир в качестве компенсации семьям погибших. Однако его мелкобуржуазное тщеславие было удовлетворено: теперь весь мир знал, что Италия и ее новый лидер не оставляют безнаказанным ни одного обидчика. Внутри страны эта авантюра преподносилась как крупный внешнеполитический успех правительства.

Еще более значительным успехом выглядело подписание в январе 1924 года договора о дружбе и сотрудничестве с Югославией, правящие круги которой в расчете на будущие дивиденды пошли на серьезные уступки Италии в «большом вопросе» о Фиуме. В соответствии с достигнутым соглашением этот многострадальный город был передан итальянскому королевству, а Югославия получила отделенный от него рекой порт Барош. Радости Муссолини и националистов не было предела. Он буквально лопался от удовольствия, когда Виктор-Эммануил вручал ему за этот успех высшую награду королевства — усыпанное драгоценными камнями ожерелье «Святой Девы».

Правда, несколько дней спустя спесивости у «творца международной политики» немного поубавилось. Муссолини оказался жертвой нехитрого маневра дипломатии «туманного Альбиона», связанного с юридическим признанием СССР. Еще в своей первой речи в парламенте в ноябре 1922 года Муссолини выразил готовность пойти на сближение с советской Россией и признать ее де-юре. Это заявление было продиктовано не только пропаган-

дистскими целями, но и реальной заинтересованностью в получении рынка сбыта традиционных предметов итальянского экспорта: шелка, вина, фруктов, автомобилей, шерсти, кожи и т. д. Кроме того, торгово-промышленные круги Италии стремились получить установленную советским правительством «премию за смелость» — ряд экономических льгот, предоставляемых тому капиталистическому государству, которое первым юридически признает советскую власть. Однако переговоры о заключении торгового договора продвигались медленно и осложнялись провокациями фашистских боевиков против представителей СССР. Наконец, 31 января 1924 года Муссолини заявил советской делегации о своей готовности объявить о полном юридическом признании СССР, но за несколько дней до этого он принял предложение нового премьер-министра Великобритании Р. Макдональда о том, чтобы обоим государствам с целью усиления давления на СССР действовать сообща и ограничиться посылкой временных поверенных, а не послов. Заинтересованность в английской поддержке перевесила уже принятое решение об установлении дипломатических отношений с СССР в полном объеме. Форин оффис обещал вскоре информировать Муссолини о готовности к совместным действиям.

Однако утром 2 февраля дуче из газет узнал о юридическом признании Англией СССР. Легко представить себе его удивление и гнев. Итальянский посол в Лондоне маркиз делла Торрета бросился разыскивать британских функционеров, но поскольку дело было в субботу, ему так и не удалось выразить кому-либо свое «удивление». Спустя несколько дней торговый договор Италии с СССР

был подписан, дипломатические отношения установлены в полном объеме, но право приоритета в признании досталось Англии.

Этот неприятный эпизод оставил у Муссолини горький осадок. Его обвели вокруг пальца, лишней раз дав понять, что в дипломатической игре нельзя доверять своему партнеру на слово. В расчет следует принимать лишь собственные интересы и реальный баланс сил — такой урок он вынес из происшедшего. Инцидент слегка омрачил установившуюся было взаимную итало-британскую симпатию, но изменить общей направленности политики фашистского кабинета он не мог и вскоре был благополучно забыт. О. Чемберлен, новый английский министр иностранных дел, не раз наносивший визиты Муссолини, не возражал против притязаний фашистской Италии на установление своего военно-политического и экономического господства в Албании, зафиксированного впоследствии двумя договорами с албанским диктатором А. Зогу, а также против расширения сферы ее влияния в Северной Африке, где доминирующие позиции занимала Франция.

В июне 1925 года на очередном съезде фашистской партии Муссолини выдвинул лозунг завоевания империи как главной внешнеполитической задачи фашизма, а весной 1926 года он лично отправился в Триполитанию, рассматривая ее как плацдарм для будущего продвижения в глубь Африки. В ходе поездки Муссолини произнес весьма воинственную речь, провозгласив стремление Италии к господству во всем Средиземноморье. Франция ответила маневрами военного флота в тунисских водах и высадкой группы войск в Бизерте. Дуче был вынужден временно умерить свой экс-

пансионистский пыл, так как обстановка пока еще не благоприятствовала вторжению.

В начале своего правления Муссолини пришлось «улаживать отношения» еще с одним государством... в государстве — с сицилийской мафией. В этом случае, как говорится, «нашла коса на камень». Дуче не желал делить с кем-либо реальную власть, даже в масштабах небольшого острова. Мафия, в свою очередь, также была не в восторге от нового правительства. Ее настораживал курс фашизма на создание сильных полицейских органов, обновление государственного аппарата ставленниками Муссолини, имевшими в лице дуче мощного опекуна и покровителя, облачение многих рядовых мафиози в черные рубашки, наконец, та решительность, с которой фашизм подавил крестьянские движения на Сицилии и расправился с бандитизмом. Потребность имущих классов в мафии как карающей организации стала значительно меньшей.

Поводом для объявления войны послужила поездка Муссолини на Сицилию в 1924 году. Во время посещения небольшого городка Пьяна-деи-Гречи его мэр дон Чиччо Куччи, глава одного из могущественных кланов, обратился к Муссолини с вопросом: «К чему столько полицейских? Рядом со мной Вашему превосходительству нечего бояться, ведь в этой зоне приказываю я». И властным тоном добавил, обращаясь к стоявшим позади него людям: «Чтобы ни один волос не упал с головы Муссолини, моего друга и лучшего человека на всем свете!» (79, 56). Поняв двусмысленность и глупость своего положения, Муссолини позеленел от ярости: глава правительства оказался под охраной антиправительственной организации — мафии.

Вскоре по его приказу Куччи был арестован, а префект Палермо развязал на острове настоящий террор, сажая за решетку виновных и невинных без разбора. Мафии как преступному синдикату был нанесен сильный удар, от которого она сумела оправиться лишь после второй мировой войны.

Несмотря на первые «броские успехи» новой власти, ее положение в стране было неустойчивым. Фашисты не располагали большинством в парламенте, социально-экономические меры правительства нанесли удар по интересам основной массы населения, резко увеличилось число банкротств мелких торговцев и предпринимателей, выросли цены. Стали развеиваться иллюзии мелкой буржуазии, чаявшей с помощью фашизма осуществить свои замыслы, глухо роптал рабочий класс. Массовая база фашизма начала потихоньку разваливаться.

Муссолини рассчитывал упрочить свои позиции в рамках существующей государственной структуры, так как пока он был еще недостаточно силен, чтобы уничтожить парламентскую форму правления как таковую. Ставка была сделана на выхолащивание ее демократического содержания. Летом 1923 года фашисты провели в парламенте новый избирательный закон, в соответствии с которым пропорциональная система распределения мандатов заменялась на мажоритарную: партия или блок партий, собравшие на выборах относительное большинство, но не менее 25 процентов голосов избирателей, получали право на 2/3 депутатских мест. На этой основе фашисты надеялись одержать на предстоявших весной 1924 года парламентских выборах легкую победу.

В конце 20-х годов Муссолини с откровенной насмешкой заявит, что всякие выборы следует считать «детской игрой, или просто глупым фарсом», однако в 1924 году он всерьез занимался подготовкой выборов, имея в виду придать им значение всенародного референдума. Дуче отказался от выдвижения «чисто фашистских лозунгов», провозгласил в качестве основы своей платформы «общенациональные интересы» и привлек к ней многих буржуазных либералов, создав так называемый Национальный блок. Рабочие партии не сумели договориться между собой и выступали на выборах раздельно. Свои списки выдвинули также католическая Народная партия и разрозненные группы либералов и демократов.

Накануне выборов многие избиратели, известные своими антифашистскими взглядами, получили по почте грозные предупреждения от фашистских боевиков, которые угрожали и самим кандидатам, требуя их отказа баллотироваться. В день выборов, проходивших 6 апреля, сквадристы кучами толклись вокруг избирательных участков, под чужими фамилиями голосовали по несколько раз, ловили и избивали тех, кто отказывался голосовать за их список. В ход были пущены кулаки, палки, камни, велосипедные цепи, а охранявшие участки карабинеры при этом куда-то исчезали. Итоги голосования были в значительной мере фальсифицированы, но, даже по официальным данным, за нефашистские списки было подано 3,5 миллиона голосов. Национальный блок собрал на 1 миллион больше. Муссолини расценил это как великую победу и «согласие нации с нашей работой». Однако последовавшие вскоре события не только перечеркнули его эйфорическую оценку,

но чуть было не опрокинули сам фашистский режим.

Утром 30 мая в зале заседаний палаты депутатов поднялся на трибуну тщедушный с виду 39-летний человек по имени Джакомо Маттеотти. Выходец из богатой семьи землевладельцев Маттеотти смолоду примкнул к социалистическому движению, поддерживал его реформистское крыло, а к тому времени возглавлял Унитарную социалистическую партию. Фашистам было хорошо известно его имя: совсем недавно Маттеотти издал книгу «Год фашистского господства», в которой автор описал факты фашистского насилия и привел высказывания молодого Муссолини, находившиеся в явном противоречии с его теперешней практикой.

Маттеотти начал говорить. Он перечислял бесчинства фашистов в ходе выборов, рассказывал о кровавых преступлениях их вождей, о контроле и шантаже избирателей, о фальсификации итогов голосования. В зале началось нечто невообразимое: фашисты повскакивали с мест, они топали ногами, кричали и грозили оратору кулаками, многие из них покидали зал, иные свистели и грязно бранились. И все же Маттеотти закончил свою речь, длившуюся с перерывами почти два часа, и потребовал аннулировать мандаты фашистских депутатов.

Муссолини сидел с каменным лицом, не проронив ни звука. Лишь в конце лившегося на него потока обвинений он злобно бросил: «После такого выступления этот человек не должен существовать». Похоже, что и сам Маттеотти, антифашист с отважным сердцем, понимал, что его ожидает. При выходе из дворца «Монтечиторио» он обратил-

ся к своим друзьям: «Ну, теперь можете заказывать по мне панихиду».

10 июня Маттеотти не вернулся домой. На следующий день его жена пришла в «Монтечиторио», и Муссолини имел наглость заявить ей, что надеется вскоре отыскать ее мужа живым и невредимым. Правительство распустило слух, будто Маттеотти уехал за границу, так как накануне он хлопотал о получении паспорта. Однако вечером 12 июня в полицейское управление Рима явился швейцар одного из домов по набережной Тибра и сообщил, что в полдень 10 июня разыскиваемый депутат был похищен у него на глазах.

Маттеотти жил на улице Пизанелло. По дороге в «Монтечиторио» его обычно сопровождал полицейский, однако в тот день его почему-то не было. На набережной А. Брешианского Маттеотти внезапно окружили пятеро мужчин, нанесли ему несколько сильных ударов и затолкали в стоявшую рядом машину. Депутат громко кричал, отчаянно сопротивлялся, разбил стекло автомобиля и в этот момент получил тяжелый удар тупым предметом по голове. Мощная «ланча» рванула с места. И хотя все произошло в считанные минуты, наблюдательный швейцар запомнил ее номер.

Полиция без труда нашла автомобиль и установила его владельца. Похитители были настолько уверены в безнаказанности, что даже не потрудились сменить номера. В тот же вечер они были арестованы. Главарем нападавших оказался известный фашистский боевик А. Думини, состоявший на службе в министерстве внутренних дел. Вскоре выяснилось, что к организации похищения приложили руку Дж. Маринелли — административный секретарь ПНФ, Ч. Росси — руководитель бюро

печати при премьер-министре, А. Финци — заместитель министра внутренних дел, Ф. Филиппелли — редактор официальной газеты «Коррьере Романо», генерал Э. Де Боно и другие видные фашисты. Улики были настолько очевидны, что Муссолини был вынужден отдать приказ об их аресте, однако это не могло скрыть того факта, что преступление носило политический характер и наверняка было совершено с ведома или по прямому приказу дуче.

В стране разразился острый политический кризис. Копившееся в народе недовольство мощным потоком выплеснулось наружу, грозя смести чернорубашечников вместе со всеми их когортами и манипулами. Газеты захлеб печатали сообщения о происшедшем, города и поселки бурлили от гнева, на улицах проходили многотысячные митинги, вспыхивали стихийные забастовки. Массы требовали отставки Муссолини и наказания виновных. Фашисты боялись выходить из домов и прятали значки своей партии, многие помещения ПНФ были разгромлены, ряд общественных организаций, в том числе влиятельная ассоциация бывших фронтовиков, заявили о своем отказе от поддержки фашизма. Правительство полностью утратило контроль над ситуацией и не смогло мобилизовать даже фашистскую милицию. В верхах ПНФ царила паника. Депутаты нефашистских партий, возмущенные совершенным злодеянием, покинули «Монтечиторио» и образовали оппозиционный блок, названный Авентинским¹.

---

¹ А в е н т и н — один из семи холмов, на которых расположен Рим, в античности был центром политической жизни плебеев, удалившихся на него в знак протеста против засилья патрициев.

Муссолини был вынужден прервать работу парламента. Никогда прежде он не был так потрясен и растерян. Удары обрушивались на него со всех сторон, соратники прятались по углам, чиновники министерств разбегались кто куда, на улицах взбодраженные горожане угрожали самосудом. Дуче чувствовал себя одиноким и покинутым. Его одолевал страх, вокруг образовалась пустота. По свидетельству помощников Муссолини, в те кризисные дни он был охвачен паникой: метался по кабинету во дворце «Киджи», бил себя кулаками по голове, кричал, что с фашизмом в Италии покончено навсегда. Муссолини казнил себя за неосмотрительность, но это были не упреки совести, а муки политика, совершившего ошибку и поставившего на карту свою карьеру. А потом он впал в прострацию. Законченный индивидуалист, Муссолини остро нуждался в помощи и поддержке. Бледный, с потухшим взором на небритом лице, трясущимися губами и бессильно опущенными на письменный стол руками, он выглядел как некий «торговец, собирающийся объявить о своем банкротстве». Таким его увидели главарь болонских фашистов Л. Арпинати и четверо сквадристов, специально приехавших в Рим, чтобы поддержать своего дуче. «Ситуация невыносима, — проямлил Муссолини в ответ на бодрые речи Арпинати, — мне швырнули под ноги труп». Через три месяца он еще раз повторит эту фразу.

16 июня из Испании вернулся король Виктор-Эммануил и дал совет свалить всю вину за случившееся на министерство внутренних дел. Увольнять Муссолини он не собирался, и дуче воспрянул духом. Сенат выразил ему свою поддержку, а на пост министра внутренних дел был назначен извес-

тний своей приверженностью к порядку Л. Федерцони. Но эти паллиативные меры уже не могли разрядить напряженной обстановки в стране.

Центром притяжения всех антифашистских сил стал Авентинский блок. Большинство авентинцев, состоявшее из левых буржуазных либералов и демократов, выбрало тактику, предложенную видным либеральным деятелем Дж. Амендолой. Следуя букве и духу итальянской конституции, они решили обратиться к королю с просьбой о смещении Муссолини с поста премьера и для подкрепления своей просьбы представили Виктору-Эммануилу так называемый «меморандум Росси»¹, в котором содержались веские доказательства причастности Муссолини к происшедшей трагедии. Король отказался даже прочесть его. Стало ясно, что тактика авентинцев бесплодна, однако традиционная боязнь массовых выступлений, к которым настойчиво призывали лидеры КПИ, по-прежнему удерживала их от решительных действий. Это позволило фашистам лицемерно присоединиться к скорбным манифестациям, прошедшим по всей стране 27 июня в память о Маттеотти, а коммунистов побудило к выходу из Авентинского блока.

Во второй половине августа в 23 километрах севернее Рима в зарослях камыша было обнаруже-

---

¹ Обиженный на Муссолини за отставку с поста заместителя министра внутренних дел, Росси составил специальный меморандум, в котором изложил известные ему факты. Отсидев в камере предварительного заключения несколько месяцев, Росси бежал во Францию. Спустя три года он был заманен фашистскими агентами в ловушку, переправлен в Италию и приговорен к 30 годам тюрьмы.

но истерзанное тело Маттеотти, на котором зияли следы глубоких ножевых ран. Это событие подлило масла в огонь, и страсти закипели с новой силой. На месте похищения на набережной Тибра выросла гора живых цветов, принесенных тысячами римлян¹. Вновь по стране прокатилась мощная волна митингов, демонстраций и забастовок, заколебавшая почву под ногами у Муссолини.

Но теперь он уже не чувствовал себя совершенно одиноким. Верный Арпинати прислал полторы сотни отборных головорезов для личной охраны дуче, а вскоре в Рим стали стекаться сквадристы из Флоренции, Феррары, Милана и Кремоны. И все же опасность потери власти была реальна и велика. Недаром спустя несколько лет Муссолини признался своему лечащему врачу, что в те дни хватило бы натиска «пятидесяти, нет — даже двадцати» решительных людей, чтобы заставить его уйти в отставку. В заявлении победившего диктатора угадывалась не столько сила фашистов, сколько слабость противостоявшего им блока. Пассивность авентинцев оставляла инициативу в руках фашистов. Осенью 1924 года коммунисты предложили авентинским лидерам создать в противовес фашистскому народный парламент и взять таким образом в свои руки законодательную власть. Поскольку и это предложение осталось без ответа, депутаты от КПИ приняли решение вернуться в «Монтечиторио», чтобы использовать для дальнейшей борьбы парламентскую трибуну.

---

¹ Сейчас на этом месте возвышается строгий памятник, у подножья которого ежегодно 10 июня появляются разноцветные букеты — день памяти отважному антифашисту.

А время между тем работало на фашистов. Пик кризиса миновал, жизнь постепенно возвращалась в прежнюю колею, буржуазия вновь спланивалась на платформе фашизма. Вокруг Муссолини все чаще стали раздаваться голоса, требовавшие решительно пресечь оппозицию, а однажды явились без приглашения 33 консула фашистской милиции и заявили о своей готовности разогнать Авентинский блок и расстрелять его членов. В последний день года был наложен арест на все оппозиционные издания, а 3 января 1925 года Муссолини выступил в парламенте с речью, которая означала переход фашизма в наступление.

«Я принимаю на себя, я один, полную политическую, моральную, историческую ответственность за все, что произошло со времени появления фашизма», — заявил он. Муссолини не только не оправдывался за содеянное, но, напротив, козырял им, чтобы ни у кого не оставалось сомнений в окончательном исходе борьбы за власть. «Будьте уверены, — пригрозил он напоследок, — в ближайшие 48 часов после моего выступления ситуация прояснится окончательно».

И вскоре она действительно «прояснилась». Секретарем ПНФ был назначен «непримиримый» Р. Фариначчи¹ — вдохновитель террора, выразив-

---

¹ Роберто Фариначчи (1892—1945) — вышедший из мелкобуржуазной среды фанатик фашизма, создал в Кремонне мощные отряды боевиков. Будучи секретарем ПНФ, обвинил в финансовых махинациях многих видных фашистов Ломбардии, в том числе брата Муссолини Арнальдо. Это привело к длительному охлаждению отношений с дуче, снятию со всех постов. В 1935 году записался добровольцем на войну с Эфиопией, но в боях не участвовал, так как при разгрузке

ший наиболее экстремистские тенденции в фашизме. Сквადристы вновь учинили в стране кровавую оргию, разгромили десятки демократических организаций и редакции оппозиционных газет, жестоко избили П. Гобетти и Дж. Амендолу, который несколько месяцев спустя скончался в Каннах. АVENTинский блок был разогнан, министры-нефашисты удалены из правительства, государственный аппарат подвергся чистке от «ненационально мыслящих элементов», политическим эмигрантам было запрещено возвращаться на родину. На местах префекты получили право закрывать неугодные режиму издательства, муниципалитеты были распущены, реальная власть сосредоточилась в руках назначаемых сверху фашистских старост — «подеста».

Еще один шаг был сделан по пути усиления личной власти Муссолини. Он присвоил себе новое официальное наименование — «глава правительства» и отныне должен был отчитываться в своих действиях не перед парламентом, а только перед королем, который, в свою очередь, мог подписывать декреты лишь с ведома и согласия БФС и лично дуче. Традиционное разделение законодательной и исполнительной власти было фактически сведено на нет, так как правительство получило право издавать декреты даже без формального согласия парламента.

Мощный удар был нанесен по рабочему движению. В соответствии с соглашением, заключенным

снярядов ему оторвало руку. Антисемит и германofil, Фариначчи вновь выплыл на поверхность политической жизни в начале 40-х годов. В 1945 году пойман партизанами и расстрелян в местечке Вимеркате.

в палаццо «Видони» между Конфедерацией промышленников и фашистскими профсоюзами, эти последние стали монопольными представителями интересов трудящихся. Весной 1927 года БФС принял так называемую «Хартию труда», в основе которой лежала идея сотрудничества классов «во имя общих национальных интересов». Рабочие лишились права на забастовку. Они объединялись с предпринимателями в рамках фашистских корпораций, создававшихся по отдельным отраслям производства и сферам экономики. Корпорации должны были стать орудием проведения фашистской экономической политики, фундаментом нового «надклассового» государства. Они получили право «в интересах нации» вмешиваться в хозяйственную жизнь и регулировать частную инициативу. «Хартия» декларировала право трудящихся на оплачиваемые отпуска, повышенную плату за ночную и сдельную работу, материальную компенсацию в случае увольнения не по вине работающего и т. д. Однако в органах управления корпорациями заседали не представители рабочих, а функционеры фашистских профсоюзов, предприниматели, государственные и партийные чиновники. Тем не менее по замыслу фашистов корпоративное устройство должно было покончить с классовой борьбой в стране.

Как и о многих других своих решениях, Муссолини объявил о «Хартии труда» в выступлении с балкона палаццо «Киджи». Он прочно усвоил эту привычку. Собиравшиеся перед дворцом чернорубашечники, да и просто любопытные восторженно вопили «Да!» в ответ на вопрос дуче, нужен ли тот или иной декрет. Эта нехитрая процедура позволяла Муссолини представлять «да», сказанное фа-

шистами, как согласие с его политикой большинства итальянцев. Официальным органам информации оставалось лишь раздуть соответствующим образом это «народное одобрение». Однако любовь к «балконным выступлениям» однажды чуть было не стоила Муссолини жизни.

4 ноября 1925 года перед началом очередного шоу в гостинице «Драгоны», расположенной напротив дворца «Киджи», был арестован некто Тито Дзанибони, стоявший с австрийской винтовкой наизготовку у окна своего номера. Он был одет в форму армейского офицера. Как выяснилось впоследствии, полиция была осведомлена о подготовке покушения, а по некоторым данным, оно было ею же инспирировано. Во всяком случае, Унитарная социалистическая партия, к которой принадлежал Дзанибони, была немедленно запрещена, а ее лидер Ф. Турати с трудом сумел скрыться за границу. В деле о покушении фигурировало также имя генерала Капелло, известного своими связями с масонством. На этой основе возникла версия о причастности к покушению масонов. Может быть и так, ибо Муссолини по-прежнему питал глубокую неприязнь к их организации и еще в 1923 году специальным решением БФС запретил фашистам состоять членами масонских лож. Однако многие крупные ложи за рубежом, в основном англосаксонские, с симпатией относились к итальянскому диктатору (30, 175).

Вторая попытка убить Муссолини была предпринята 7 апреля 1926 года. При выходе из Капитолия, где он выступал на международном съезде хирургов, Муссолини увидел в толпе немолодую женщину, поднимающую руку с револьвером. Дуче инстинктивно отшатнулся назад, и пуля лишь

слегка задела кончик его носа. Стрелявшей оказалась 62-летняя англичанка мисс Джибсон. Судебно-медицинская экспертиза признала ее невменяемой, и вскоре Джибсон была отправлена на родину. Сам же Муссолини окончательно уверовал в свою счастливую судьбу, заявив журналистам: «Пули пролетают, а Муссолини остается».

Спустя пять месяцев на него было совершено новое покушение. Джино Лючетти, 26-летний рабочий-анархист, давно вынашивал идею убить диктатора. Живя во Франции, он не скрывал своих намерений от окружающих, среди которых оказался провокатор итальянской полиции Ричотти Гарибальди. Он-то и подтолкнул Лючетти к решительным действиям, снабдив его деньгами, оружием и необходимыми для пересечения границы документами. Утром 11 сентября Лючетти занял позицию у газетного киоска на углу площади «ди порта Пиа». Он был вооружен 6-зарядным револьвером и двумя самодельными бомбами. Когда Муссолини проезжал мимо, он швырнул одну из них, рассчитывая попасть в открытое окно автомобиля. Бомба перелетела через крышу и взорвалась при ударе об землю, ранив несколько человек. Другим оружием Лючетти воспользоваться не успел, так как был мгновенно настигнут агентами охраны и жестоко ими избит. Муссолини и на сей раз отделался легким испугом и в очередном интервью заявил, что, дескать, любит «жить в постоянной опасности». Подхваченная газетами, эта фраза сразу стала популярной среди фашистов, а неуязвимость дуче еще активнее превозносилась ими как явное доказательство его защиты провидением.

Новый импульс для раздувания этой шумихи дало очередное неудавшееся покушение, совершен-

ное в Болонье 31 октября 1926 года. Муссолини ехал в открытой машине, на подножках которой стояли четыре телохранителя. Его приветствовали тысячи горожан, собранные на улицах, по которым двигался кортеж. Вдруг на одном из перекрестков из толпы сухо щелкнуло несколько выстрелов. Гвалт поднялся невообразимый: чернорубашечники ринулись в гущу народа, задние стали давить на стоявших впереди, проезд был полностью заблокирован. Стоя в автомобиле под прикрытием охраны, Муссолини видел, как фашисты растерзали на месте какого-то паренька. Им оказался 15-летний Антео Дзамбони, сын типографского рабочего-анархиста. Однако на следующий день, когда Муссолини описывал стрелявшего комиссару полиции, облик, который он нарисовал, не имел ни малейшего сходства с юношей. Показания прочих свидетелей оказались самыми противоречивыми. Начатое следствие не только не выявило обстоятельств покушения, но еще больше запутало их, а проявлявший чрезмерное усердие капитан Канноне был вскоре отстранен от ведения дел. По стране поползли слухи, что власти не заинтересованы в объективном расследовании. Появились разные версии, в том числе те, которые оценивали покушение как провокацию, подготовленную итальянской полицией или кем-либо из фашистских иерархов. Многие французские газеты вышли в те дни с заголовками: «Заговорщик Муссолини плетет сети против дуче». Ясно лишь одно: покушение в Болонье было использовано Муссолини как повод для издания чрезвычайных законов и фактического установления тоталитарной диктатуры в стране.

Первым делом он сместил Федерцони и вернул себе пост министра внутренних дел. Затем декре-

том правительства были распущены все оппозиционные партии и организации, запрещена антифашистская печать. В стране утвердилась однопартийная система. Депутаты-авентинцы и коммунисты были лишены парламентских мандатов, многие из них арестованы. В обязательном порядке из Италии высылались лица, заподозренные в антифашистской деятельности. 25 ноября был опубликован закон, устанавливавший тюремное наказание до 15 лет за замысел (sic!) покунуться на жизнь короля, королевы, принца и главы правительства, до 30 лет — за техническую подготовку покушения, смертную казнь — за попытку осуществления¹. Для судебной расправы над антифашистами был учрежден Особый трибунал, назначавшийся лично Муссолини. Ему же подчинялась и новая тайная политическая полиция под загадочным названием ОВРА.

Дуче специально распорядился использовать это название в официальных сообщениях, так как, по его мнению, оно должно было рождать у населения «любопытство и страх, чувство неуловимого наблюдения и всемогущества». Муссолини был глубоко убежден, что всякая власть может быть прочной лишь в том случае, если она внушает гражданам уважение своей решительностью, и главное, страх перед собой. «Все итальянцы каждую минуту должны будут ощущать, что их действия контроли-

---

¹ В начале 30-х годов полиция выследила и по очереди арестовала двух молодых анархистов М. Ширру и А. Сбарделотто, а затем некоего Бовоне, каждый из которых готовился совершить покушение на дуче. Всем трим Муссолини отказал в помиловании, и в нарушение принятого закона они были расстреляны.

ругуются, что за ними наблюдает невидимое око, — поучал он А. Боккини, ставшего руководителем ОВРА. — Каждый должен чувствовать, что на него наведено жерло орудия, что есть руки, готовые в любое мгновение схватить его. Новая организация будет располагать необъятными возможностями и властью. Она охватит всю страну как страшный дракон, как огромный спрут» (54, 7). По свидетельству Боккини, именно это последнее сравнение дает ключ к расшифровке названия, так как по-итальянски слово «спрут» произносится как «пьюв-ра». Однако более вероятными выглядят два других варианта расшифровки, при которых каждая буква означает конкретное слово: «Организация по наблюдению и подавлению антифашизма» («Organizzazione Vigilanza Repressione Antifascista»), или «Орган по наблюдению за антигосударственными элементами» («Organo Vigilanza Reati Antistatali»). Вскоре ОВРА действительно стала мощной, всепроникающей службой, преследовавшей инакомыслящих и контролировавшей по заданию дуче деятельность лиц из его ближайшего окружения.

Тысячи антифашистов подверглись гонениям и репрессиям: физическое насилие дополнилось полицейским и судебным произволом. В мае 1928 года в Риме был устроен показательный процесс над членами руководства КПИ во главе с новым лидером партии Антонио Грамши. Их обвиняли в подготовке военного заговора с целью свержения «законного правительства». Каждый из подсудимых был приговорен к длительным срокам изоляции, многие коммунисты и антифашисты без суда и следствия сосланы на острова.

Муссолини нанес удар не только по лагерю антифашистов. Он попытался выкорчевать недо-

вольных и из рядов самой фашистской партии. С этой целью в ПНФ была проведена чистка, в ходе которой партбилетов лишились около 32 тысяч человек, в том числе не менее двух тысяч руководителей разных рангов. Прием в партию был значительно ограничен, что способствовало ее превращению в узкую привилегированную касту.

Немало неприятных минут пришлось пережить и королю. Его prerogatives были урезаны специальным законом, наделившим Большой фашистский совет законодательными полномочиями и провозгласившим его «верховным органом, согласовывающим и сосредоточивающим в себе всю активность режима». Теперь король не мог без согласия БФС ни сместить главу правительства, ни даже назначить себе преемника. Это решение вызвало вспышку бессильной ярости у безропотного монарха, который не без оснований опасался, что после его смерти трон может перейти не сыну, а племяннику, герцогу Аостскому, известному своими профашистскими взглядами.

В мае 1928 года были похоронены остатки представительной парламентской системы в Италии. Новый закон о выборах предусматривал корпоративный принцип выдвижения кандидатов в депутаты: отныне этим правом обладали лишь фашистские профсоюзы и общенациональные фашистские ассоциации. БФС, в свою очередь, «просеивал» предложенные ими кандидатуры и оставлял 400 имен, которые включались в общий список для голосования. На избирательных бюллетенях крупными буквами было напечатано слово «да», означавшее согласие с этим списком. Избирателям оставалось лишь опустить бюллетень в урну, или,

рискнув очень многим, зачеркнуть навязываемое «да».

В марте 1929 года в Италии прошли выборы на основе нового избирательного закона. По официальной статистике против списка БФС было подано около 136 тысяч голосов. Эта цифра не внушает особого доверия, но ее расхождение с реальной вряд ли было очень большим, так как буквально накануне выборов Муссолини удалось одержать одну из своих «самых блистательных побед» и снискать расположение могущественнейшей организации — католической церкви.

Утро 11 февраля 1929 года выдалось для Рима непривычно морозным: несколько градусов ниже нуля. Несмотря на «такой холод», сотни зевак и прохожих столпились перед парадным входом в «Латеранский дворец» (бывшую резиденцию пап): накануне по Риму поползли слухи, что в полдень в этом дворце состоится подписание какого-то чрезвычайно важного документа. Ровно в 11.30 на площадь въехал большой черный лимузин. Карабинеры быстро образовали «живой коридор» в толпе, и по нему чинно прошествовал Муссолини, распираемый сознанием значимости собственной миссии. Поднявшись на третий этаж, он вальяжно двинулся в просторный Зал Пап, где его уже ожидал кардинал Гаспарри. На лице священнослужителя было выражено глубокое удовлетворение. Еще бы: глава правительства прибыл для решения «Римского вопроса» и окончательного урегулирования отношений со святым престолом.

Так называемый «Римский вопрос» возник в прошлом веке в ходе завершения объединения Италии под эгидой Савойской династии. В сентябре 1870 года королевские войска заняли Рим —

бывшую столицу папской области. Первосвященник лишился светской власти, проклял итальянское государство и запретил католикам участвовать в политической жизни. В условиях страны, подавляющая часть населения которой была верующей и находилась под духовным влиянием Ватикана, такой разрыв выглядел явной аномалией, однако попытки либерального государства примириться с папой успеха не имели.

Конечно, Муссолини очень хотелось решить проблему, перед которой пасовали все его предшественники. Собственное прошлое его ничуть при этом не смущало. В молодости он был воинствующим атеистом и даже некоторые из своих статей подписывал как «подлинный еретик». Дуче с порога отвергал мнение тех социалистов, которые считали религию частным делом каждого, а не «опиумом для народа». Злобные нападки на христианское учение, культ и его служителей продолжались вплоть до начала 20-х годов. «Две религии оспаривают ныне господство в мировом сознании, — возвестил он, — черная и красная. Из двух Ватиканов исходят сегодня энциклики: из того, что расположен в Риме, и из Москвы. Мы являемся еретиками обеих этих религий».

Но уже с весны 1920 года тон выступлений Муссолини несколько изменился. Политический опыт научил его не бросаться в чрезмерные крайности по отношению к католикам в такой стране, как Италия. На съезде фашистских союзов в мае 1920 года он заявил, что Ватикан представляет 400 миллионов, разбросанных по всему миру, и потому следует не бороться с этой «колоссальной силой», а научиться ее использовать в обоюдных интересах. В своей первой речи в парламенте он имел

смелость упомянуть десятилетиями не поднимавшийся «Римский вопрос», а став премьером, нанес сильный удар по антиклерикальной традиции либералов: выделил средства на восстановление разрушенных церквей, в школы и больницы вернул распятие, признал католический университет в Милане и увеличил жалованье 60 тысячам приходских священников. В январе 1923 года Муссолини полутайно встретился в доме сенатора Сантуччи с влиятельным кардиналом Гаспарри и пообещал ему решить «Римский вопрос» путем признания папского суверенитета. Гаспарри выразил сомнение в том, что депутаты поддержат такое решение, на что Муссолини, не колеблясь, ответил: «Мы поменяем палату депутатов... Если понадобится, мы поменяем и сам избирательный закон». Кардинал понял, что с этим человеком можно иметь дело. Дуче, таким образом, постучался в массивные ворота Ватикана, и вскоре ему их открыли.

Действия Муссолини не сопровождались какой-либо ломкой мировоззрения, они диктовались потребностями политической стратегии и тактики. Вне рамок этих потребностей Муссолини оставался верен себе: в церковь не ходил, не исповедовался, религиозные обряды не признавал. Лишь однажды в 1932 году он нанес официальный визит в Ватикан и в соответствии с его обычаем должен был участвовать в торжественной молитве у гробницы святого Петра. Дуче опустился на колени только после того, как из храма были удалены все фотокорреспонденты.

Папа Пий XI (Акилле Ратти) в недалеком прошлом был нунцием в Польше и вынес оттуда страх перед большевизмом и всякой революцией вообще. Как «борец против красной опасности» и

творец «сильной власти», Муссолини его вполне устраивал. Обеим сторонам заключение Латеранских соглашений было выгодно, это был своего рода «брак по расчету», как удачно выразился итальянский историк Р. Де Феличе. В обмен на официальное признание итальянского королевства Ватикан получил статус самостоятельного государства с территорией 44 га и населением около тысячи человек. Права экстерриториальности были закреплены также за загородной резиденцией папы Капель Гандольфо и 20 дворцами, расположенными в Риме. В порядке компенсации за некогда нанесенный Ватикану ущерб государство обязалось выплатить ему весьма солидную по тем временам сумму в размере 1 миллиарда 750 миллионов лир. В начальной и средней школе было введено изучение закона божьего, церковь получала преимущественные права в области семейно-брачного законодательства, священники-вероотступники лишались не только церковного сана, но и гражданских прав. Ватикану удалось сохранить единственную нефашистскую массовую организацию — «Католическое действие». Заключение Латеранских соглашений укрепило как роль церкви в жизни общества, так и позиции фашистов и лично Муссолини.

С конца 20-х годов над Апеннинским «сапожком» угрюмо нависла мрачная тень Ликторского знака, ставшего официальным гербом фашистской Италии. Он изображал пучок прутьев, связанных вокруг секиры, — символ единства граждан Древнего Рима как залога его могущества и силы. Секира должна была обрушиваться на головы тех, кто пытался подорвать это единство. Разгромив оппозицию и уничтожив остатки представительной демократии, фашистский режим попытался навя-

зять обществу именно такое безальтернативное единство. Мешавшийся «под ногами труп» был отброшен, еще одна страница в истории «черного 20-летия» перевернута.

«ДУЧЕ ВСЕГДА ПРАВ»

30-е годы XX века были чрезвычайно насыщены крупными политическими событиями и социальными катаклизмами. В капиталистических странах разразился глубокий экономический кризис, обрекший десятки миллионов людей на полунищенское существование и даже на голодную смерть. Коммунистический Интернационал усилил подготовку к мировой социалистической революции и лишь в 1935 году заявил об изменении этого курса. В поисках выхода из кризиса правящие круги западных стран все больше уповали на государственное вмешательство и регулирование хозяйственной деятельности. В Англии и США они активно пользовались методами буржуазного реформаторства, во Франции и Испании власть временно перешла к объединившимся в народные фронты левым силам, в Германии к рычагам государственного управления прорвались нацисты. В Советском Союзе в те же годы форсированным темпом осуществлялась индустриализация, заложившая основу военной промышленности, было вконец разорено и частично уничтожено крестьянство, смертельным вихрем пронесли сталинские репрессии, обескровившие народ накануне самого сурового испытания. В Европе, Африке и на Дальнем Востоке вспыхнули локальные военные конфликты, резко обострились противоречия между крупнейшими евро-

пейскими державами, нависла угроза мировой бойни.

Для Италии 30-е годы были временем упрочения и тотального господства режима Муссолини. Многим тогда казалось, что фашизм укрепился надолго, что он расширил национальные горизонты, добился реальных успехов и действительно обеспечил себе поддержку подавляющего большинства итальянцев. Методы, которыми пользовался Муссолини для насаждения подобных представлений, сочетали элементы прямого насилия с попытками капиллярного, всеохватывающего проникновения фашистских постулатов и структур в ткань гражданского общества, в души и помыслы людей. Дуче был изошренным и умным диктатором. Он хорошо понимал, что одним лишь насилием невозможно создать прочный фундамент политической власти, что необходимо нечто большее — согласие людей с существующей системой, отказ от любых попыток противодействия ей. В официальной доктрине фашизма, вышедшей из-под пера философа Дж. Джентиле и отредактированной самим Муссолини, эта задача сформулирована совершенно недвусмысленно: «Фашизм стремится переделать не только формы человеческой жизни, но ее содержание, человека, характеры, веру. Для этого необходимы дисциплина и власть, безраздельная власть над умами».

С этой целью фашизм активно насаждал в обществе собственную систему идейно-политических и нравственных «ценностей», основанную на безоговорочном признании авторитета вождя, олицетворяющего абсолютную истину во всех ипостасях. Моральная уязвимость господствующей идеи была очевидна. Однако осознание этого факта

толкало носителей идеи не к нравственной самооценке, а к силовому подавлению всякого другого мнения, затыканию рта и физическому устранению инакомыслящих. При этом отсутствие массовых форм проявления диссидентства объявлялось верным признаком всеобщего согласия.

С другой стороны полностью отрицать общественное согласие нет достаточных оснований, ибо замыкание протеста на личностном уровне, его ограничение рамками умозрительного отрицания является не чем иным, как формой безропотного принятия навязываемых сверху устоев и догм. Кроме того, режиму Муссолини действительно удалось в известной мере «оболванить» значительные массы людей, в особенности молодых, привить им определенные стереотипы и нормы поведения, внедрить в их сознание жизненные устои, соответствовавшие теории и практике фашизма. И хотя это влияние оказалось не столь глубоким, как хотелось Муссолини и его окружению, оно тем не менее сформировало определенный пласт политической культуры итальянского общества тех лет. Известный консенсус был таким образом достигнут, но стабильным он не был никогда: до середины 30-х годов зона конформистского согласия в обществе расширялась, но после интервенции в Испанию и издания «расовых законов» начала сокращаться. Приоритет в средствах обеспечения политической стабильности и консенсуса вновь был отдан силовым методам.

«Мы хотим фашизировать нацию!» — этот лозунг Муссолини выдвинул еще в 1925 году. Его смысл прост: все без исключения итальянцы должны стать фашистами по своему мировоззрению и поведению. Как этого достичь? Готового рецепта

дуче пока не имел, но общее направление «деятельности» указал достаточно четко: полное подавление всякого инакомыслия, формирование массовых фашистских организаций, включающих в себя или в орбиту своего влияния подавляющую часть населения, его тотальная идеологическая обработка, насаждение новых стереотипов поведения в быту, культуре и традициях итальянцев.

В фашизации национальной жизни особая роль отводилась молодежи, которую идеологи режима считали «сердцем, спинным мозгом, самыми живыми соками движения». «Вы — это заря жизни, — возвестил Муссолини в 1927 году собравшимся в Колизее юным фашистам, — вы — это надежда Родины, но, главное, вы — это завтрашняя армия!» (17, 443). Этой армии требовались слепые, послушные воле дуче солдаты, умеющие стойко переносить тяготы походной жизни и без раздумий идти на смерть. Для этого нужно было заставить сердца итальянцев биться в унисон с поступью «нового порядка», а молодежь должна была унаследовать эту «поступь», гарантировав режиму Муссолини историческую перспективу. Поэтому именно молодежь стала той категорией итальянцев, на которую фашизм оказывал наибольшее идеологическое воздействие.

Школа стала одним из центральных звеньев в системе фашизации молодежи, хотя к моменту захвата власти Муссолини не имел какой-либо программы ее перестройки. Но уже в 1925 году, выступая на съезде учителей, он потребовал, чтобы школа на всех ее уровнях учила «понимать фашизм, обновляться в фашизме и жить в историческом климате, созданном фашистской революцией». Эрудиции для этого не требуется, ибо, по

мнению дуче, это простая «гимнастика ума», которая тем более будет полезна, чем быстрее будет забыта. «Напротив, нужно, чтобы школа воспитывала характер итальянцев» — так закончил Муссолини свою мысль.

Вскоре были обновлены школьные учебники. Вышедшие огромными тиражами, они были направлены на формирование у детей милитаристской психологии, стандартизацию их мышления, воспитание безрассудного повиновения режиму. Особенно выделялись в этом отношении учебники по истории. Во имя сугубо прагматической цели — воспитать «патриотическую» преданность фашизму — вся история Италии была в них грубо фальсифицирована и искажена. Изумленным и восторженным взорам подростков открылась пестрая, калейдоскопическая вереница легенд, героев и мифов, неумолимо приближавших осуществление высшей цели, поставленной перед Италией богом, — триумфа фашизма. Даже изображение самого далеского прошлого умело приспособлялось на потребу дня. История Древнего Рима выглядела следующим образом: римляне, смелые, ловкие, но бедные люди, отказавшись от классовой борьбы, сумели установить в мире покой и порядок, но потом они разбогатели, разложились, не занимались военными упражнениями и поэтому стали легкой добычей варварских орд. «Новые педагоги» не обошли своим вниманием и самых маленьких. Первым словом, которое учились писать итальянские дети, было «Eia!» — военный клич фашистов. Каждая страничка букваря была пронизана ура-патриотическими идеями, даже безобидные слова и картинки имели пропагандистский подтекст.

Чистке подверглись школьные библиотеки: книги Г. Ибсена, Дж. Лондона, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, других корифеев мировой литературы уступили место на книжных полках «произведениям» Муссолини. Молитва перед началом занятий заканчивалась патетическим обращением: «Боже, спаси и сохрани жизнь и здоровье нашего дуче!» Вся начальная и средняя школа была поставлена под жесткий диктаторский контроль государства. В 1926 году специальным циркуляром министра просвещения всем преподавателям предписывалось прививать детям любовь к религии, верность итальянским традициям и преданность дуче. Учителя обязаны были давать подписку о согласии с этими требованиями, в противном случае их увольняли. В 1932 году была введена обязательная присяга учителей на верность фашизму, а преподаватели в начальных классах становились одновременно и вожаками юношеских фашистских организаций, посредством которых осуществлялся прямой партийный контроль над учебными заведениями. Фашизация коснулась также университетских порядков, хотя в меньшей степени, чем школьных.

В фашистской верхушке не было единства во взглядах на пути и средства фашизации молодежи. Те, на кого была возложена эта задача, делились на два лагеря: «непримиримых» и «ревизионистов».

«Непримиримых» возглавлял секретарь фашистской партии Стараче¹. Он считал, что «жалкий

---

¹ А к и л л е С т а р а ч е (1889—1945) — «сержант» Муссолини, на редкость тупой, ограниченный, легко контролируемый исполнитель воли дуче. Секретарь фашистской партии

буржуазный менталитет» должен быть заменен «здоровым» фашистским воспитанием, покоящимся на двух столпах: железной дисциплине и канонизации дуче. Фашистская доктрина, проповедовал Стараче, «озаряет» путь развития и процветания нации, поэтому молодым людям не следует забывать себе голову досужими размышлениями. Однажды Стараче признался своему собеседнику, что всякий раз, когда ему звонит дуче, он испытывает потребность вскочить на ноги и стоять по стойке «смирно». «Сержант» Муссолини вождественно мечтал о том, чтобы заставить вскакивать и вытягиваться по струнке всю Италию, поэтому лозунг сквадристов «Мне наплевать!» он рассматривал не только как концентрированное выражение некой философской позиции и политической доктрины, но и как жизненное кредо, «как новый стиль жизни». В многочисленных писаниях «непримиримых» юный фашист приобретал облик аскета, чуждого обычным человеческим радостям и готового во имя дуче и некоего «общего блага» «жертвовать собой, смеясь». Молодым людям навязывалось иррациональное видение жизни, ее будущее определялось мистическими силами судьбы, а успех улыбался лишь тем, кто верил и повиновался. Полностью обесценивался рациональный подход к действительности, а незнание и неопытность превозносились как «бесконечное богатство молодости». Так

с 1931 по 1939 год, затем — глава фашистской милиции. С именем Стараче связаны наиболее одиозные кампании по насаждению культа Муссолини и фашизации национальной жизни. В 1945 году был пойман партизанами и расстрелян в Милане.

в сознании молодежи утверждался принцип приоритета слепой веры над знаниями.

Во главе «ревизионистов» стоял Дж. Боттаи¹. Он выступал сторонником более гибких методов в осуществлении молодежной политики. Не полицейская дубинка, а формирование нового правящего класса, состоящего из последователей «нового порядка», должно было обеспечить большую прочность режиму. Боттаи призывал не повторять ошибок старого либерализма, который, родившись как революционная сила, превратился со временем в «музей реликтовых идей». Избежать опасности старения можно было лишь при помощи молодежи, способной критически выражать потребности нового времени. Поэтому задача фашизма, по Боттаи, заключалась в том, чтобы преобразовать эту способность в конкретные политические действия и создать не климат прусских казарм, а возможность для открытой дискуссии в среде фашистов. Более того, следовало изыскать пути и средства, чтобы привлечь молодежь к выработке политических доктрин и их осуществлению на практике. За молодежью, таким образом, оставалось право хотя бы частично модифицировать институты и постулаты фашизма, приспособлявая их к новой реальности.

---

¹ Дж у з е п п е Б о т т а и (1895—1959) — один из первых фашистов Рима, с 1921 года — депутат парламента, известный публицист, профессор «корпоративного права», иногда его называли «интеллектуальным иерархом» фашизма. Возглавлял министерство корпораций, национального воспитания, автор «Школьной хартии фашизма». Представитель так называемого «левого крыла фашизма», голосовавший в 1943 году против Муссолини. В 1945 году заочно приговорен к каторжным работам, в 1947 году амнистирован.

В отличие от «непримиримых», стремившихся развивать коллективистское сознание путем подавления индивидуальных черт характера молодых людей и их нивелировки, «ревизионисты» считали необходимым конструировать его как совокупность этих индивидуальных черт. В их представлении, для формирования «динамичного по духу» правящего класса требовалось сочетание коллективной дисциплины и индивидуальной свободы.

Муссолини не принадлежал ни к одному из этих лагерей. Он рассматривал режим как монолитный блок, основанный на одной, его собственной доктрине фашизма, что было несовместимо с идеей Боттаи о ее обновлении и пересмотре молодежью. Дать голос молодежи значило демократизировать внутривластную жизнь и тем самым способствовать проявлению различных «душ» фашизма, что, в свою очередь, могло поставить под сомнение его единовластие. Муссолини не приписывал молодежи роли созидателя, но он видел и рациональное зерно, заложенное в концепции «ревизионистов». В своей политической карьере дуче не раз оказывался в центре хитросплетений различных точек зрения и интересов. Он блуждал среди них как в лабиринте, нередко под влиянием внезапного импульса становясь на ту или иную позицию. Так и в вопросе о путях и средствах фашизации нового поколения он время от времени поощрял обе тенденции, поскольку они не были взаимоисключающими и сходились в главном: дисциплина — фундамент фашистского воспитания.

Основным орудием фашизации нового поколения стали юношеские организации режима. Глав-

ная среди них — «Балилла» (ОНБ)¹ — объединяла подростков до 18 лет. Ее структура и порядки были в максимальной степени военизированы: 11 детей составляли эскадрон, 3 эскадрона — манипулу, 3 манипулы — центурию, 3 центурии — отряд, 3 отряда — легион. Президентом ОНБ был генерал фашистской милиции, высшим покровителем — лично дуче. При вступлении в ОНБ дети присягали ему на верность и клялись отдать все силы и жизнь во имя фашизма. Манифестации и шествия, митинги и еженедельные собрания, происходившие даже в дни школьных каникул, марши и маневры занимали вторую половину дня в будни, а также субботы и воскресенья. Механизм организации массовых мероприятий был прост: отменялись занятия в школах, трудящаяся молодежь на целый день освобождалась от работы, из окрестных сел в города стягивались молодые крестьяне, которым оплачивался проезд и выдавались пайки. Дети не могли не чувствовать гордости от сознания своей принадлежности к великой «армии дуче», готовой завоевать для Италии «место под солнцем». Форма (черная рубашка, бархатные панталоны, шапочка с орлом и кожаные перчатки) и личное оружие (деревянные карабины) льстили детскому тщеславию, способствовали формированию у ребенка сознания своей причастности к единой, спаянной организации.

Членам ОНБ были предоставлены широкие возможности для занятий спортом. Сооружались

---

¹ Б а л и л л а — имя генуэзского мальчика, гибель которого от рук австрийских солдат в 1746 году послужила поводом для народного восстания против иноземного гнета.

новые стадионы, бассейны и спортплощадки, турбазы и лагеря, спорт стал доступен миллионам итальянцев, однако занятия им сопровождались насаждением культа грубой силы и жестокости. «*Homines novi*», по Муссолини, должны были стать не только политически, но и морально обновленными и физически развитыми. Фашистские иерархи полагали, что занятия спортом должны пробуждать потаенную энергию и боевой дух, развивать силу воли и приучать к преодолению трудностей, воспитывать презрение к удобствам и комфорту.

В конце 1930 года была создана еще одна организация — «Молодые фашисты» для юношей 18—21 года, то есть для заполнения разрыва между верхней возрастной гранью «авангардистов» и минимальным возрастом членов партии. Главной задачей «молодых фашистов» была идейно-политическая и физическая подготовка для вступления в фашистскую партию.

Специальные фашистские организации были созданы и для девушек. По старой римской традиции фашисты представляли женщину «ангелом домашнего очага» и «матерью воина», поэтому молодежные организации должны были готовить девушек к исполнению этих функций. Для них создавались многочисленные курсы рукоделия, кулинарии, машинописи и даже специальные курсы по организации и ведению хозяйства в колониальных условиях.

В октябре 1937 года все юношеские организации были слиты в единую под названием ДЖИЛ — Итальянская ликторская молодежь. Формально вступление в ликторскую молодежь было добровольным, но, по сути, уклониться от этого было практически невозможно. Членский билет органи-

зации служил для молодых людей и подростков своего рода удостоверением личности, а с 11 лет им выдавались специальные книжки, в которых периодически заносились сведения о физической подготовке и уровне овладения военными специальностями. Согласно фашистской доктрине понятия «гражданин» и «солдат» были идентичны, поэтому милитаристская подготовка молодежи началась с того времени, когда ребенок был в состоянии держать в руках оружие. С 11 лет детей учили обращаться с винтовками, с 16 — стрелять из пулеметов и водить танки, с 17 все юноши обязаны были посещать курсы военной подготовки.

Многие студенты были объединены в университетские фашистские группы, которые в сравнении с другими молодежными организациями пользовались большей автономией. Их члены могли не носить специальную форму, требования к дисциплине и регламентации деятельности в рамках этих групп были не столь жесткими.

Муссолини любил броские лозунги и умел мастерски их выдумывать. «Дорогу молодежи!» — этот девиз дуче выдвинул в первое десятилетие своего господства. Его содержание было довольно емким: старые поколения должны уступить место «человеку эпохи Муссолини», перед которым якобы открыты все пути к блестящей карьере, богатству и военной славе, к возвышению Италии и утверждению ее господства далеко за пределами Апеннин. В фашистской печати нередко можно было встретить утверждения, что «фашистская революция» — это прежде всего «моральная ломка старого», а сам фашизм — это попытка создания «нового духовного порядка века». «Фашистский тип» человека по всем параметрам противопоставлялся обычному

буржуазному типу: ему чужды эгоизм и погоня за прибылью, он презирает комфорт и уют, воспринимает жизнь как долг перед государством, трудится и сражается во имя величия Италии, смело идет на обдуманный риск во имя благородной цели и т. д. Иначе и быть не может, так как фашизм — это «постоянно развивающаяся революция», наследник всего самого лучшего в истории Италии, стремящийся к установлению в стране «величайшей социальной справедливости». Молодым людям, родившимся в 1915—1920 годах и много еще не знавшим, трудно было не поддаться «очарованию» подобных лозунгов. Старая, дискредитировавшая себя либеральная система не вдохновляла их, поэтому создание тоталитарного государства не только не отпугнуло молодежь, но в какой-то мере даже соответствовало ее стремлению к «динамичному государству», обещавшему осуществить социальную модернизацию общества. Политические категории в сознании молодежи своеобразно переплетались с мистификациями. Государство воспринималось как нечто почти священное, отражающее волю всех, как источник права и этических ценностей: всеобщей любви и справедливости, гармонии и самого смысла жизни.

Во второй половине 30-х годов, когда с созданием ДЖИЛ усилились репрессивные тенденции в молодежной политике режима, когда внутри фашистской партии чаша весов начала клониться в сторону «непримиримых», а идеи «ревизионистов» стали все чаще восприниматься слишком прямолинейно, становясь таким образом опасным обоюдоострым оружием, старый лозунг был отброшен и заменен новым: «Верить, повиноваться, сражаться!» В его содержании меньше демагогии, он более

полно выражает претензию на формирование абсолютного самоотжествления молодежи с режимом в мыслях и действиях. Этот лозунг был наполнен содержанием, с колыбели знакомым каждому итальянцу, родившемуся в 20-е годы: верить абсолютно дуче, повиноваться безусловно — приказам дуче, сражаться до победы — во имя величия нации и дуче. Как выразился П. Орано, «муссолини — это вера», но вера, следует добавить, иррациональная, преобладающая над сознанием. «Не разум, а вера сдвигает горы», — провозгласил Муссолини.

Принцип приоритета веры над знаниями и убеждениями носил в фашистских организациях универсальный характер. Не являлась исключением и фашистская партия. Как подметил один из ее иерархов, М. Рокка, причем безо всякой иронии, «мы являемся партией верующих, а не членской массой». В 30-е годы ПНФ фактически срослась с государственным аппаратом в центре и на местах, так как для чиновников была установлена обязательная запись в фашистские организации. Усилиями Стараче численность ПНФ во второй половине 30-х годов превысила 2 миллиона членов. Ее статус был зафиксирован в уставе, одобренном Большим фашистским советом в 1932 году. «Национальная фашистская партия, — говорилось в нем, — является гражданской боевой организацией, действующей по приказу дуче и находящейся на службе фашистского государства». Главным рычагом своей власти Муссолини сделал именно государственный аппарат. Партия служила для него лишь своего рода идеологическим обрамлением, хотя для многих рядовых членов партбилет служил пропуском наверх по служебной лестнице и хлеб-

ной карточкой одновременно. Сам дуче ежегодно получал партбилет № 1.

Основная масса взрослых трудоспособных итальянцев была втянута в орбиту фашистского влияния через систему корпораций. В начале 30-х годов Муссолини всерьез взялся за их организацию и лично возглавил 7 крупнейших корпораций, заявив, что «фашистское государство может быть только корпоративным или оно не будет фашистским». основополагающий принцип фашистского корпоративизма был прост: подчинить интересы классов единому общенациональному (в фашистском понимании) интересу, исключив тем самым социальные столкновения. Однако в 30-е годы, когда появлялись новые, изнуряющие формы эксплуатации, когда преодоление экономического кризиса и его последствий влекло за собой увеличение бремени, ложившегося на различные категории трудящихся, а победа одних достигалась за счет отступления других, искать пути гармонизации классовых отношений было равнозначно попытке «запрячь в одну телегу коня и трепетную лань». Так, под флагом «национальных интересов» корпорации одобрили и запрет забастовок — удар по рабочим, и 40-часовую рабочую неделю — удар по карману предпринимателей. В лице Национального совета корпораций государство пыталось взять на себя функции верховного арбитра и регулятора трудовых отношений, однако на деле эта функция чаще приобретала пропагандистский, нежели действенный, характер, а корпорации служили одной из опор системы общественного консенсуса.

В середине 30-х годов фашистские профсоюзы объединяли около 4 миллионов человек, половина из которых состояла в организации «Дополаворо»

(«После работы»). Ее низовые ячейки можно было обнаружить даже в самых захолустных уголках Италии. «Дополаворо» была массовой и очень популярной ассоциацией, занимавшейся организацией досуга, спортивных и культурных мероприятий. Ее воздействие на умонастроения масс было утонченным и потому особенно опасным. Над входом в помещения «Дополаворо», как правило, висел «ликторский знак», а внутри помещался портрет или бюст Муссолини. Там рабочие могли «провести вечер, найти тепло и уют, когда на дворе холодно, сыграть в карты, выпить рюмку вина», душевно поболтать и немного расслабиться. Членам «Дополаворо» предоставлялись многочисленные льготы, скидки на билеты в театры и кино, возможность покупки в специализированных магазинах продовольствия и товаров ширпотреба по сниженным ценам, помощь в организации летнего отдыха, туризма и экскурсий. В «Дополаворо» можно было получить денежную ссуду под льготные проценты, материальную помощь нуждающимся семьям, инвалидам и пр. И все эти меры, действительно необходимые людям, подавались под соусом реализации фашистского лозунга установления «высшей социальной справедливости» в стране. Многие из тех, кто впервые находил под крышей «Дополаворо» «тепло и уют» или отправлялся по ее путевкам на отдых, вольно или невольно связывали полученные блага с завоеваниями «фашистской революции».

Здесь следует сделать одну существенную оговорку. Процессы, проходившие в массовом сознании итальянцев в годы фашизма, степень воздействия на них фашистской идеологии, характер и направленность изменений на уровне обыденного

восприятия новизны и их взаимодействие с традиционными стереотипами мышления и поведения — все это чрезвычайно мало изучено, и дело не только в сложности самого исследования, сколько в отсутствии необходимых документальных данных на этот счет. Опросов общественного мнения и социологических исследований при фашизме практически не проводилось, результаты выборов доверия не внушают, реальные помыслы многим приходилось скрывать под маской безразличия и конформизма. Поэтому говорить с уверенностью о динамике умонастроений в те годы можно лишь при опоре на конкретные факты, в которых отразились настроения и помыслы людей.

В марте 1925 года на «Конгрессе во имя фашистской диктатуры», созванном в Болонье по инициативе Дж. Джентиле и его сторонников, было решено составить «Манифест фашистской интеллигенции». В ответ на эту затею 1 мая 1925 года в газете «Мондо» был опубликован протест либеральной интеллигенции, по имени своего автора получивший название «контрманифест Кроче». К нему присоединились тысячи антифашистски настроенных представителей интеллигенции, в том числе подавляющая часть университетской профессуры — научной элиты страны. В начале 30-х годов такое было уже невозможно. В Академии наук рядом с Маркони и Ферми стали появляться люди, чьи научные заслуги состояли лишь в преданности режиму Муссолини, а с 1 ноября 1931 года для всех преподавателей высшей школы была введена присяга на верность фашизму. Из 1250 профессоров ее отвергли лишь 13.

Трудно предположить, что подавляющая часть преподавателей присягала искренне. Для многих

это была вынужденная сделка с собственной совестью. Именно конформизм, основанный на двойном стандарте сознания и поведения, давал возможность остаться в относительном душевном равновесии и сохранить материальное благополучие. Он был широко распространенной формой сознания целых социальных пластов населения, ибо ублаживал потревоженную совесть и позволял по-прежнему заниматься любимым делом. Внутренний негативизм лишь изредка проявлялся в салонных разговорах среди знакомых, в пересказывании многочисленных анекдотов о Муссолини и высших иерархах режима, хотя это занятие было отнюдь не безопасным. Когда дуче в одной из своих речей заявил, что каждый добропорядочный итальянец должен быть интеллигентным и честным фашистом, по стране пошла гулять ядовитая шутка: «Этого не может быть, так как интеллигентный фашист не бывает честным, честный фашист не бывает интеллигентным, а честный интеллигент не может быть фашистом».

После выборов 1934 года, когда за официальный список БФС было подано 10 миллионов голосов, а против — 15 201, Муссолини возвестил, что «антифашизм умер». Именно так могло показаться на первый взгляд. Внутри страны действительно не было массовых антифашистских выступлений, а большая часть лидеров оппозиции эмигрировала за рубеж или была изолирована в тюрьмах и на поселении. Небольшую подпольную сеть организаций сумела сохранить лишь компартия, чье влияние было особенно ощутимо среди рабочих в крупных промышленных центрах. В условиях диктатуры коммунисты отказались от лозунга немедленного осуществления пролетарской революции. Они вели

антифашистскую пропаганду среди трудящихся и на этой, антифашистской основе в 1934 году заключили союз с социалистической партией, заграничный центр которой так же, как и КПИ, обосновался в Париже.

Эмигрировавшие во Францию республиканцы, либералы, часть социалистов и демократов создали новую антифашистскую организацию «Справедливость и свобода». Она объединяла преимущественно молодых интеллигентов, ставивших своей задачей борьбу «за свободу, за республику, за справедливость». Они печатали и отправляли в Италию антифашистскую литературу, некоторые тяготели к методам индивидуального террора. В июле 1930 года молодой эмигрант Дж. Бассанези пересек на аэроплане итальянскую границу и разбросал антифашистские листовки над Миланом.

Муссолини не придавал существенного значения таким акциям. Он был уверен, и не без оснований, что фашистский режим прочно утвердился в стране. Эта внутренняя уверенность позволила ему в беседе с Э. Людвигом козырнуть «знанием» диалектики. Когда Людвиг указал дуче на опасность отсутствия в стране какой-либо оппозиции, Муссолини возразил: «Такая опасность существует лишь в спокойные времена. Сегодня оппозиция есть в самом переживаемом нами моменте, в моральных и экономических проблемах», а если бы ее не было, он якобы «создал бы оппозицию внутри себя самого».

И все же дуче лукавил. Будучи фактическим главой ОВРА, он постоянно требовал от полицейских максимально полной информации об умонастроениях в стране, о деятельности и намерениях как высших иерархов, так и бывших политических

противников, находившихся в тюрьмах и эмиграции. Муссолини, человеку, глубоко презиравшему всякую идеологию, было совершенно непонятно, как можно за идеи обречь себя на страдания и даже идти на смерть. Впрочем, это не мешало ему требовать от итальянцев именно самопожертвования во имя фашизма. Он хотел знать все о поведении и мыслях людей, каждый шаг и замысел которых должен был быть под контролем. Пожалуй, этот контроль был для него даже важнее, нежели действительная приверженность принципам фашизма.

Курс на тотальное подчинение общества был выражен емкой формулой: «Все — в государстве, ничего — вне государства, ничего — против государства», точнее — государства, созданного Муссолини. Подозревавшие во враждебности к режиму должны были периодически отмечаться в полицейских участках, а накануне 1 мая многих из них задерживали на несколько суток. Уголовное законодательство 1930 года вводило категорию лиц, называвшихся «социально опасными». За ними устанавливалось особо строгое наблюдение, осуществлявшееся отборными агентами ОВРА.

Тайная полиция фашизма была мощной организацией. Она имела в своем распоряжении огромные суммы для оплаты услуг тысяч осведомителей. «Среди них можно было встретить... журналистов, которые, если судить по их статьям, пренебрегали презренным металлом; бывших офицеров..., известных педагогов, целиком погруженных в философские формулы; женщин всех возрастов и социальных слоев — от кокетки высшего пошиба до честной генеральской вдовы; старого кулуарного интригана, получающего деньги от всех пра-

вительств, и прелата, даже в ранге кардинала» (71, 19). К ним следует добавить армию профессиональных мелких шпииков, этаких сереньких человечков, постоянно толкавшихся в очередях и людных местах, подслушивавших разговоры в трамваях, тратториях и барах, провоцировавших на откровения подвыпивших говорунов. Судя по их периодическим отчетам, в обилии сохранившимся в Центральном государственном архиве Италии, в массе своей это были жалкие, полуграмотные людишки, способные в целях оправдания своего существования даже выдумывать антифашизм там, где его не было. В центральном аппарате ОВРА работало около 80 функционеров и 600 квалифицированных агентов, управлявших этой шпионской сетью.

Почти без перерывов заседал Особый фашистский трибунал. За годы диктатуры этот карательный орган осудил 4675 антифашистов, в том числе 4030 членов КПИ и сочувствующих коммунистам. 10 тысяч человек были без суда сосланы на острова. Ссылные имели возможность переписываться с родными и близкими, создавать своеобразные «политшколы», зарабатывать на питание. Конечно, их жизнь вовсе не была «сладкой и гуманной», как говорил Муссолини, ибо изоляция есть изоляция, но она еще более не походила на тот земной ад, который олицетворяли гитлеровские и сталинские концлагеря. А вот в чем дуче мог действительно конкурировать с любым из тиранов XX века, так это в нагнетании собственного культа.

Обычный, средний итальянец, раскрывавший за чашкой утреннего кофе свежую газету, на первых же полосах узнавал о деяниях «любимого дуче», его новых победах и полных глубочайшего

философского и политического «смысла» изречениях. Перевернув несколько страниц, он снова наткнулся на выделенные крупным шрифтом слова «ДУЧЕ» и «МУССОЛИНИ»¹ и привычно узнавал, что успехи страны в области культуры и спорта также являются результатом «гениального воздействия» вождя. Муссолини представал автором всех «великих достижений» нации, ее гордостью и символом. Если поезд приходил по расписанию, а спортсмен выигрывал турнир, если итальянский самолет пересекал Атлантику, а крестьяне собирали хороший урожай, если «Ла Скала» обнаруживала новые таланты, а генуэзские портовики быстро разгружали транспортные суда — все это и многое-многое другое было неизменной «заслугой ДУЧЕ».

Почерпнув из газет эту немудреную «истину», обычный итальянец отправлялся на работу и, едва выйдя из ворот дома, вновь наткнулся на изображение человека с большим гидроцефальным черепом и «решительным, волевым взглядом». Он сопровождал обывателя всюду: портреты везде были расклеены на стенах домов и трамваев, его бюсты заполнили городские площади и скверы, его высказывания украшали рекламные афиши, фронтоны жилых домов и государственных учреждений, щиты вдоль шоссе и железных дорог. По улицам бодро маршировали маленькие «Балиллы», тут и там раздавались фашистские приветствия, из репродукторов лилась речь человека, который «всегда прав».

---

¹ Обязательный набор этих слов крупным шрифтом был предписан всем издательствам специальным распоряжением Стараче в феврале 1933 года.

Тем, кто страдал от этого лицемерия, ханжества и фальши, приходилось замыкаться в себе, однако значительная часть обывателей, особенно в середине 30-х годов, судила о Муссолини приблизительно так: он установил в стране порядок, многим безработным обеспечил работу, искренне печется о величии нации и хочет добиться «социальной справедливости». Именно такое, поверхностное восприятие на уровне обыденного сознания служило надежным фундаментом вождизма, насаждавшего и пестовавшего рабскую психологию толпы.

Похоже, в какой-то момент Муссолини и сам уверовал в то, что он человек, «ниспосланный Италии провидением», что все ее реальные и мнимые успехи есть плод его гениального творчества. Он прочно усвоил привычку обо всем, будь то фашистская милиция, государство, армия или рабочее законодательство, говорить «мое» или «созданное мной». «Править» значило для него «править образцово», ибо иначе Муссолини якобы не мог править вообще. Представление об «образцовом правлении» и реальность слились в его сознании воедино, и тем самым он в какой-то мере стал жертвой им же созданного обмана. Итальянцы, «будьте спокойны, — заявил он однажды в ходе поездки по Реджо-Эмилии, — я буду вести вас все выше и все дальше». И чем дальше он вел, тем активнее и грубее насаждался в стране его культ.

Журналист П. Монелли, сопровождавший Муссолини в Ливии в 1926 году, рассказывает, что итальянские корреспонденты частенько договаривались между собой, выдумывали «исторические фразы», якобы произнесенные дуче, и рассылали их в свои редакции (56, 183). В 30-годы подобная

операция была абсолютно немислима: каждая фраза перед публикацией перепроверялась и одобрялась самим дуче. Муссолини категорически запретил газетчикам писать о своем 50-летии и возрасте вообще, ибо дуче должен был оставаться вечно молодым и служить символом неувыдающей молодости режима.

«Дрессировка» прессы была доведена до абсурда. Чуть ли не ежедневно редакторы газет получали жесткие предписания: «Подтверждается распоряжение, содержащее в себе абсолютный запрет упоминать чьи-нибудь другие имена в возгласах приветствия по адресу Дуче»; «Не ссылаться на Дуче, когда речь идет о маловажных вещах»; «Сказать, что Дуче десять раз вызывали на балкон»; «Отметить, что Дуче совершенно не устал после четырех часов молотбы»; «Исправить корреспонденции из Сицилии, так как не надо сообщать, что Дуче танцевал»; «Преподнести, как подобает, на первой полосе сообщение о речи Дуче»; «Всегда напоминать, что все происходящее в настоящее время в Италии: подъем промышленного производства, военная подготовка, спиритуалистическое воспитание и т. д. — все исходит от Дуче и несет на себе его неизгладимую печать»; «По поводу смерти Горького не помещать никаких статей, комментариев или биографических данных»; «Никогда не упоминать имя Эйнштейна» и т. д. и т. п. (73, 114). Поразительный пример приводит Дж. Боттаи, получивший 15 ноября 1936 года приказ составить очередное официальное сообщение, которое начиналось бы словами: «Глава правительства, министр внутренних дел (в скобках: и который останется министром внутренних дел в течение 12 месяцев после своей кончины)...» Мус-

солини хотел сохранить формальную власть и после смерти! До такого не додумался даже Сталин.

Среди политических деятелей XX века дуче — бесспорный чемпион по количеству занимаемых государственных постов. В 1929 году он был одновременно главой правительства, Большого фашистского совета, фашистской милиции, министром внутренних дел, иностранных дел, военным, военно-морским, авиации и корпораций. Кроме того, он являлся вождем партии и итальянской нации, хотя таких должностей никто никогда не устанавливал, «почетным академиком» болонской филармонии, а позже стал еще и первым маршалом империи, обладателем многих других титулов. Все рекорды прошлого были побиты. Муссолини мог бы по праву занять достойное место в «книге рекордов Гинесса».

У него не было фундаментального образования, но он знал «больше всех ученых в мире», «прочитал всю итальянскую энциклопедию», обладал «безошибочным инстинктом» и «феноменальной памятью». «Наш ДУЧЕ», писали о нем газеты, — это гениальный стратег и бесстрашный пилот, талантливейший поэт и музыкант, переводчик (с немецкого, французского, английского) и обмолотчик зерна, основатель новых городов и борец с неграмотностью, глубокий философ и историк. Что касается этой последней «специальности» дуче, то он ею действительно «обладал», ибо умел препарировать недавнее и весьма отдаленное прошлое в сугубо прагматических целях.

Муссолини представлял историю как смену иерархий, аристократий, элитарных меньшинств, управляющих нациями, как череду социальных

революций, вдохновляемых и осуществляемых великими вождями, не скованными никакими моральными нормами. Народ в этом видении представлял лишь как объект воздействия со стороны сильных, волевых лидеров, но не как субъект самого исторического развития. Муссолини полагал, что великая личность способна моделировать общественные ситуации, создавать по своему желанию благоприятные условия и обстоятельства для достижения цели. И хотя на практике эта установка, как правило, выливалась в грубое применение силы, в столкновение интересов и амбиций, массы итальянцев должны были верить, что именно дуче дано высшее понимание национального блага и право творить отечественную и мировую истории. Более того, они должны, просто обязаны быть счастливы, ибо им крупно повезло в жизни: у них есть Он, который все предвидит, все мудро решает, обо всех печется и справедливо правит. Он — центр и гарант всех надежд и желаний итальянцев, которые безумно счастливы жить Его идеями, Его интеллектом. Весь мир с затаенным дыханием и надеждой следит за фашистской Италией, где формируется ядро новой человеческой цивилизации, прототип будущего общественного устройства.

Раздувание мифа о «сверхчеловеке», ведущем нацию к «светлому будущему», достигло апогея во второй половине 30-х годов. В честь дуче слагали поэмы и песни, снимали кинофильмы, создавали монументальные скульптуры и штамповали статуэтки, рисовали картины и печатали открытки. Бесконечные славословия лились на массовых митингах и официальных церемониях, по радио и со страниц газет. Даже календарь должен был прино-

равливать свой ход к поступи «великого человека»: новое летосчисление начало отсчитывать годы «фашистской эры».

Нередко апологетика выходила за элементарные пределы разумного. Оказывается, в дождливую погоду Муссолини достаточно было выйти на открытый воздух, чтобы тучи рассеялись! Магия одного его имени была «столь велика», что дети, плакавшие от боли во время процедур, мгновенно затихали, когда врачи говорили им, что плач может услышать дуче (34, 80). Вездесущий Стараче отдал приказ все официальные документы завершать приветствием: «Да здравствует ДУЧЕ!» Дело доходило до полного абсурда («Фирма уведомляет, что будете уволены. Да здравствует ДУЧЕ!»; «Ваш сын упал с лошади и сломал ногу. Да здравствует ДУЧЕ!» и т. д.), и вскоре это глупейшее распоряжение было отменено.

Муссолини принимал самое деятельное участие в нагнетании собственного культа. В 1932 году он снизошел до серии бесед с немецким писателем и публицистом Э. Людвигом, текст которых был впоследствии тщательно отредактирован дуче, переведен на 12 языков и издан в 12 странах. Когда итальянский тираж уже был готов к выходу, Муссолини вдруг заколебался и запретил продавать книгу. Поскольку, однако, распродажа немецкого перевода уже началась, дуче разрешил пустить в торговую сеть 20 тысяч экземпляров. Во втором издании «бесед» Муссолини сделал правку своих религиозных взглядов, а в 1938 году книга вообще была изъята из оборота, так как в ней было сказано, что евреи — это хорошие граждане Италии, а антисемитизм никогда не существовал и не существует на Апеннинах.

Людвиг принимал на веру все, что говорил Муссолини. Как писатель, он радовался тому, что «великий человек» выворачивает душу наизнанку. На самом деле эти беседы представляли собой образец виртуозного самовосхваления дуче, каждый жест которого был продуман, а каждая фраза тщательно взвешена.

Вождь-государство-массы — такова ключевая тема беседы. Муссолини был предельно «скромен»: он отдавал должное Наполеону, Кромвелю, Цезарю, себя же причислял к «классу Бисмарка», который, по его мнению, был наиболее реалистичным политиком прошлого, полагая, что именно диктатура является оптимальной формой организации общества (12, 56). Дуче, по-видимому, искренне считал, что сильная личная власть нужна для управления неорганизованной массой, ибо «масса — это не что иное, как стадо овец, пока она не организована». Фашизм, по мысли Муссолини, и должен был превратить это «стадо» в послушное орудие построения общества всеобщего благоденствия. Поэтому массы должны, мол, любить диктатора «и в то же время бояться его. Масса любит сильных мужчин. Масса — это женщина». Дуче любил эффектные сравнения.

Главное орудие подчинения масс — государство. «Мы рассматриваем людей лишь в рамках их функций внутри государства», — говорил Муссолини, но человек в фашистском государстве оказывается более свободен, чем в любом другом, так как он защищен этим государством, он — его часть. Фашистское государство — абсолют, по отношению к которому индивидуумы являются категорией малозначимой. «Мы, как и в России, выступаем за коллективизм в жизни, — растолковывал свою

мысль дуче, — и эту направленность хотим развивать дальше, естественно, за счет жизни индивидуальной». Поэтому не следует, мол удивляться тому, что некоторые свободы фашизму пришлось урезать. «Мы оставляем столько свободы, сколько сегодня можно оставить», но эту меру, конечно же, определяет только вождь. Откровение, бьющее в самое «яблочко».

Беседуя с Людвигом, Муссолини мимоходом обронил мысль о том, что Цезарь «в последние годы жизни стал жертвой фразеологии». «Ясновидящий дуче» и не предполагал, что сам он стал такой жертвой уже давно, ибо в его словоблудии стерлась грань между мифическим и реальным. И чем туже затягивался узел внутренних противоречий режима, тем больше глупостей и нелепиц провозглашал дуче в своих многочисленных речах. Людвиг, наблюдавший подготовку Муссолини к очередному выступлению с балкона палаццо «Венеция», заметил, как перед выходом дуче надел столь знакомую всем маску «отца отечества». Муссолини обладал профессиональной привычкой актера менять выражение лица в зависимости от обстоятельств действия. Его способность мгновенно перевоплощаться удивляла даже собственного камердинера (12, 56). Маска дуче могла быть покровительственной и отечески-внимательной, высокомерной и надменной, глубокомысленной и неприимой, но любой была все же цезаристская: решительно-волевая, как и подобает вождю великой нации.

И вот двери распахнуты, и Муссолини появляется на балконе. Заполненная до отказа площадь, вмещавшая 30 тысяч человек, взрывается бурей восторга. В этом коллективном вопле слышится и

чья-то искренность, и дань традиции и моде, и осознание вынужденной необходимости. Кто-то явился сюда добровольно, кто-то просто из любопытства, но подавляющая часть пришла на площадь, получив «красные карточки» — специальные приглашения от местного фашистского главаря. Можно было проигнорировать это сборище один, даже два раза, но на третий раз кара следовала неумолимо: «несознательные фашисты» подвергались различным наказаниям, вплоть до временного увольнения с работы. Сценарий публичных выступлений дуче был отработан до мелочей, разыгрывался как по нотам.

Главный актер и режиссер медленно обводил тяжелым взглядом толпу. Он не случайно выбирал в качестве постамента балкон того или иного дворца. Для «чистейшего гения латинской расы» ростом 167 см, с явно обозначившимся брюшком, мясистым носом и короткими, пухлыми пальцами было крайне необходимо возвышаться над толпой, стоя за перилами балкона, скрадывавшими некоторую непропорциональность его фигуры. Позируя перед фотокамерами, Муссолини всегда старался выбрать наиболее выгодный для себя ракурс, а когда у него ослабло зрение, велел изготовить специальную пишущую машинку со шрифтом в три раза больше обычного, чтобы на публике читать текст без очков. Но, несмотря на сильно выпяченный подбородок, мелкие глаза и надутые щеки, внешность Муссолини не была отталкивающей. Склонность к самолюбованию заставляла его постоянно смотреть на себя со стороны, отшлифовывать не только образ, но и облик.

Муссолини поднял руку, и толпа смолкла. «На знаменитом балконе стоит уверенный в себе чело-

век с хорошо поставленным голосом. Все речи начинались обращением: «Camicie nere! Popolo di Roma!» («Черные рубашки! Народ Рима!») Этот человек знает, как вести игру, в каких местах делать паузы, ожидая аплодисментов, где надо почти крикнуть и где, напротив, надо произнести какие-то патетические слова почти шепотом. Актер? Несомненно, актер. Но у него получается то, чего он хочет добиться. Он жестикулирует, может нарочито вульгарно поднести руку к носу, как делают простолюдины, так как это может многим нравиться: дуче — «свой парень». А нравится ли вам лично эта игра, эта мимикрия, или совершенно не нравится — не так уж важно. Вы видите воочию, что он умеет соответствовать придуманному образу. Фразы короткие, отрывистые, броские, фразы опытного агитатора». Так рисует этот спектакль жившая в те годы в Италии Цецилия Исааковна Кин — известный советский итальянист, историк и литературовед (74, 110).

Обычно Муссолини не готовил своих речей заранее. Выходя на балкон, он держал в голове лишь основные идеи выступления, а дальше целиком полагался на импровизацию и интуицию. Он бередил воображение итальянцев цезаристскими планами, миражом империи и славы, великих достижений и всеобщего благополучия. Он апеллировал не к разуму, а к чувствам, эмоциям, инстинкту, заряжал толпу своей экзальтацией, наэлектризовывал атмосферу до предела и в подходящий момент бросал на благодатную почву аудитории семена шовинизма, милитаризма или еще какого-либо «изма». Отдадим должное его ораторскому таланту: среди тиранов XX века в этом искусстве он занимает ведущее место.

Вторым по значению в фашистской пропаганде после обожествления вождя, обладающего непререкаемым, монспольным правом на истину, был культ насилия и войны ради воссоздания былого величия Римской империи. Фашизм монополизировал все толкования патриотизма: «только фашисты умеют любить родину», только фашисты могут за нее сражаться, только они хотят видеть Италию «великой и уважаемой в мире», только они — наследники всего славного в прошлом. Сердцевиной этого обмана была идентификация режима и нации, олицетворявшаяся в образе дуче. Этот блеф глубоко проник в массовое сознание, и даже Дж. Боттаи, которому нельзя отказать в рационализме, неоднократно фиксировал в дневнике сомнения в правильности политики режима, но оправдывал приверженность фашизму своей любовью к родине (3, 81).

В эпоху Рисорджименто «римский миф» также был поднят на щит, но содержание его было иным — демократическим. Он олицетворял стремление народных масс к национальной независимости, государственному единству и свободе. Однако логика развития нации, заложенная в этом мифе в период буржуазной революции, в годы фашизма сменилась логикой агрессивного национализма. Воспитанные режимом молодые люди уже не могли отличить правомерность борьбы в защиту своей родины от незаконности агрессии, направленной на узурпацию чужой родины.

Националистическое перерождение «римского мифа» влекло за собой утверждение, что «новая Италия» должна повернуться лицом к цивилизации других народов. Однако итальянский колониализм якобы не имел ничего общего с английским

или французским, так как Италия искала «место под солнцем» по демографическим причинам, а не ради эксплуатации «цветных», которым она несла свободу и прогресс.

Следующим в фашистской мифологической лестнице шло утверждение об исторической миссии, которую фашизм якобы был призван выполнить в Европе, «больной демократией». Оказывается, ему было предназначено свыше придать новый импульс европейской жизни, установить «новый порядок», но на пути этого предназначения стояли Англия и Франция — «старые буржуазные плутократии». Их следовало разрушить, так как они мешали выполнению «средиземноморской миссии» Италии, сопротивлялись присоединению Фиуме и возврату Корсики, а Англия будто бы вообще была чужда всей европейской культуре.

В устах Муссолини подобное утверждение звучало, мягко говоря, несерьезно. Верхогляд и дилетант, дуче никогда всерьез не изучал историю и культуру других народов, не пытался узнать что-либо существенное об их обычаях и нравах. В зависимости от обстановки он принимался хвалить или хаять немцев и французов, а на англичан всегда смотрел как на жителей «туманного Альбиона», где все ходят в цилиндрах и с зонтиками в руках.

В первой половине 30-х годов Муссолини стал все чаще поговаривать о мировом фашистском перевороте, имеющем целью «оздоровить европейские народы». В июне 1933 года были созданы даже специальные Комитеты действий за универсализацию Рима (КАУР), что означало официальный отход Муссолини от его прежних утверждений, что «фашизм — это не товар для экспорта». Взамен

«устаревшей Европы» глава КАУР Э. Козельски предлагал некую «Европу молодости, которая готовится к восстанию по примеру Рима». Фашистский вариант корпоративного государства преподносился при этом как универсальная альтернатива буржуазно-либеральному и большевистскому пути развития.

Наконец, самым театрализованным был миф о возрождении былого военного могущества Италии, рвущейся за пределы Апеннин. Слышавший на заре своей политической биографии непримиримым антимилитаристом, в 30-е годы Муссолини неустанно повторял, что каждый итальянец «должен спать, положив голову на солдатский ранец», что «вся Италия должна быть милитаризована, включая духовную атмосферу», что война для мужчины равнозначна материнству для женщины и лишь неполноценный мужчина может не чувствовать необходимости «немного повоевать». Средства массовой информации внушали подросткам, что во имя фашистской родины «лучше один день прожить львом, чем сотни лет овцой», что рано или поздно их призовут швырять камни во врагов, как 200 лет назад это делал Балилла. Полувоенные организации и муштра, строгие уставы и железная дисциплина, униформы и бесчисленные смотры — все это было направлено на стирание грани между гражданином и солдатом, на полное их отождествление.

Муссолини рьяно взялся за создание военной авиации и флота. Он строил аэродромы и закладывал военные корабли, готовил пилотов и капитанов, устраивал маневры и парады. Дуче безумно любил парады и смотры, мог часами стоять неподвижно, уперев руки в бока и задрвав голову. Пара-

ды проходили повсюду: на суше, на море и в воздухе. Нередко дуче было невдомек, что для создания видимости военной мощи ретивые помощники гнали через площадь по нескольку раз одни и те же танки. Иллюзия могущества опьяняла толпу, но был в этих милитаристских шоу и более глубокий смысл: убедить итальянцев в превосходстве собственной нации над другими. Обычно в конце парада Муссолини сам становился во главе полка берсальеров и с винтовкой наперевес пробегал с ними перед трибуной.

Фашизм внес в повседневную жизнь итальянцев целую серию ритуалов, условно объединенных понятием «фашистский стиль». Стремясь связать современную Италию живой нитью традиции с Древним Римом, фашисты поспешили обрядиться в его одежды и присвоить себе его атрибуты. Показной культ древнеримской доблести, введение в оборот слов из лексикона древних римлян, пышная торжественность церемоний, парадов, смотров, приветствие по римскому образцу поднятием вверх правой руки, объявление ликторского знака национальным гербом Италии — все это импонировало мелочному тщеславию обывателя, его стремлению к мнимому величию. Муссолини умело использовал пристрастие итальянцев к внешней красочности и театральности. Однако в речах фашистских иерархов, в официальных церемониях, в бесконечной череде парадов и смотров, в самой атмосфере фашистской Италии отчетливо ощущался избыток помпезности, некой развязности и провинциальной вычурности, тотального подхалимства и ханжества.

Муссолини не скрывал своих намерений вторгнуться в повседневную жизнь граждан. В 1932 году, выступая перед врачами, он без обиняков

заявил: «Весь комплекс наших повседневных привычек должен быть преобразован: наши манеры есть, одеваться, работать и спать». «Создав новый стиль жизни, мы сможем вписать страницы в Историю, а не только в хронику событий. Каков же этот стиль? Прежде всего смелость, отвага, любовь к риску, отвращение к миролюбию, готовность дерзать..., абсолютная прямота в отношениях..., гордость от сознания, что ты итальянец, дисциплина в труде, уважение власти». И вот, чтобы создать «новый моральный и физический тип итальянца», режим Муссолини начал яростно внедрять в общество смехотворные, а порой и просто идиотские нормы поведения и общения. По инициативе Стараче, разумеется, одобренной дуче, среди фашистов были отменены рукопожатия, женщинам было запрещено носить брюки, для пешеходов устанавливалось одностороннее движение по левой стороне улицы (чтобы «не мешать друг другу»). Фашисты обрушились на «буржуазную привычку» пить чай и попытались вытравить из речевого употребления личное местоимение женского рода третьего лица «Lei», использовавшееся в качестве вежливой формы обращения. Редакторы газет и журналов были вынуждены отовсюду вычеркивать преследуемое слово, ибо, по мнению Муссолини, оно было обращением буржуазным и служило для отделения буржуазии от народа. В официальной печати указывалась и другая причина травли несчастного местоимения: чуждость «женской формы обращения мужественному стилю» фашистской жизни.

Этот стиль — «быстрота, решительность, динамизм» — должен был укрепить так называемые «фашистские субботы». По решению правительства все итальянцы независимо от возраста, социально-

го положения и пола должны были по субботам заниматься военно-спортивной и политической подготовкой. Муссолини сам являл пример для подражания, устраивая заплывы через Неаполитанский залив, бег с барьерами и скачки на лошадях. На пляже Риччоне он демонстрировал перед фотокамерами обнаженный бронзовый торс и, как заправский культурист, играл накачанными мускулами рук и тела.

За годы фашизма в Италии было построено большое количество открытых и крытых стадионов, бассейнов и спортплощадок. Спорт стал доступен миллионам граждан, однако «занятия по военной закалке нации», — как это называлось — сопровождалось насаждением культа грубой силы и жестокости. Модными и повсеместными стали массовые гимнастические упражнения, ибо движения в едином ритме, по мнению фашистов, способствовали выработке чувства коллективизма. Муссолини требовал, чтобы все партийные сборища сопровождалось занятиями физкультурой, а иерархи сдавали спортивные нормы. Даже в повседневной жизни он нашел способ проверять «уровень» их подготовки: входя в здание в сопровождении свиты, Муссолини стремглав устремлялся вверх по лестнице, увлекая за собой и престарелых охающих генералов, и полных сил фашистских иерархов.

В 30-е годы появился еще один новый массовый ритуал: «фашистские свадьбы». В ноябре 1933 года в Риме вступили в брак 2620 юных пар, многие из которых специально прибыли в столицу. Каждая семья получила символический подарок от дуче, считавшегося посаженным отцом, а в ответной благодарственной телеграмме или письме пообещала через год «подарить фашистской родине маленько-

го балиллу». Эта буффонада проводилась в рамках провозглашенной фашизмом «битвы за высокую рождаемость». Культивируя дух и атмосферу борьбы, фашизм время от времени провозглашал какие-нибудь «битвы». Эта, за «высокую рождаемость», была одной из наиболее одиозных.

Стимулирование прироста населения Муссолини возвел в ранг государственной политики. Он придавал этому особое значение, выразив свой замысел в сжатой формуле: «Больше населения — больше солдат — больше могущества». Дуче надеялся, что 40 миллионов итальянцев к середине века превратятся в 60 миллионов. С целью поощрения рождаемости были установлены специальные награды для особо преуспевающих в этом деле городов и провинций, ряд льгот для женатых мужчин и молодых матерей. При первой встрече с дуче женщины должны были называть не только имя и фамилию, но и количество своих детей. С декабря 1933 года в Италии стал официально отмечаться «день матери и ребенка». Для проведения первого праздника в Рим на площадь «Венеции» были доставлены 93 женщины (по одной от каждой провинции), которые произвели на свет в общей сложности 1300 детей. Муссолини требовал увеличения потомства в семьях фашистских иерархов, ставя в пример самого себя: в 1927 году у него родился четвертый ребенок — сын Романо, в 1929 году — дочь Анна-Мария, страдавшая полиомиелитом. Шумная пропагандистская кампания сопровождалась некоторыми социальными мерами правительства: борьбой с туберкулезом, организацией летних лагерей отдыха для детей, раздачей пищи нуждающимся, бесплатной медицинской помощью многодетным семьям и т. д. Однако сколько-нибудь ощу-

тимых успехов эта деятельность не принесла, а темпы прироста населения страны в 30-е годы снизились.

Мировой экономический кризис придал новый импульс начавшейся еще в 1926 году «битве за хлеб». Фашистское руководство пыталось увеличить производство зерновых и прекратить закупки хлеба за рубежом. В эту «битву» были втянуты все основные категории населения, включая священнослужителей, призывавших прихожан к участию в сельхозработах. Между провинциями было организовано соревнование, а весной победители получали специально учрежденные призы. И в этой кампании вездесущий дуче вдохновлял массы личным примером: участвовал в молотье, получал символическую заработную плату, танцевал с крестьянками. Будучи человеком весьма импульсивным, Муссолини вдруг решил расширить в Италии посевы риса. Но нужно было еще убедить жителей ряда районов в пользе и необходимости его употребления в пищу. Для этого дуче распорядился оборудовать 30 передвижных кухонь, где готовили блюда из риса и давали пробовать всем желающим. Рис умножает физические силы — таков лейтмотив пропагандистской шумихи, развязанной вокруг этого дела.

Были и реальные результаты. В 1931 году Италия впервые самостоятельно покрыла потребности в зерне, а в 1933 году производство зерновых достигло рекордной цифры в 82 миллиона тонн (в среднем 15 центнеров с гектара), и хотя в дальнейшем оно немного снизилось, закупки хлеба за рубежом были существенно сокращены. Этого удалось достичь не столько в результате «энтузиазма масс», сколько в результате вытеснения других

сельскохозяйственных и садовых культур, распашки целинных земель и увеличения капиталовложений. В итоге стоимость производимого зерна оказалась даже выше привозного.

Для решения продовольственной проблемы фашизм развернул еще одну «битву» — за «интегральную мелиорацию». Смысл ее состоял в том, чтобы окультурить некоторые заболоченные территории, возвести ирригационные системы, насадить лесные полосы, провести шоссейные дороги и построить дома для крестьян, осваивающих новые земли. Львиная доля средств, выделенных на эти цели, была направлена на осушение Понтийских болот под Римом. Здесь фашисты создали образцово-показательное хозяйство, разрекламированное как символ успехов режима Муссолини. На стенах домов колонистов была начертана очередная «историческая истина», изреченная дуче: «Плуг пашет землю, но защищает ее меч».

Действия правительства диктовались естественными потребностями развития страны, но устами Муссолини и его приближенных облекались в фашистскую идеологическую оболочку. Стабилизация курса национальной денежной единицы получила пышное наименование «битвы за лиру», а попытки обеспечить большую автономность отечественного хозяйства путем ограничения импорта сырья (хотя эти меры были вызваны не столько естественными потребностями развития, сколько политической задачей подготовки экономики к войне) — «битвы за автаркию». В условиях Италии, бедной природными ископаемыми, политика автаркии была заведомо обречена на неудачу. По стране ходили многочисленные анекдоты и шутки, высмеивающие пристрастие Муссолини и фашистов к баталиям в

мирное время. В одной из них речь шла о немце, который возмущился обилием мух в трактире и сказал ее владельцу: «У вас было столько битв: за хлеб, за высокую рождаемость и другие. Почему бы вам не начать битву против мух?» — «У нас она уже была, — ответил хозяин трактира, — но мы ее тоже проиграли».

«Битва за хлеб» и «интегральную мелиорацию» была составной частью более широкой экономической политики, направленной на усиление государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Оно преследовало цель вывести страну из кризиса, обеспечить приоритетное развитие военных отраслей производства, сохранить систему буржуазных отношений как таковую. От отрицания частной собственности в бытность свою социалистом Муссолини пришел к ее провозглашению необходимой составной частью жизни индивида, «его правом и даже обязанностью». Дуче был кровно заинтересован в поддержке хозяев итальянской экономики, понимая, что без этого ему не удастся сохранить политическую власть даже в условиях тоталитарного режима. Поэтому меры, осуществлявшиеся фашистским правительством по «оздоровлению» («санации») экономики, были направлены на укрепление именно государственно-монополистического альянса.

В 1933 году было создано крупнейшее государственное финансовое учреждение ИРИ (Институт промышленной реконструкции), скупившее значительную часть акций трех ведущих банков, стоящих на грани разорения. Тем самым правительство приобрело контроль не только над финансовой системой, но и над теми отраслями производства, которые были связаны с банками деловыми опера-

циями. Курс на милитаризацию экономики и «битва за автаркию» обеспечили подъем промышленного производства. Доля продукции заводов и фабрик превзошла в объеме валового национального продукта долю сельского хозяйства, а количество рабочих превысило число крестьян. Таким образом, к концу 30-х годов Италия из аграрно-индустриальной страны превратилась в индустриально-аграрную.

Фашизм, ежечасно трезвонивший о своих успехах, о вещах малоприятных предпочитал помалкивать, как будто их и не было вовсе. Если верить официальным газетам тех лет, в Италии практически не было ни безработных, ни забастовок. На самом деле было и то, и другое: число безработных в годы экономического кризиса превысило 1 миллион человек, хотя в дальнейшем это количество существенно сократилось, а забастовки, запрещенные как «преступления против экономического порядка», вспыхивали на отдельных предприятиях. В 1933 году фашистский трибунал осудил за участие в стачках 101 рабочего, в 1935 — 70.

Мнимые и реальные успехи правительства Муссолини пышно отмечались, обильно раздавались награды и ордена, лились победные реляции. В 30-е годы дуче часто ездил по городам и провинциям, вся жизнь которых задолго до визита подчинялась этому «историческому событию»: к торжественной встрече вождя со всей округи сгоняли крестьян и стягивали воинские части, предприятия прекращали работу, дети усиленно репетировали приветствия. Сначала Муссолини произносил зажигательную речь с балкона или с башни танка, после этого устраивался традиционный парад с участием юношеских организаций или войск мес-

тного гарнизона, а затем кортеж автомобилей совершал «круг почета» по улицам и площадям.

В октябре в стране ежегодно отмечалась годовщина «фашистской революции». В 1932 году празднование ее 10-летнего юбилея приобрело особенно пышный характер: «достижения нации» демонстрировала специально организованная выставка; к началу празднования было приурочено открытие новой автострады, по которой первым проехал Муссолини во главе колонны из 500 машин; в Риме прошли торжества на улице Империи (нынешняя Фори Империали). После захвата Эфиопии на ней были размещены три мраморные карты с изображением античного Рима и роста его границ. 28 октября праздника достигли кульминации: на набережной Тибра открыл двери строившийся несколько лет «форум Муссолини» — комплекс спортивных сооружений, включавший большой стадион, «украшенный» 60 статуями атлетов со злобными лицами садистов и непропорционально большими бицепсами, бассейн, гимнастический зал, теннисные корты, а главное — 17-метровый мраморный обелиск с латинским словом «Dux» (вождь), выбитым крупными позолоченными буквами. Все эти сооружения, включая вульгарные скульптуры и обелиск, сохранились до сих пор, правда, позолота на буквах изрядно поблекла.

«Эстетическое» обрамление «форума Муссолини» — наиболее яркое проявление насаждавшегося в искусстве нового официального стиля, названного впоследствии «ликторским». В первые годы диктатуры Муссолини поддерживал футуристов, но затем его вкусы изменились. Полюбившийся ему «ликторский стиль» отличался тяжелой монументальностью и вульгарной помпезностью. Он вполне

соответствовал представлениям дуче о роли и задачах искусства и культуры в обществе: служить возвеличиванию режима и перевоспитанию нации в духе фашизма. В октябре 1926 года, выступая в Академии изящных искусств, Муссолини заявил: «Нужно создать новое искусство, искусство нашего времени «фашистское искусство». Став в позу мещената, дуче держал в одной руке пряник, а в другой все-таки кнут и по мере необходимости использовал и то, и другое. Специально созданный «Институт фашистской культуры» покрыл страну густой сетью своих филиалов. Институт издавал газеты и журналы, к нему примыкало более 400 полуофициальных организаций.

Однако создать новую культуру фашизм так и не сумел, ибо подлинный талант расцветал лишь в условиях абсолютной духовной свободы, органически чуждой любой тирании и создаваемой ею удушающей атмосфере. Родившиеся в 20—30-е годы талантливые произведения культуры и искусства были лишены фашистской идеологической начинки, а те, что создавались по официальному заказу, не стали составной частью народной культуры — это было поверхностное напластование, быстро смытое после падения режима.

Среди родных и близких дуче не скрывал своего непонимания искусства и презрения к нему. М. Сарфатти он откровенно признался, что ощущает себя «абсолютным варваром, бесчувственным к красоте (27, 262), а жене как-то раз заявил, что был бы счастлив, если б музеи «хранили больше захваченных у неприятеля знамен, нежели античных статуй». По свидетельству Чиано, сопровождая Гитлера в галереях Питти и Уффици, Муссолини не скрывал раздражения и усталости, а в

1940 году всерьез обсуждал со своим зятем вопрос о возможности продажи в Германию произведений итальянского искусства (6, 231). К счастью, этого не произошло. Неприязнь к искусству дуче объяснял по-своему понимаемой им природой человека. «Прежде чем ощутить необходимость в культурном развитии, — считал он, — человек почувствовал потребность в приказе. В известном смысле можно сказать, что в истории полицейский предшествовал педагогу».

Придя к власти, дуче рьяно взялся за перестройку Рима. В конце 1925 года он заявил мэру столицы, что «через 5 лет Рим поразит все народы мира своим великолепием: широтой, порядком, силой; он станет таким, как во времена империи Августа». Суть деятельности Муссолини сводилась к уничтожению средневековой застройки, высвобождению античных памятников и строительству новых сооружений в «ликторском стиле»: громоздких и неуклюжих «дворцов фашизма», помещений партийных, молодежных и прочих организаций, призванных увековечить «эру фашизма». Неповторимый облик города, в напластованиях архитектуры которого прослеживалась вся его многовековая история, стал постепенно утрачиваться. Церкви вплотную обступали мрачные сооружения с фашистской символикой, античные фундаменты разрушались, старинные здания превращались в обрубки стен, поглощавшихся новой кладкой. С 1925 по 1942 год с целью высвобождения места под строительство в Риме было разобрано на кирпичи 19 церквей. Когда же Боттаи посмел заметить патрону, что разрушение памятников старины деморализует народ, дуче презрительно бросил:

«Ха! Этот народ эстетов! Искусство отравило итальянцев!» (3, 207)

Однако внутренний негативный настрой к искусству не помешал Муссолини пристраститься к музыке. Он любил скрипку и не расставался с инструментом даже в самые трагические минуты своей жизни. Чаще других произведений дуче играл мелодии Вагнера. Пожалуй, это его единственное увлечение, не связанное с попыткой его фашистской интерпретации.

Не берясь судить о музыкальном вкусе Муссолини, заметим, что в остальном он оставался типичным мещанином. В 1929 году дуче покинул свой кабинет в палатце «Киджи» и окончательно обосновался во дворце «Венеция», в самом центре старого Рима. Величие новой резиденции должно было соответствовать величию замыслов и свершений фашизма. Дворец строился в XIV—XV веках, затем был продан Венецианской республике (отсюда происходит название), позже перешел во владение австрийской династии Габсбургов, а в годы первой мировой войны был экспроприирован итальянским правительством. Дуче расположился в самом большом помещении дворца — зале «Маппамондо» («Карты мира»¹), имевшим 20 метров в длину и 13 в ширину. По одной стене зала тянулись два ряда высоких окон, выходящих на площадь «Венеции», на другой были нарисованы колонны, углубляющие перспективу всего помещения. Массивная инкрустированная люстра, расписной потолок, мозаичный пол с изображением жен-

---

¹ В середине века здесь висела огромная карта мира, давшая название самому залу.

щин и детей в натуральную величину, огромный камин, закрытый литой узорчатой решеткой, и никакой мебели, за исключением стоявшего в дальнем углу старинного письменного стола и двух стульев в средневековом стиле «Саванарола», предназначенных для особо почетных гостей. Именно здесь, в гулкой тиши величественного зала (Муссолини запретил водителям гудеть в клаксон на площади «Венеция», чтобы не мешать сосредоточенной работе мысли!), ему грезилась новые захваченные земли, военные походы и штурмы, рост могущества Италии и его личной славы.

Но вот бесшумно открылась дверь, и секретарь доложил об очередном посетителе. Дуче быстро склонился над письменным столом: каждый входящий должен был видеть, что вождь неустанно трудится на благо отчизны. По вечерам, уходя из кабинета, Муссолини оставлял включенной свою настольную лампу, чтобы свет был виден со стороны площади, и хотя по Риму сразу поползли слухи, что комната при этом пуста, дуче своей привычке не изменил.

Пустынное величие зала оглушало впервые в него входивших, но оглядываться по сторонам было особенно некогда. Взгляд сразу приковывал лысый череп человека, склонившегося над письменным столом в дальнем левом углу кабинета. Дуче медленно поднимал голову и впивался своими маленькими, выпученными глазами в посетителя, которому предстояло под этим пристальным взором преодолеть разделявшие их 18 метров. Вошедший (так, видимо, полагал Муссолини) должен был испытывать содрогание и внутренний трепет. Во всяком случае, сцена была рассчитана именно на такой эффект. Лишь однажды дуче встал из-за стола и

пошел навстречу вошедшему: это был специальный посланник президента Рузвельта С. Уэллс, прибывший в феврале 1940 года с полуофициальной миссией. Один из биографов Муссолини подсчитал, что за весь срок своего правления дуче провел около 130 тысяч индивидуальных аудиенций (47, 170). Своему личному секретарю Л. Ферретти он как-то полусхвату признался: «Подлинный секрет сохранения власти состоит в том, чтобы целый день сидеть за этим столом». А затем, немного подумав, добавил: «Управлять итальянцами нетрудно. Это бесполезно».

Рабочий день Муссолини начинался с просмотра приготовленных ему бумаг. Дуче накладывал резолюции красным или синим карандашом, его почерк был мелким и неразборчивым. А затем шла чередой высших функционеров, каждый из которых докладывал о состоянии дел в своем ведомстве. Практически ежедневно перед дуче представляли: шеф полиции и глава карабинеров, министры внутренних и иностранных дел, министр национального воспитания, секретарь ПНФ, а также начальник телефонной службы, пользовавшийся особым доверием Муссолини и прослушивавший все интересовавшие его телефонные разговоры. Муссолини требовал от подчиненных полной и достоверной информации, вплоть до пересказа анекдотов, ходивших о нем по стране. Почти никто, однако, не решался их воспроизводить, так как дуче не воспринимал шуток по своему адресу и ужасно злился. Кроме того, зная, что Муссолини раздражался по поводу любой малоприятной информации, иерархи предпочитали ее утаивать, следуя негласно установившемуся среди них правилу: «Говорить Муссолини то, что он хочет услышать». Ссылаясь

на этот факт, некоторые историки пытались впоследствии снять с дуче ответственность за развал страны, указывая, что он якобы не имел объективной информации о положении дел. Это не соответствует действительности, так как Муссолини был прекрасно обо всем осведомлен и в полной мере нес ответственность за содеянное.

А вот тот факт, что его окружали многие малограмотные, тупые, гнусные люди, оспаривать не приходится. Следует только заметить, что он сам подбирал себе исполнителей и слепую преданность тупицы всегда предпочитал трезвости рационального ума. Своему секретарю Де Стефани он даже как-то раз признался: «Между разбойником и человеком достойным, если я ни того, ни другого не знаю, всегда выбираю первого» (32, 121). Принцип подбора кадров был до смешного прост: личная симпатия или неприязнь дуче. Нередко выбор счастливица определялся его внешним видом, умением себя подать, удачной шуткой или чем-либо еще. По свидетельству Ч. Росси, дуче назначил префектом Милана известным своими нейтралистическими взглядами генерала Н. Рокка лишь потому, что у того была пышная борода (26, 247). 26 мая 1927 года, выступая в палате депутатов, Муссолини так высказался по поводу своего аппарата: «Все министры и их заместители — это солдаты. Они идут туда, куда их направляет глава правительства, и останавливаются, если я приказываю остановиться».

Дж. Боттаи указывает в своем дневнике, что Муссолини имел обыкновение приходиться на совещания с готовым решением, кратко информировать о нем присутствующих и, не дожидаясь вопросов и дискуссии, тут же уходить. Или же он мог неожиданно

данно для собравшихся поставить какой-либо серьезный вопрос и, не дав времени на обдумывание ответа, навязать свою точку зрения. Рассказывая об этом, Боттаи пытается выгородить себя лично. Однако он стыдливо умалчивает о том, что в 30-е годы почти никто и никогда не осмеливался перечить дуче. Давно ушли в прошлое те времена, когда Муссолини хоть и был признанным вождем фашизма, но все-таки яростно спорил с соратниками, учитывая их позиции и настрой. Теперь между дуче и иерархами пролегла незримая глубокая пропасть: даже докладывать Муссолини в кабинете «Маппамондо» они были обязаны стоя. Каждого из иерархов ни на минуту не покидало чувство неуверенности и страха за карьеру, ибо Муссолини часто и тщательно тасовал колоду своих приближенных, сообщая о смещениях и перемещениях через средства массовой информации. Иронизируя по этому поводу, он говорил, что «заинтересованные лица должны быть приятно удивлены». В 1939 году посол фашистской Италии в Англии Д. Гранди, приехавший в Женеву по делам службы, был ошарашен газетным сообщением о том, что он покинул Лондон и вернулся в Рим, чтобы занять пост министра юстиции.

«Удивление» вряд ли бывало приятным, когда речь шла об увольнении. Нередко Муссолини увольнял людей по наветам, становясь таким образом орудием интриганов, причем, как правило, выжидал определенный срок, чтобы отставка была неожиданной и для жертвы, и для интригана. Дуче не скрывал, что ОВРА по его поручению контролирует частную жизнь и переписку иерархов. «То, что они не делают по убеждению, — говорил он Люд-

вигу, — они делают из-за страха, ибо знают, что за ними внимательно наблюдают».

Муссолини был подозрителен, но не сверх меры. Внимательнейшим образом он следил лишь за тем, чтобы никто из его ближайшего окружения не пытался хоть на вершок подняться выше остальных и тем самым приблизиться к нему самому. Дуче целиком доверял лишь своему брату Арнальдо. Он не имел друзей среди иерархов, объясняя это особенностями своей «выдающейся натурой». Олицетворявшийся им «новый человек» не нуждался в дружеском участии, советах и поддержке. «Никто никогда не имел на меня влияния, — бахвалился Муссолини. — В сущности, я всегда был одинок. И сегодня я чувствую себя пленником еще в большей мере, чем когда я сидел в тюрьме». «Скромный дуче» имел в виду сладостный плен собственного величия.

Однако сквозь эту иллюзорную величавость проглядывали мелочное тщеславие и некомпетентность Муссолини. Вину за серьезные промахи он обычно сваливал на кого-либо из высших функционеров (иначе и быть не могло, ведь дуче непогрешим!) и в то же время не мог расстаться с привычкой вмешиваться даже в самые мелкие, малозначащие дела. К примеру, только с разрешения дуче регулировщики на площадях могли переходить на летнюю или зимнюю форму одежды. Муссолини был удивительно последователен в своей непоследовательности. По словам Чиано, он часто «дезорентировал тех, кто с ним работал». Начальник политического отдела полиции Г-Лето упоминает случаи, когда решения Муссолини по какому-либо ведомству вступали в противоречие с интересами другого ведомства. Оно, в свою очередь, предлагало

диктатору вариант решения, исключавший предыдущее, и Муссолини без колебаний его принимал. Создавалась тупиковая ситуация, которая никоим образом не разрешалась, но зато развязывала руки аппаратчикам обоих ведомств.

Государственная бюрократия обрела в 30-е годы реальную силу и немалую автономность. И хотя в Италии принцип вождизма не был закреплен на местном уровне, каждый провинциальный партийный и административный божок ощущал себя полновластным хозяином вотчины. Тотальное возвеличивание Муссолини рождало неумемную тягу фашистских главарей к насаждению собственных культиков, создавало почву для злоупотреблений и хамской вседозволенности. Коррупция и казнокрадство захлестнули бюрократический аппарат в центре и на местах, а многочисленные финансовые аферы на военных заказах привели к расцвету нуворишей.

Муссолини со своего Олимпа сквозь пальцы взирал на эту мышиную возню, лишь изредка карая самых зарвавшихся. Он лишал их постов и привилегий, а на освободившиеся места назначал новых временщиков. Многие назначения формально осуществлялись от имени короля, на прием к которому дуче регулярно являлся по вторникам и четвергам. Юридически Виктор-Эммануил III оставался главой государства, но какого-либо дуализма в управлении страной не было. Муссолини как-то раз даже сказал Ракеле, что «если король попробует помешать мне делать то, что я хочу, я снова стану республиканцем». Время от времени между дуче и королем возникали разногласия, но во всех принципиальных случаях победу одерживал Муссолини. Ему даже удалось сделать фашистскую

песню «Дживинецца» государственным гимном наряду с «Королевским маршем». Пожалуй, это был единственный случай в истории, когда страна имела два официальных гимна.

* * *

В 1929 году семья Муссолини переехала в Рим и обосновалась на вилле «Торлония», расположенной в аристократическом районе на улице Номентана. Вилла принадлежала князю Торлонскому, который, по словам Ракеле, «уговорил» дуче поселиться на ней за символическую плату — 1 лиру в год. Многокомнатный 3-х этажный дом был выстроен в классическом стиле — с колоннами и треугольным фронтоном из белого мрамора. Глухой забор по всему периметру окружал территорию виллы, скрывая от любопытных глаз озеро и оранжерею, сад и тенистые аллеи парка, теннисный корт и большую конюшню, театр и зверинец. Время от времени в этом мини-зоопарке поселяли львят и газелей, ягуара и оленя, пони и обезьян. В доме постоянно крутились под ногами собаки, кошки, черепахи, в клетках резвились канарейки и попугаи, а на хозяйственном дворе Ракеле по старой крестьянской привычке разводила кур.

Штат прислуги семейства дучи насчитывал свыше десятка человек: шоферы, горничные, повара, экономка, конюх, садовник, парикмахер, маникюрша, а также целый сонм полицейских агентов в штатском, дежуривших на территории виллы и вокруг нее. Двое агентов ежедневно сопровождали в школу детей. Самого же Муссолини охранники не покидали ни на минуту: во время прогулок в парке они скрывались за деревьями, в море плыли в нескольких метрах от дуче, чтобы не попасть в

кадры кинохроники, рассеивались в толпе на площади «Венеции», располагались на протяжении всех улиц, по которым он обычно проезжал. Дворец «Венеция» охранялся гвардией «мушкетеров дуче», созданной в пику королевской охране, состоявшей из отборных карабинеров. Для любой поездки Муссолини всегда было наготове три вида транспорта: самолет, автомобиль, поезд. В последний момент дуче сам выбирал способ передвижения и указывал маршрут. Даже лечащий врач Муссолини никогда не знал, куда и как они едут: его всегда забирали внезапно.

О своих отлучках дуче не часто ставил в известность и жену, но не потому, что чего-то опасался, а потому, что не считал нужным посвящать ее в свои дела. Ракеле была женщиной трезвого крестьянского ума, хорошо знавшей своеобразие мужа и предпочитавшей, как правило, не приставать к нему с советами. В 20-е годы она воспринимала премьерство Муссолини как явление временное, преходящее и только после переезда в Рим поняла, что действительно является женой главы правительства. Она управляла прислугой, имела в своем распоряжении автомобиль с водителем, занималась воспитанием младших детей и строго следила за установленным Муссолини распорядком дня. Ракеле старалась по возможности избегать официальных приемов и церемоний, а когда попадала на них, вела себя без ложного высокомерия. Она знала о некоторых любовных похождениях Муссолини, еще о большем догадывалась, но ревниво вступала в бой лишь в тех случаях, когда чувствовала угрозу благополучию семьи. Так было в случаях с И. Дальсер, М. Сарфатти и позже с К. Петаччи.

Муссолини давал обильную пищу для разговоров и анекдотов по поводу своей неумемной похотливости. В Италии написано на сей счет немало, ибо обывателю нравится смаковать подробности интимной жизни политических деятелей. Обойти молчанием эту сторону жизни дуче нельзя и нам, так как в противном случае его морально-психологический портрет будет неполным.

Женщинам отводилась изрядная доля рабочего времени Муссолини. Его помощники сортировали и отбирали письма неизвестных поклонниц дуче, затем претендентки подвергались тщательной полицейской проверке и лишь после этого допускались в зал «Маппамондо». Те из них, кто впоследствии поделился со всем миром своими переживаниями, надеялись, вероятно, попасть таким образом в историю. Они хором отмечали отсутствие у дуче всякой сентиментальности, его грубость и несдерживаемый животный порыв. Видимо, такая манера общения должна была дополнить олицетворившийся им идеал «нового человека».

Многочисленные случайные связи не мешали диктатору поддерживать длительные отношения с фаворитками. К последней из них, Кларетте Петаччи, Муссолини испытывал даже некоторое подобие привязанности. В течение ряда лет об их романе знала вся Италия, кроме Ракеле. Дочь ватиканского врача К. Петаччи познакомилась с дуче в апреле 1932 года на автостраде в Остии, пригороде Рима. Муссолини не мог упустить случай познакомиться с красивой 20-летней девушкой, яростно приветствовавшей его из окна своей машины. Через два года Клара вышла замуж за офицера авиации, но вскоре рассталась с ним, став любовницей Муссолини. Дуче поселил ее на небольшой вилле

в одном из тихих кварталов Рима, а во дворце «Венеция» отвел специальную комнату с отдельным входом. Муссолини не давал ей денег и почти никогда не делал подарков. Он вообще не любил делать кому-либо подарки, тем более женщинам, для которых, как он полагал, само внимание дуче было высшей наградой. Однако через посредничество Клары и ее брата Марчелло этим вниманием пользовались многочисленные предприниматели, чиновники, карьеристы и прочие просители, щедро оплачивавшие услуги официальной фаворитки. Кроме того, на ее содержание отпускалось от 100 до 200 тысяч лир в год (весьма крупная по тем временам сумма) из секретных фондов министерства внутренних дел, которыми распоряжался заместитель министра Буффарини-Гуиди (56, 243). Дуче принимал активное участие в делах семьи своей любовницы, а в 1940 году даже посетил ее родителей. Для Муссолини, человека холодного и эгоистичного, такая связь была скорее аномалией, чем нормой.

Дуче всегда жил в себе и для себя. Даже его сын Витторио в книге воспоминаний признал, что «отец не принадлежал семье» не из-за чрезмерной загруженности работой, а из-за склада своего характера. Общение с детьми было спорадическим и поверхностным, близких друзей дуче никогда не имел и физически не выносил людей, которые были ему чем-то неприятны. У него были хорошие отношения с братом и сестрой, и в декабре 1931 года, когда Арнальдо умер, Муссолини испытал искреннюю горечь утраты. Он даже написал небольшую книжку «Жизнь Арландо», но это был «памятник» не столько брату, сколько себе самому. Еще один личный удар дуче пережил в 1941 году

в связи со смертью сына Бруно, разбившегося при выполнении тренировочного полета.

В повседневной жизни Муссолини был далек от семейных хлопот и занимался ими лишь в тех случаях, когда в этом была настоятельная потребность. Так, в конце 20-х годов его все чаще одолевала мысль о необходимости выдать замуж свою старшую дочь Эдду. К ней уже однажды сватались женихи, но по разным причинам Муссолини обоим указал на дверь. Дуче решил взять в свои руки дела поиска достойного претендента, но окончательный выбор сделала все-таки Эдда. В апреле 1931 года на вилле «Торлония» по случаю ее бракосочетания впервые был устроен пышный прием¹.

Зятем диктатора стал 27-летний Галеаццо Чиано, сын графа Констанцо Чиано из Ливорно, дослужившегося в свое время до звания адмирала. В начале 20-х годов граф возглавлял торгово-промышленную компанию «Море». Он примкнул к фашистскому движению, сблизился с Муссолини и после захвата власти был назначен министром, а затем председателем фашистской палаты депутатов. Его сын получил юридическое образование в Римском университете и подался на дипломатическую службу. Знакомство с Эддой, совершавшей кругосветное путешествие, произошло в Китае, где Галеаццо служил консулом. Вскоре он вернулся в Рим на должность секретаря итальянского посольства при Ватикане и целиком погрузился в ро-

---

¹ Вообще Муссолини не любил приглашать кого-либо к себе домой. Лишь однажды этой «великой чести» был удостоен Махатма Ганди.

ман с дочерью Муссолини. После свадьбы его карьера круто пошла в гору: 1933 год — руководитель отдела печати при главе правительства, 1934 год — заместитель министра печати и пропаганды, в 1936 году 33-летний зять диктатора становится министром иностранных дел фашистской Италии.

Фат и позер, Чиано окружил себя беспечными молодыми аристократами и представителями богемы. Он изредка появлялся в МИДе и лениво просматривал донесения, текст которых не превышал полстраницы. Все свои дипломатические и интриганские способности, коими он был наделен в избытке, Чиано направил на завоевание реальной политической власти и во второй половине 30-х годов действительно стал правой рукой Муссолини. Он сумел так блокировать подходы к дуче, что многие министры, в том числе некогда всемогущий руководитель ОВРА Боккини, вынуждены были прежде, чем идти к Муссолини, докладывать Чиано и заручаться его поддержкой. Осенью 1939 года, когда на место «твердолобого Стараче» был назначен друг Чиано, авантюрист и флибустьер Э. Мути, влияние зятя диктатора достигло апогея.

Честолюбивый карьерист, он видел себя единственным преемником Муссолини и не считал нужным скрывать своих намерений. Он даже внешне пытался копировать позы и ужимки дуче: широко расставлял ноги, упирал руки в бока, выпячивал подбородок, важно надувался и вращал глазами. Некоторые биографы дуче утверждают, что Чиано дважды хотел отравить тестя, но веских доказательств этой версии не существует. Однако в предусмотрительности Чиано не откажешь. Лентяй и пустослов, он проделал удивительную работу: в течение 6 лет вел дневник, в котором фиксировал

высказывания дуче в кругу доверенных лиц, а также свои размышления и беседы с крупными государственными деятелями. В руках изощренного интригана этот документ со временем мог стать опасным оружием политического давления и шантажа. Молодой министр использовал свое исключительное положение и в сугубо корыстных целях: он был замешан в спекуляциях земельными участками, стал владельцем акций судостроительных верфей, химических и металлургических компаний. Именно он выступал ходатаем многих проектов, принимавшихся Муссолини в интересах крупных монополистических объединений.

В отличие от своего зятя Муссолини не стремился к безудержному личному обогащению. Он был равнодушен к деньгам, но не к тем благам, которые они обеспечивают. Дуче любил повторять, что «единственное преимущество», которое в личной жизни предоставила ему власть, была «возможность владеть хорошей лошадью». Уточним для правдивости, что лошадей на вилле «Торлония» было 12—13, а недостатка в средствах «на личные расходы» Муссолини не испытывал. Он мог демонстративно отказаться от жалованья премьера, сделав вид, что не замечает, как ретивые помощники аккуратно помещают эти деньги на специальный счет дуче в «Банко д'Италия» в Брешии. К 1943 году на этом счету скопилось около 1,5 миллиона лир. Основным источником дохода семьи Муссолини служила принадлежавшая ему газета «Пополо д'Италия». Кроме того, он получал жалованье депутата, приличные гонорары за статьи в зарубежных изданиях, изрядные суммы за носимые им титулы. Эти средства позволяли дуче ни в чем не отказывать ни себе, ни своим близким. Фанатич-

ный автолюбитель, он купил для собственного удовольствия несколько наиболее престижных автомобилей и часто ими пользовался.

Однако все эти расходы не шли ни в какое сравнение с теми государственными суммами, которыми Муссолини распоряжался почти бесконтрольно. Львиная их доля уходила на так называемые «представительские цели», к числу которых принадлежала и яхта «Аврора», стоявшая на рейде в постоянной готовности, и персональный самолет, нередко управлявшийся самим дуче, и реставрация принадлежавшего ему замка «Рокка делле Камминате» в провинции Форли, и организация многочисленных шоу, стоившая десятки миллионов лир. Наконец, дуче располагал огромными секретными фондами политической полиции, и при желании Муссолини мог сказочно разбогатеть, но не испытывал в этом потребности. Повторяем, что деньги как таковые его не интересовали. Он имел все, что хотел, удовлетворив собственное представление о роскоши. Муссолини получал множество разнообразных подарков, в том числе очень дорогих, и отправлял их в «Рокка делле Кампинате», превратив дом в некое подобие «кунсткамеры». Однако в финансовых злоупотреблениях его обвинить нельзя, и это было признано специальной комиссией, расследовавшей после второй мировой войны факты казнокрадства среди фашистских иерархов.

В быту Муссолини не отличался особой опрятностью. Он мог надеть несвежую рубашку или стоптанные туфли, но зато имел целую коллекцию перчаток. Он начал рано брить голову и обильно пользовался одеколоном. Дуче употреблял в пищу много фруктов, молока и минеральной воды, кате-

горически избегал алкоголя, а во время приступов язвенной болезни допускал к себе только жену и лечащего врача. Он был суеверен: избегал черных кошек и людей с «дурным глазом», отказывался обедать, если за столом оказывалось 13 человек, старался не принимать серьезные решения по пятницам. Когда однажды Муссолини прочитал в «Таймс» о невзгодах, преследовавших расхитителей гробницы Тутанхамона, то немедленно распорядился вернуть на старое место подаренную ему мумию фараона. Веру в приметы и амулеты он унаследовал от отца, а живя в Романье, даже посещал с женой спиритуалистические сеансы (22, 108). Об этой слабости Муссолини знали приближенные и ловко пользовались ею. Когда им хотелось избежать участия в каком-нибудь затеянном дуче мероприятии, типа массового заплыва, бега с барьерами или обмолота зерна, они указывали ему на очередное «недоброе предзнаменование». В таких случаях дуче обычно откладывал задуманное на неопределенный срок.

Его фигура вызывала немалый интерес за рубежом: у дуче часто брали интервью, публиковали биографические сведения, очерки, портретные зарисовки. Специальное фашистское ведомство контролировало корреспонденцию, направлявшуюся из Италии за рубеж, и нередко задерживало «сомнительные материалы». Тех иностранных журналистов, которые проявляли недовольство исчезновением корреспонденций, под разными надуманными предлогами выдворяли из страны. В июне 1935 года Муссолини упал с лошади и не смог прийти на прием в английское посольство. К неописуемой ярости фашистов, агентство Рейтер распространило сообщение об этом, а сами итальянцы так

ничего и не узнали: сверхчеловек просто НЕ МОГ упасть с лошади (60, 390).

Дуче придавал большое значение формированию имиджа фашистской Италии за рубежом. С этой целью широко использовались возможности печати, рекламы, туризма. В 1928 году была даже создана специальная комиссия для организации пропаганды за границей. В университеты Европы поступала разнообразная литература о фашистском режиме, итальянские посольства и туристские агентства бесплатно высылали любому желающему массу рекламного материала. Яркими красками в нём расписывалась социальная политика фашизма, «преимущества» корпоративного строя и успехи в области экономики, воздавалась хвала «великому дуче». В начале 30-х годов многие консервативные деятели Запада ценили Муссолини за его последовательную борьбу против коммунистов, за неприимчивость ко всякой оппозиции, за поощрение крупного капитала. Особенно щедрым на комплименты оказался Уинстон Черчилль, назвавший дуче «романским гением». Но маститый политик оказался недостаточно прозорлив, чтобы в тот период разглядеть опасность, которую новоявленный «гений» представлял для сохранения мира в Европе и, в частности, в Средиземноморье, где были сильны именно английские позиции.

Муссолини часто произносил речи на внешнеполитические темы и часто угрожал. Некоторые европейские дипломаты настолько к этому привыкли, что даже не придавали им особого значения. Они полагали, что крикливость дуче не подкрепляется военно-экономической мощью Италии. Понимал это и сам Муссолини. В 1933 году, когда заметно поутихли кризисные боли в экономике, он

принял решение о существенном увеличении военных расходов и модернизации технической оснащённости армии. Особый упор делался на создание бронетанковых частей, дальнобойной артиллерии, скорострельного оружия для пехоты. Новый закон о военной подготовке в той или иной форме охватывал все взрослое мужское население страны.

Во внешней политике у Муссолини не было каких-либо твердых принципов. Как правило, он руководствовался сугубо прагматическими соображениями, пытаясь из каждой конкретной ситуации извлечь максимум возможного для укрепления своего реноме. Он всячески пытался привлечь к Италии внимание крупных держав, изобразить увеличение ее веса в международной политике, снискать себе лавры вершителя судеб народов мира. Именно в этом контексте следует рассматривать выдвинутое им в начале 1933 года предложение о заключении «пакта четырех» держав (Англии, Франции, Германии, Италии) о сотрудничестве и взаимодействии. Подписанный в июне 1933 года, этот договор провозгласил солидарность сторон в стремлении установить «в Европе веру в мирное будущее». На самом деле Муссолини рассматривал его как инструмент пересмотра сложившейся системы международных отношений, ибо специальный пункт договора предоставлял подписавшим его государствам право ревизии договоров.

Однако эта затея изначально была обречена на провал. Ни Англия, ни Франция не собирались лишаться преимуществ, полученных ими в результате победы в первой мировой войне. Да и для самого Муссолини личина миролюбца была не совсем удобной. Прагматизм толкал его к поиску трещин и противоречий в отношениях между евро-

пейскими государствами, к их углублению и расширению. Он был готов заключать какие угодно договоры, ибо они усиливали в нем чувство собственного величия, а на деле не значили почти ничего. Так обстояло дело и с подписанным 2 сентября 1933 года советско-итальянским «Пактом о дружбе, ненападении и нейтралитете». Дуче не раз повторял, что вечных договоров не существует и что все они рано или поздно пересматриваются. Одно лишь воспоминание о поражении при Адуа¹ значило для него больше, нежели любая статья любого договора. Он жаждал оплатить «великий счет, открытый в 1898 году» и воссоздать империю, поэтому договор с Эфиопией, подписанный на 20 лет, существовал лишь на бумаге.

Готовясь к войне, Муссолини не задумывался над тем, что в захвате колоний была заинтересована прежде всего крупная монополистическая буржуазия, стремившаяся получить новые сферы вложения капитала, источники сырья и дешевой рабочей силы. Для него, блестящего оратора, обрушившего шквал обвинений на политику колониальных захватов итальянского королевства в 1912 году, вопрос о вторжении в Эфиопию был давно и однозначно решен. В 1932 году он послал министра по делам колоний Де Боно проверить обороноспособность Эфиопии в пограничных с Эритреей областях, а затем отдал приказ расширить там сеть дорог, построить ряд военных укреплений и увеличить численность итальянских войск.

Усиление военной активности Италии в бассей-

---

¹ В ходе итало-эфиопской войны 1895—1896 годов при Адуа были наголову разгромлены итальянские войска.

не Средиземноморья вызвало беспокойность во Франции и Англии. В апреле 1935 года в Рим прибыл французский министр иностранных дел П. Лаваль. Он подписал с Муссолини соглашение о разделе сфер влияния в Африке: в обмен на отказ Италии от претензий на французский Тунис за ней закреплялись территории в Ливии и Сомали, а также предоставлялась свобода действий в отношении Эфиопии. И хотя этот, наиболее важный для Муссолини пункт договора держался в строгом секрете, итальянская печать сразу начала писать о «латинских сестрах», а сам дуче — рассыпаться в комплиментах Франции и «ее интеллигентному народу с утонченным вкусом». Впрочем, это не помешало ему в 1939 году назвать тех же французов «людьми гнусными и подлыми». Лишь одно государство — Советский Союз и его народ вызывали у Муссолини устойчивую, а не конъюнктурную неприязнь. В 34-томном собрании его сочинений нет ни одного сколько-нибудь лестного упоминания о СССР, как нет их и в дневниках Боттаи, Чиано и других фашистских иерархов, фиксировавших высказывания вождя.

Договор с Лавалем создавал благоприятные условия для реализации вожделенных замыслов Муссолини. Казалось, что к захвату Эфиопии преград больше не было, оставалось лишь найти подходящий повод. Первые искры будущего пожара взвились в воздух еще в декабре 1934 года, когда сомалийские войска, охранявшие итальянскую Эритрею, спровоцировали пограничный инцидент и вторглись на территорию Эфиопии. Поставив дело с ног на голову, Муссолини изобразил «праведный гнев» и потребовал официальных извинений. Негус Эфиопии, в свою очередь, обратился с

жалобой в Лигу Наций, однако итальянское правительство категорически отвергло любые формы международного арбитража. Англия весьма настороженно наблюдала за усилением милитаристских приготовлений фашистов и даже направила в Средиземное море дополнительные военные корабли. Реакция итальянской печати последовала незамедлительно: Великобританию стали обвинять в противодействии созданию фашистской колониальной империи, а почти безоружную Эфиопию окрестили «пистолетом, направленным в сердце Италии».

Пока велись изначально обреченные на провал переговоры по урегулированию пограничных конфликтов, король Виктор-Эммануил трогательно провожал суда с войсками, отплывавшими в Восточную Африку, а священники призывали молодых католиков к осуществлению «цивилизаторской миссии» в отсталой, полуфеодальной-полурабовладельческой стране. Международный комитет, созданный в рамках Лиги Наций, робко предложил вариант мирного урегулирования конфликта, который был с порога отвергнут дуче, как «не соответствующий жизненным интересам Италии». Поняв, что избежать агрессии не удастся, негус Хайле Селассие 28 сентября объявил мобилизацию в стране, а вечером 2 октября дуче произнес воинственную речь со своего излюбленного балкона. За три часа до его выступления в столице завывали сирены, зазвонили колокола, грянули бравурные марши воинских оркестров, прекратили работу заводы и учреждения, толпы людей хлынули к «Алтарю отечества». «Мы терпеливо нянчились с Эфиопией 40 лет, — возопил дуче, — теперь хватит!» В этот миг он, конечно же, не помнил ни своих пламенных антимилитаристских выступлений на рубеже

веков, ни демагогических заверений в миролюбии на рубеже 20-х. «Только сумасшедший или преступник может помышлять о развязывании новых войн, — писал он на страницах «Пополо д'Италия» в 1921 году, — исключением является лишь отпор неспровоцированной агрессии». Объявляя войну, Муссолини не был сумасшедшим, он был политическим преступником.

3 октября 1935 года две итальянские армии вторглись на территорию Эфиопии из Эритреи и Сомали. Захватчикам противостояло многочисленное, но почти безоружное воинство: ножи, копья, стрелы, допотопные винтовки были слабым противовесом танкам, артиллерии, самолетам и даже отравляющим веществам противника. Вопреки Женевской конвенции 1925 года, запрещавшей использование химического оружия, Муссолини лично отдал приказ о применении ОВ. В ответ на запрос генерала Грациани он послал телеграмму, которой уполномочил командующего «применять, даже в широком масштабе, какой-либо газ и огнеметы» (46, 335). Муссолини стал, таким образом, не только политическим, но и военным преступником.

Через несколько дней после вторжения итальянские войска заняли города Адуа и Аксум. В зале «Маппамондо» появилась большая топографическая карта Эфиопии, на которой дуче старательно и с большим удовольствием отмечал красным и синим карандашами расположение частей и продвижение линии фронта. Возбужденный и нетерпеливый, он с пылающим взором бегал вокруг этой карты, пытаясь из Рима руководить военными действиями. Будучи абсолютным профаном в военном деле, он слал генералу Де Боно бесконечные

телеграммы, указывая время и направления ударов и требуя их безусловного выполнения. Престарелый маршал не перечил дуче, но и не бросался очертя голову выполнять его нелепые указания. Он не мог ответить Муссолини, что армия была плохо экипирована и плохо снабжалась, что сплошная коррупция управленческого аппарата привела к острой нехватке амуниции и транспортных средств, что в частях процветали мародерство, спекуляция медалями и «черный рынок». На этом фоне особенно остро воспринималась грубость офицеров в обращении с солдатами, трения между армейскими частями и фашистской милицией, пользовавшейся многими льготами. Вскоре наступление итальянских войск захлебнулось, и Муссолини в ярости сместил Де Боно, назначив на его место генерала П. Бадольо. Новый командующий тут же потребовал подкреплений и, как профессионал, стал еще больше игнорировать «гениальные распоряжения» дуче, что, впрочем, ничуть не помешало последнему приписать себе конечный успех операции.

Лига Наций объявила Италию агрессором и приняла решение о применении к ней экономических санкций. Государствам—членам Лиги запрещалось поставлять в Италию стратегическое сырье и оружие, предоставлять ей кредиты, импортировать ее товары. Эмбарго не распространялось на нефть, уголь и металл, поэтому наиболее эффективной мерой воздействия могло стать закрытие для итальянских судов прохода через Суэцкий канал. Но английские правящие круги не решились на этот шаг, мотивируя свой отказ угрозой прямого военного столкновения с фашистами. К санкциям отказались примкнуть Австрия, Венгрия, Албания и

Швейцария, а Германия и Япония, вышедшие ранее из Лиги Наций, продолжали торговать по-прежнему. Соединенные Штаты заняли позицию нейтралитета и заявили о прекращении поставок оружия обеим воюющим сторонам. Таким образом, половинчатые и непоследовательные санкции, хотя и нанесли ощутимый экономический урон агрессору, вынудить его прекратить военные действия не могли.

Зато внутри Италии они вызвали небывалый по масштабам взрыв националистических и псевдопатриотических эмоций. Решения Лиги Наций интерпретировались фашистами как «кара богатых плутократий бедной стране», воюющей за «место под солнцем». По Италии прокатилась волна шовинистических выступлений и манифестаций, тысячи молодых добровольцев изъявили желание отправиться на фронт, в школах и университетах появились многочисленные секции Ассоциации антисанкционных мер — была создана и такая. Согласно ее школьному уставу детям запрещалось петь иностранные песни и использовать в разговоре слова иностранного происхождения, книги можно было читать только на итальянском языке, покупать и носить только итальянские вещи (9, 135). Даже некоторые видные представители пассивного сопротивления режиму с началом войны пошли на примирение с противником, полагая, что фашизм наконец открыл перед Италией путь к величию. В. Орlando телеграфировал дуче о своей готовности к сотрудничеству, Л. Альбертини и Б. Кроче отдали свои сенаторские знаки в ходе кампании «Золото — родине».

Эта массовая кампания была рассчитана на пополнение изрядно оскудевшего в ходе войны

золотого запаса страны. Трудно сказать наверняка, кому именно из фашистских заправил пришла в голову идея сбора у населения золотых изделий, но сам замысел был откровенно подлым — отобрать у итальянцев обручальные кольца, бывшие единственной драгоценной вещью во многих семьях. В специально установленный день длинные вереницы людей потянулись к центральным площадям городов и поселков, чтобы опустить свои золотые кольца в дымящиеся курильницы и получить из рук монахов и монахинь оловянные, становившиеся символом их патриотизма. На площади святого Петра в Риме первыми отдали кольца королева Елена и Ракеле Муссолини. Уклониться от участия в этой «добровольной» процедуре было довольно трудно. Люди побогаче в спешке покупали и жертвовали тонкие кольца, а свои собственные прятали до лучших времен. Вся эта кампания в конечном счете вылилась в гигантский фарс, так как значительную часть колец разворовали фашистские иерархи. После крушения режима они были обнаружены в квартирах некоторых из них на занавесках.

7 месяцев и 2 дня длилась ожесточенная война в Эфиопии. Итальянские войска действовали в худших традициях колонизаторов: выжигали леса, где скрывались беженцы, уничтожали деревни и поселки, расстреливали из пулеметов транспортные средства и объекты «Красного Креста». Лишь в марте 1936 года Бадольо сумел вновь развернуть широкие наступательные действия и спустя два месяца театрально вступить в Аддис-Абебу. Хайле Селассие бежал в Джибути, сопротивление его войск было окончательно подавлено. Эфиопия как самостоятельное государство прекратила су-

ществование. Вместе с Эритреей и Сомали она была объединена в итальянскую «Восточную Африку».

Муссолини всерьез уверовал в свой военный гений, полагая, что разгром врага был обеспечен его умелым руководством из Рима. Виктор-Эммануил удостоил главу правительства большого военного «ордена Савои» за «подготовку, руководство и победу в самой крупной колониальной войне, какую знает история». Итальянское королевство было провозглашено империей, а король — императором Эфиопии. Вечером 9 мая 1936 года мощные прожекторы освещали монументальный дворец и многотысячную толпу горожан на площади «Венеции». Над головами гремело одно-единственное слово, скандировавшееся опьяненными успехом фашистами: ду-че, ду-че... На балконе стоял ОН — человек, «ниспосланный провидением», мудрый вождь, который «всегда прав», гениальный полководец, вернувший былую славу и величие нации! Снисходительно взирая на захлебывавшиеся в неподдельном энтузиазме толпы, дуче уже мечтал о новых военных лаврах, захваченных землях и покоренных народах. Бедный Муссолини! Он наверняка рассмеялся бы в лицо тому сумасшедшему, который осмелился бы предположить, что всей его империи не суждено прожить и десятка лет, а нынешний триумф — это не начало победоносного шествия, а первый шаг на пути к неминуемой катастрофе. Такого «сумасшедшего» в тот момент рядом с ним не оказалось, но вскоре появился другой — могущественный маньяк, захвативший власть в Германии.

МЕЗАЛЬЯНС ДИКТАТОРОВ

Как это ни странно, но отношения между Гитлером и Муссолини, несмотря на, казалось бы, явное «родство душ», сходство идеологии и режимов, были далеко не «братскими», хотя по форме иногда выглядели таковыми. До сих пор в советской публицистике проскальзывают утверждения, будто они были чуть ли не «закадычными друзьями». Диктаторы не питали друг к другу не только дружеских чувств, поскольку были чужды дружбы как таковой, но даже сколько-нибудь искренней симпатии. Применительно к Муссолини это можно утверждать наверняка. Отношение Гитлера к дуче было несколько сложнее. Оно претерпевало эволюцию в соответствии с изменением положения малозаметного баварского шовиниста и его превращением в канцлера крупной европейской державы.

Есть все основания утверждать, что вплоть до назначения премьер-министром Муссолини почти ничего не знал ни о нацистском движении в Германии, ни о его лидере. Во всяком случае, когда в марте 1922 года он совершил краткий вояж в Берлин, где встречался с Виртом, Ратенау, Штреземаном и другими политическими деятелями, никаких контактов с гитлеровцами он не имел. Первыми начали искать такие контакты сами нацисты, ибо Муссолини был в то время уже достаточно крупной политической фигурой, а о Гитлере за пределами Баварии вообще мало кто слышал.

В те годы Гитлер часто выражал восхищение «неутомимой деятельностью дуче» и в сентябре 1922 года послал к нему своего эмиссара К. Людека. Муссолини любезно принял посланца, но в

ходе беседы дал понять, что на какую-либо материальную поддержку со стороны итальянских фашистов нацистам рассчитывать не приходится. Кроме того, он твердо заявил, что в Италии не существует «еврейской проблемы» и что вопрос об Альто-Адидже решен полностью и бесповоротно¹. Ни в этот раз, ни через год Людеку не удалось завоевать симпатий собеседника. Гитлер представлялся дуче незначительным, мелким имитатором фашистов. Поэтому неудивительно, что в ноябре 1923 года, когда в Мюнхене провалился организованный нацистами «пивной путч», итальянская пресса писала о нем как о «трагикомедии», и утверждала, что Гитлер вообще не способен стать политическим лидером (7). Будущий фюрер отправился за решетку и принялся сочинять «Майн кампф».

«Прохладное» отношение Муссолини к путчистам объяснялось его нежеланием портить официальные отношения с германским правительством, а также опасением выглядеть хотя бы косвенно причастным к их поражению. Впрочем, это не помешало ему предоставить временное убежище ближайшим сподвижникам Гитлера Франку и Герингу, сбежавшим в Италию от ареста. В 1924 году по примеру итальянских чернорубашечников нацисты оделись в «коричневую рубашку», а еще раньше заимствовали у них приветствие выбрасыванием вперед правой руки. Выйдя из тюрьмы, Гитлер жестко пресек италофобию среди некото-

---

¹ А л ь т о - А д и д ж е — граничащая с Австрией область на севере Италии (Южный Тироль), отчасти населенная немцами.

рых своих приверженцев и еще раз публично отказался от каких-либо территориальных претензий к Италии. Вопрос об Альто-Адидже не стоит разногласий, заявил он, делить нам нечего, но зато у нас есть общий враг — Франция. Однако все эти заявления пока не представляли для Муссолини большого интереса.

Источники не позволяют достоверно установить, когда были возобновлены неофициальные контакты нацистов с дуче. Известно лишь, что с 1928 года Гитлер пытался использовать для налаживания связи дипломатические каналы (43, 127). Он выражал настойчивое желание увидеться с Муссолини, но дуче не спешил ему навстречу. Он каждый раз давал принципиальное согласие, и каждый раз реализация этой идеи откладывалась на неопределенный срок. Дуче тянул время, пытаясь определить реальный политический вес нацистского движения и возможности его использования для раскола пангерманского фронта правых сил в вопросе об Альто-Адидже. Помня о первой мировой войне, он всерьез опасался реваншистских устремлений новоявленного деятеля, претендовавшего на установление германской гегемонии в Европе.

В сентябре 1930 года нацисты получили на парламентских выборах более 6 миллионов голосов, став второй по величине фракцией в рейхстаге. Их триумф был полной неожиданностью для Муссолини и его окружения. Требовался радикальный пересмотр позиций по отношению к Гитлеру. Его успех делал реальной перспективу победы национал-социализма в Германии. Именно в это время Муссолини стал все чаще поговаривать об «универсальности фашизма», предрекать будущее Европы, которая создаст новые институты «в соот-

ветствии с доктриной и практикой фашизма» (18, 283).

Качественно новая ситуация в Германии заставила дуче задуматься над тем, как воспользоваться ею ради собственной выгоды с наименьшими потерями? И Гитлера хотелось поддержать, и официальных отношений с Берлином не испортить. Кроме того, Муссолини поддерживал контакты с другими правыми силами в Германии, в первую очередь, с организацией «Стальной шлем», которая, как ему казалось, могла служить известным сдерживающим фактором для нацистов. Чрезмерная агрессивность и авантюризм Гитлера настораживали многих лиц из фашистской верхушки в Италии. Они считали фюрера «полезным, но опасным» деятелем и советовали Муссолини держать его в качестве резерва на таком расстоянии, которое позволило бы использовать нацистов в необходимый момент.

Между фашистской партией и национал-социалистами (НСДАП) были установлены полуофициальные отношения, возросло количество взаимных контактов и обмен информацией. В 1931—1932 годах Италию дважды посетил Геринг. Дуче в знак расположения послал Гитлеру свою фотографию — факт весьма примечательный, так как в 1926—1927 годах, несмотря на настойчивые просьбы, ему в этой «честь» было отказано.

Фюрер вновь и вновь добивался встречи с итальянским диктатором, но Муссолини все еще не решался на такой рискованный и обязывающий шаг. Из Рима приходило неизменное «да», но опять-таки с многочисленными оговорками о необходимости переноса встречи на более поздний срок. Судя по высказываниям дуче в кругу приближен-

ных, Гитлер в те годы по-прежнему оставался для него немного бесноватым, немного карикатурным выскочкой, написавшим «нечитабельную книгу «Майн кампф». Исполненный собственной значимости, дуче видел в Гитлере окруженного фанатиками мелкого политического деятеля, лишенного многих необходимых настоящему политику качеств и оказавшегося на «гребне волны» благодаря счастливому стечению обстоятельств. Единственное, что безусловно импонировало дуче, было восторженное, по крайней мере внешне, отношение фюрера к нему самому как к политическому наставнику. Муссолини умел неплохо разбираться в людях, но в этом случае он проявил удивительную близорукость.

Тем не менее в отношениях между германским нацизмом и итальянским фашизмом формировался новый климат. В письме, сопровождавшем фотографию фюрера, посланную в ответ на аналогичный подарок дуче, Гитлер распространялся о «духовной близости» между «фундаментальными канонами и принципами фашизма и нацизма». Став канцлером, он не раз подчеркивал роль Муссолини в создании «нового идейного и морального климата в Европе», благоприятствовавшего захвату гитлеровцами власти. В ночь перед нападением на Советский Союз Гитлер писал своему союзнику: «Не может быть и речи о том, что итальянские события не оказали влияния на нас. Возможно, без Черной Рубашки никогда не существовало бы и Коричневой. Поход на Рим в 1922 году был решающим поворотом в истории» (10, 11). В речах новоиспеченного канцлера звучало немало демагогических ноток, заимствованных им у Муссолини: призыв к народу высоко держать голову, воссоздать единую

великую Германию, отвоевать «достойное место под солнцем» и т. д.

Захватив власть, Гитлер хотел сразу установить дружественные отношения с Италией, надеясь избежать таким образом угрозы международной изоляции и порвать с прежней внешнеполитической ориентацией на Англию. Однако Муссолини колебался, не без оснований опасаясь его чрезмерного аппетита. Их встреча уже в который раз откладывалась, что вызывало у Гитлера и его ближайшего окружения все большее раздражение. В апреле 1933 года в Рим прибыли с официальным визитом Геринг и фон Папен, в мае Геббельс. Внешне все выглядело вполне благопристойно, но на деле эти визиты лишь укрепили чувство взаимного недоверия. Муссолини делал хорошую мину при плохой игре: он пытался скрыть это похолодание, дабы в глазах Англии и Франции по-прежнему оставаться «менеджером фюрера». Такое двусмысленное положение не могло продолжаться долго. Нужно было решаться на встречу, или рисковать действительным ухудшением отношений с гитлеровской Германией. Муссолини предпочел первое, понимая, что главные разногласия — по вопросу об Австрии — все равно останутся неурегулированными.

14 июня 1934 года ровно в 10 часов утра самолет фюрера приземлился на авиабазе Сан Николо ди Лидо близ Венеции. Гитлер был в штатском: черный пиджак, длинные брюки в полоску, лежащие гармошкой на темных ботинках, серая фетровая шляпа и перекинутый через руку желтый непромокаемый плащ. Общий вид — провинциальный чиновник второго разряда, окруженный плотным кольцом дюжих молчаливых эсэсовцев.

Муссолини являл собою полную противоположность фюреру: блестящий парадный мундир, феска, высокие сапоги со шпорами, инкрустированный кинжал на боку. Внешний контраст был разителен. Мелкий, тщедушный Гитлер, даже отдаленно не претендовавший на воспетого Ницше «сверхчеловека», сразу не понравился расфуфыренному дуче. Это неприязнь усилилась в ходе беседы, проходившей на вилле «Пизани ди Стра», где когда-то размещалась резиденция Наполеона. По словам очевидцев, дуче высунулся из окна комнаты, в которой шли переговоры, и сказал ожидавшим на улице иерархам: «Он сумасшедший, сумасшедший!» Его реакция была вызвана тем, что Гитлер превратил беседу в нескончаемый монолог: вместо того чтобы говорить о серьезных вещах, фюрер два часа кряду пересказывал дуче «Майн кампф».

Муссолини владел немецким языком, но не настолько хорошо, чтобы беседовать с Гитлером с глазу на глаз. Знаний дуче хватало лишь на понимание общего направления разговора и отдельные реплики для его поддержания. Он с умным видом поддакивал Гитлеру и лишь изредка прибегал к услугам переводчика. Муссолини любил блефовать в мелочах, хотя не раз попадал на этом впросак. Дело не только и не столько в том, что он был самоучка, а в том, что недоучки часто пытаются продемонстрировать «избыток» знаний и обнаруживают тем самым собственное невежество.

Ни о чем конкретном диктаторам договориться не удалось. Европа вздохнула с облегчением. Однако это затишье было временным. Муссолини остался раздражен итогами визита. Он сразу ощутил нескрываемый пангерманизм Гитлера, хотя вопрос о преобладающем влиянии в Австрии тщательно

обходился стороной. Альпийская республика даже не упоминалась в ходе беседы, так как была главным камнем преткновения.

Дуче всегда рассматривал Австрию как зону интересов и приоритетного влияния Италии. Он активно поддерживал развитие там фашистского движения, поставлял боевикам хеймвера¹ оружие и деньги. В 1932 году в Австрии установилась опиравшаяся на хеймвер клерикально-фашистская диктатура Дольфуса, снискавшего личное расположение Муссолини. С тех пор австрийский премьер по несколько раз в год приезжал в Италию и встречался с дуче, посвящал его в свои планы и просил поддержки.

В июле 1934 года, когда жена и двое детей Дольфуса в ожидании приезда отца гостили на вилле Муссолини в Риччоне, из Вены пришло известие о его убийстве нацистами, переодетыми в форму австрийских солдат. Муссолини страшно разгневался, поняв, что эта акция была осуществлена не без ведома и поддержки Берлина. Во время посещения детского лагеря в Остия он сказал сопровождавшему его австрийскому принцу Штархембергу: «Гитлер несет ответственность за все, что произошло. Пора покончить с этим ужасным сексуальным дегенератом, опасным типом». Дуче распорядился немедленно послать 4 дивизии в Бреннеро, продемонстрировав тем самым свою решимость не допустить присоединения Австрии к нацистской Герма-

---

¹ Хеймвер — одно из течений австрийского фашизма, в отличие от нацизма тесно связанное с католической церковью и выступавшее под лозунгом создания корпоративного государства по итальянскому образцу.

нии. Гитлер не считал нужным идти на обострение конфликта и публично отмежевался от организаторов путча. Его отступление выглядело почти как победа итальянского оружия. Во всяком случае, престиж Муссолини на международной арене вырос, а восторгам итальянской печати не было конца. «Кто такие нацисты? — вопрошала официальная «Пополо д'Италия». — Убийцы и педерасты». Отношения Германии и Италии резко ухудшились, но политическая интуиция подсказывала Муссолини, что на сей раз он поступил правильно.

Гитлер проглотил обиду и сделал вид, будто ничего не произошло. Он по-прежнему расточал похвалы и любезности дуче, а после введения Лигой Наций экономических санкций против Италии заявил о своей готовности помогать ей всем необходимым. Германия поставляла на Апеннины уголь и железную руду, промышленное оборудование и другие товары.

Сразу после захвата Эфиопии дуче встал в позу миролюбца. Он щедро раздавал интервью, уверяя, что «фашистская Италия хочет мира и сделает все от нее зависящее для его сохранения. Война в Европе была бы катастрофой». В очередной раз уличать Муссолини в лицемерии — дело не новое и безнадежное, так как говорить одно, а делать другое было для него столь же естественно, как пить кофе по утрам. Понятия «лицемерие» для дуче не существовало, а слова, противоречащие действиям, он считал нормой политической практики.

В апреле 1936 года, когда на очередном миролюбивом заявлении главы правительства еще подсыхала типографская краска, Муссолини поднялся на самолете на большую высоту, чтобы наблюдать

оттуда полет итальянских тяжелых бомбардировщиков. Власть налюбовавшись неуклюжими гигантами, он пришел к неожиданному выводу, что итальянские самолеты могут незамеченными долететь до Лондона. Через несколько дней Муссолини собрал у себя в кабинете 120 генералов и принялся обсуждать с ними планы войны на Западе.

Для войны необходимы как минимум две вещи: солдаты и оружие. По мнению дуче, с солдатами дело обстояло довольно просто, ибо, завоевав Эфиопию, они доказали, что являются «лучшими в мире» и вполне способны «вырвать Италию из средиземноморской тюрьмы». С оружием было похуже, но поправимо: 8 миллионов штыков насытят армию и превратят ее в непобедимую силу. В эпоху прогресса военной техники смешно было в прямом смысле слова вести речь о штыках, но в середине 30-х годов на вооружении итальянской армии все еще находились орудия и автомобили времен первой мировой войны, смехотворные колесные танки, броню которых можно было пробить из автомата, устаревшие модели боевых самолетов, едва умевших летать. Новые образцы военной техники исчислялись десятками, если не единицами. Противовоздушной и противотанковой артиллерии не было как таковой, а реальная сила десятка пехотных дивизий, по словам Чиано, не превышала ударной мощи одного механизированного полка.

Все это нимало не смущало дуче, опьяненного первой добычей. Правительство стало лихорадочно наращивать ассигнования на нужды вооруженных сил и провозгласило очередную «битву»; на сей раз за автаркию, то есть независимое, автономное существование в условиях военного времени. С

этой целью были сокращены закупки сырья за рубежом, расширена добыча полезных ископаемых, налаживалось производство синтетических заменителей. Однако и эта «битва» не увенчалась успехом: с трудом добытое сырье оказывалось дороже привозного, качество заменителей оставляло желать лучшего, а экономика страны приобретала однобокий, милитаризованный характер.

Но дуче не унимался. «Сегодня наш лозунг таков, — провозгласил он, — больше орудий, больше кораблей, больше самолетов. Любой ценой, каким угодно образом, даже если нам придется превратить в *tabula rasa* все то, что называется гражданской жизнью» (20, 187). «Чтобы быть прочным, мир должен быть вооруженным» — такова формула Муссолини. Ничего оригинального в ней нет, так как дуче лишь перефразировал известный догмат древних римлян, гласивший: «Если хочешь мира, готовься к войне».

Усиление военных приготовлений Италии встречало благосклонное понимание в Берлине. В июне 1936 года Гитлер лично катал Эдду Муссолини на катере по озерам и по обыкновению расточал похвалы отцу «очаровательной спутницы». За этим внешним проявлением симпатии скрывались глубокие мотивы сближения двух диктатур: идейное родство, ненависть к большевизму, амбиции большой политики, экспансионистские замыслы, потребности милитаризации экономики и многое другое. Эфиопская авантюра Муссолини побудила фюрера повнимательнее присмотреться к будущему партнеру с точки зрения оценки его реальных возможностей. В сентябре 1936 года он послал в Рим своего эмиссара Г. Франка с заданием прощупать почву для военно-политического сближения.

Муссолини не обманывался на этот счет. Он знал, что в германо-австрийском договоре, заключенном летом 1936 года, были секретные статьи, обеспечивавшие благоприятные условия для развития в Австрии нацизма. Тем не менее он любезно принял Франка, и обе стороны остались довольны состоявшейся беседой.

Через месяц 33-летний зять Муссолини Галеаццо Чиано, только что ставший министром иностранных дел, отправился с ответным визитом в Германию. 24 октября в Берхтесгадене он был приглашен на завтрак с фюрером. Чиано никогда не питал особой симпатии ни к Германии, ни к нацистам. Внутренне ликуя, но с видом глубокой озабоченности он продемонстрировал фюреру донесение английского посла в Берлине, копию которого итальянский посол Д. Гранди сумел раздобыть в Лондоне. Правительство нацистов было названо в нем «сборищем опасных авантюристов». Но вопреки ожиданиям Чиано письмо не испортило фюреру аппетит: его неприязнь к Англии была уже достаточно устойчивой.

В ходе визита Чиано был подписан секретный протокол, в котором отмечалась заинтересованность Италии и Германии в установлении нового статуса межгосударственных отношений в Европе и в пересмотре Локарнских соглашений, гарантировавших западную границу Германии. Протокол предусматривал приоритет итальянских интересов в Средиземноморье, выход Италии из Лиги Наций (Германия уже осуществила этот шаг), совместные мероприятия по борьбе с большевизмом. В официальном коммюнике для печати было отмечено намерение двух стран проводить согласованную политику в Европе. Нацистская Германия

первой официально признала итальянскую империю.

Муссолини приветствовал дипломатический успех своего зятя. Выступая на Соборной площади в Милане, он заявил о необходимости рассматривать «вертикаль Берлин — Рим» как некую «ось», вокруг которой должны строить свои отношения другие европейские государства. Но это заявление еще не означало окончательного выбора. Двери для дипломатического торга с англичанами оставались открытыми. Муссолини маневрировал и даже предпринимал попытки сближения с Великобританией. Более определенную позицию его заставили занять бурные события, развернувшиеся на Пиренейском полуострове. Германский посол в Риме фон Хассель (в будущем — один из участников заговора против Гитлера) писал в декабре 1936 года: «В отношениях Италии с Францией и Великобританией испанский конфликт может сыграть ту же роль, что и Абиссиния... Он заставит Италию сплотиться с Германией еще теснее» (47, 210). Опытный дипломат был прав: испанская авантюра режима Муссолини окончательно отделила его от западных демократий и подтолкнула в объятия нацистской Германии.

Дуче много лет поддерживал контакты с правыми силами в Испании. В марте 1934 года он полуофициально встречался с их представителями и пообещал в случае необходимости оказать материальную и военную поддержку (1,5 миллиона песет, 20 тысяч ружей, 20 тысяч гранат, 200 пулеметов). После победы на Пиренеях Народного фронта в феврале 1936 года Муссолини решительно поддержал генерала Франко. Он надеялся, что франкистская Испания будет представлять реаль-

ную угрозу для Франции, что, в свою очередь, облегчит нанесение удара по ней со стороны Италии. Дуче предоставил франкистам военные самолеты для переброски войск из Марокко в Испанию, и 18 июня 1936 года фашистский мятеж начался. В Испании разгорелась национально-революционная война.

В расчете на быструю победу Франко Муссолини снарядил и отправил на Пиренеи экспедиционный корпус «добровольцев», численность которого к началу 1937 года достигла 45 тысяч человек. Как вспоминает один из этих «волонтеров», перед отправкой на фронт его часть построили на плацу и спросили: кто не хочет ехать? Никто не решился сделать шаг вперед, и таким образом все оказались «добровольцами».

Пропаганда внутри страны изображала интервенцию как «справедливое дело», продолжающее «фашистскую революцию», но этому мало кто верил. О происходящих в Испании событиях можно было составить представление не только по официальным сообщениям, но и из республиканских радиопередач для Италии, передававшихся несколькими станциями из Мадрида, Барселоны и Валенсии. Зрелище прибывавших из Испании гробов заставляло задуматься над тем, куда действительно ведет страну фашизм и чем это может кончиться. Ведь воевать пришлось не только против испанских республиканцев, но и против своих же соотечественников-антифашистов, входивших в интернациональные бригады. Более 3 тысяч приехавших в Испанию итальянцев сражались в бригаде имени Гарибальди. В марте 1937 года именно эта бригада сыграла решающую роль в сокрушительном разгроме фашистского экспедиционного

корпуса под Гвадалахарой. 30 тысяч убитых и раненых, 70 орудий, 250 танков, вся противоздушная артиллерия — такова была цена провалившегося наступления на Мадрид. Чтобы избежать полного поражения, командование корпуса было вынуждено обратиться за помощью к генералу Франко.

Муссолини был вне себя от ярости. Он воспринял это поражение как личную неудачу. Оно не только не отрезвило, но, напротив, лишь подхлестнуло его. Пренебрегая советами командующего отозвать войска, дуче отправил на Пиренеи дополнительные воинские части, отдал приказ расстреливать попадавших в плен антифашистов («мертвые не рассказывают историю» — так объяснил он свое решение), распорядился блокировать с моря испанские порты. Итальянские субмарины начали торпедировать советские и английские суда, авиация усилила бомбовые удары по Барселоне. Муссолини еще больше уверовал в универсальность насилия и «необходимость войны для воспитания нации». «Когда испанская война закончится, — откровенничал он в кругу близких, — мне придется отыскать что-нибудь другое: характер итальянцев должен формироваться в постоянной борьбе».

Ничего «другого» специально искать не пришлось: ОВРА была загружена «работой» с антифашистами, заметно активизировавшими свою деятельность. Тут и там вспыхивали манифестации в защиту республиканской Испании, распространялись листовки о реальном положении дел на фронтах, из уст в уста передавались сведения, услышанные по иностранному радио. По городам Северной Италии прокатилась волна арестов и судов, по приказу Муссолини возродились карательные

экспедиции сквадристов. В июне 1937 года во Франции руками кагуляров были зверски убиты братья Карло и Нелло Росселли, возглавлявшие антифашистское движение «Справедливость и свобода». Вдохновили это злодейство лично Муссолини и его зять, воспользовавшиеся каналами итальянской военной разведки. Но силовые меры уже не могли восстановить пошатнувшийся авторитет вождя — испанская авантюра нанесла ему сильный удар.

Помогал Франко и Гитлер. Пользуясь попустительством Англии и Франции, провозгласивших политику «невмешательства», он послал на Пиренеи ограниченный контингент сухопутных войск и несколько партий оружия, но эта помощь была много меньше итальянской. Тем самым фюрер хотел еще раз подчеркнуть, что Средиземноморье является зоной итальянских интересов, и Германия не намерена усиливать там свое присутствие. Дуче это вполне устраивало, но обеспечить «итальянские интересы» он в итоге так и не сумел: после завершения войны Франко настоял не только на выводе всех итальянских войск, но и на ликвидации военно-морской базы на Балеарских островах.

Германо-итальянские отношения заметно потеплели, но стороны по-прежнему с известной долей подозрительности следили за дипломатической активностью друг друга. Окончательный выбор в пользу Германии Муссолини сделал лишь в сентябре 1937 года в ходе своего визита в рейх. Гитлер в полной мере взял реванш за неблагоприятное впечатление, оставленное им у дуче после встречи в Венеции. Он устроил Муссолини такой прием, который по пышности и торжественности аналогов до сих пор не имел.

На границе дуче встретила целая дюжина нацистских министров и генералов, составивших его свиту по дороге до Мюнхена, куда уже прибыл Гитлер. На сей раз он предусмотрительно облачился в военную форму нацистской партии: коричневую рубашку и заправленные в сапоги черные галифе. Фюрер встретил дуче на вокзале, и сразу же на площади Кенигсплатц диктаторы приняли парад войск СС. Затем в открытой машине они проехали по улицам города: бесконечные шеренги солдат вермахта с непроницаемыми лицами образовывали коридор для автомобилей в многотысячной толпе вопивших от восторга нацистов. В ходе первой же беседы Муссолини торжественно преподнес Гитлеру знаки отличия «почетного капрала фашистской милиции» — такое же звание имел он сам. Фюрер, ефрейтор первой мировой войны, сделал вид, что польщен этим даром.

Пять дней визита представляли собой нескончаемую вереницу эффектных зрелищ: Муссолини увидел мощные артиллерийские заводы в Гессене, внушительные цейхгаузы в Потсдаме, маневры отлично экипированных войск в районе Мекленбурга, стрельбу дальнобойной артиллерии на Балтике. Он был ошарашен и восхищен отлаженной военной машиной Германии. Только теперь дуче понял, что «мелкий подражатель» его идей стал настоящим лидером, управлявшим могучей державой. Зависть к Гитлеру смешалась с потаенным страхом перед ним.

Фюрер лез из кожи вон, чтобы угодить Муссолини. В его комнате всегда были свежие цветы, поезда делали специальные остановки для отдыха, говорят, фюрер заботился даже о мягких подушках, которые так любил Муссолини. В Берлин

диктаторы ехали на двух поездах, шедших параллельно с одинаковой скоростью. Вдоль всего полотна частоколом стояли часовые. Кульминацией спектакля был митинг на олимпийском стадионе в Берлине, на котором присутствовало около миллиона человек. Такого скопища людей Муссолини видеть еще не приходилось. Толпа приветствовала диктаторов «римским салютом» и пением фашистского гимна «Дживинецца». Дуче и фюрер обменялись речами, в которых говорили об общности целей фашизма и нацизма, об «общих врагах», об «исторической необходимости» союза Италии и Германии. Правда, впечатление от зрелища было подпорчено непогодой: шел дождь, микрофоны работали плохо, разобрать речь Муссолини было довольно трудно, и ее мало кто понял. Однако это не помешало дуче в тот же вечер позвонить Кларе Петаччи и возбужденно сообщить, что «успех был колоссальным!».

Гитлер добился поставленной цели, его шокотерапия дала блестящий эффект. Из поездки по Германии Муссолини вынес впечатление, что она лучше кого бы то ни было подготовлена к войне, что именно Гитлер в скором времени станет вершителем судеб Европы, что с ним лучше сотрудничать, чем враждовать. Тем более, что основа для сближения действительно была: оба люто ненавидели большевизм и провозглашали свою готовность бороться с ним. В ноябре 1937 года Италия официально присоединилась к антикоминтерновскому пакту, заключенному между Германией и Японией, а в декабре вышла из Лиги Наций. Так оформился треугольник Берлин—Рим—Токио, ставший главным источником военной опасности.

В ходе многочисленных бесед Гитлер и Муссолини старались не упоминать об Австрии, так как тема была слишком щекотливой. Фюрер уже имел готовый план ее захвата, а Муссолини, догадывавшийся об этом, боялся узнать наверняка. Однако избежать весьма нелепого положения ему все же не удалось.

Вскоре после его возвращения в Рим прибыл новый министр иностранных дел Германии фон Риббентроп. Личные отношения со своим итальянским коллегой у него сразу не сложились. Амбициозный, поверхностный, лоснящийся жуир Чиано и холодный, изысканный, расчетливый циник Риббентроп не могли не ненавидеть друг друга. Взаимная неприязнь однако не помешала им найти общий язык в политическом диалоге. Главной темой бесед было намерение Гитлера присоединить Австрию к Германии под предлогом защиты прав ущемленного немецкого населения. Муссолини понял, что на сей раз условия игры диктует фюрер, и вынужденно отступил. «Мне надоело стоять на страже независимости Австрии», — сказал он Риббентропу. Взамен дуче просил лишь об одном: не предпринимать решительных действий без предварительных консультаций с ним. Но даже эту унижительную просьбу Гитлер не счел нужным удовлетворить.

Из дипломатических источников в Вене дуче узнал о неофициальной встрече Гитлера и австрийского премьер-министра Шушнига в Берхтесгадене в феврале 1938 года, на которой фюрер фактически предъявил Австрии ультиматум. Муссолини разозлился не столько из-за самой встречи, сколько из-за того, что он остался в стороне. О концентрации германских войск на границе с Австрией он

также узнал постфактум, и лишь вечером 11 марта 1938 года, когда солдаты вермахта уже маршировали по австрийской земле, он получил письмо от Гитлера, привезенное принцем Филиппо д'Ассиа¹.

В нем говорилось, что изменить ход событий уже невозможно и что вторжение есть вынужденная мера по защите национальной безопасности Германии. «Италия абсолютно спокойно следит за развитием событий», — промямлил в ответ униженный дуче и спешно убрался на свою виллу, предупредив, чтобы его ни с кем не соединяли по телефону. В тот же вечер принц Филиппо передал ответ Муссолини фюреру, чем привел его в неописуемый восторг. Зная темпераментный характер Муссолини, Гитлер все же опасался непредвиденной реакции с его стороны, а когда все было кончено, послал ему лаконичную телеграмму: «Муссолини! Я этого никогда не забуду!» В эйфории от столь легкой победы Гитлер в те дни неоднократно повторял, что никогда, ни при каких обстоятельствах, что бы ни случилось и чего бы ему это ни стоило не оставит Муссолини в беде. В 1943 году он сдержал слово.

Отступничество дуче от Австрии привело к резкому падению его популярности в стране и за рубежом. В средствах массовой информации сообщение об аншлюсе прошло без всяких комментариев. Муссолини просто не знал, как выкрутиться из унижительного положения. В ряде университетских

---

¹ Принц Филиппо д'Ассиа — германский офицер, внук кайзера Вильгельма, женившийся в 1925 году на дочери итальянского короля Виктора-Эммануила III принцессе Мафальде. Гитлер неоднократно использовал его в качестве личного курьера к Муссолини.

городов даже состоялись демонстрации протеста воинственно настроенной молодежи. А затем официальная пресса начала дружно хвалить фюрера, наконец-то объединившего две страны, которые, дескать, давно этого хотели. Дуче нужно было хоть как-то оправдаться перед итальянцами и всем миром, хорошо помнившим его многочисленные выступления трехлетней давности, в которых он грозно заявлял, что защита Австрии — дело чести итальянского государства. Теперь же, выступая в парламенте 16 марта, он выдал прямо противоположное. Оказывается, «мы никогда не брали на себя обязательство подобного рода, ни прямо, ни косвенно, ни устно, ни в письменном виде», и если уж событие становится «фатально неизбежным, то лучше, если оно происходит с вашим участием, чем без вас, или еще хуже, против вас». Таким образом, Муссолини, еще не успев стать партнером, превращался в вассала Гитлера. На севере Италия непосредственно соприкоснулась с грозным соседом, что большинством итальянцев было воспринято с явной опаской. Устойчивое влияние Италии в центральной части Европы, опиравшееся на дипломатический треугольник Вена—Будапешт—Белград, было основательно подорвано. Дуче «проглотил» свою первую крупную внешнеполитическую неудачу, затаив на фюрера глухую обиду.

В начале мая 1938 года Гитлер нанес ответный визит на Апеннины. Бывшего австрийского ефрейтора, прибывшего на четырех специальных поездах, без энтузиазма встречал Виктор-Эммануил III со своей многочисленной свитой. Королю удалось настоять на монархическом протоколе встречи, в соответствии с которым главе правительства отво-

дидась вторая роль. Гитлер был этим неприятно удивлен. В чинной, старомодной атмосфере «Квиринала» он чувствовал себя не в своей тарелке, искал глазами дуче и обращался к нему с вопросами. В кругу приближенных он все время ворчал и даже насмеялся над королем. Виктор-Эммануил платил ему той же монетой, называя за глаза «физическим дегенератом с привычками плебея». Неважная атмосфера первых дней визита усугубилась демонстративным отъездом папы Пия XII в свою загородную резиденцию «Кастель Гандольфо» и его распоряжением закрыть для посещения ватиканские музеи.

После официальной церемонии встречи уязвленный Муссолини отказался сопровождать Гитлера и короля в поездке по городу и под надуманным предлогом убрался в свой кабинет «Маппамондо». И все же ему пришлось смирить гордыню, чтобы добиться главного: не ударить лицом в грязь и показать фюреру, что фашистская Италия не менее агрессивна и сильна, чем нацистская Германия. Все станции по пути следования гитлеровского эшелона от Бренnero до Неаполя были украшены живыми цветами, на центральных улицах Рима и Флоренции было увеличено освещение и обновлены фасады домов, приветственные транспаранты, свастика и огромные, видные издали портреты диктаторов повсюду создавали обстановку подъема и торжественности. Гитлер посещал казармы и художественные галереи, присутствовал на маневрах и принимал парады войск, восхищался природной экзотикой и бравым видом итальянских матросов. Однако от его цепкого взгляда не укрылось и то, что на военных судах в Неаполе команды кричали: «Да здравствует король!», а свита королевы

во время парадов делала реверансы армейским штандартам и «не замечала» флагов фашистской милиции. В Италии воинские части присягали на верность королю, а не дуче, объясняли фюреру сопровождавшие, но это показалось Гитлеру странным и малоубедительным.

И все же он остался доволен итогами визита и, прощаясь с дуче на перроне вокзала во Флоренции, чуть ли не со слезами умиления на глазах заявил: «Теперь никакая сила не сможет разъединить нас». Именно в этом, в укреплении связи Италии с нацистской Германией, фюрер видел успех своей миссии. Вряд ли он обманывался насчет итальянской военной мощи, но в готовившейся схватке за новый передел мира рейху были крайне необходимы союзники. После визита Гитлера контакты между двумя странами резко увеличились. Обмен многочисленными военными, партийными, молодежными и прочими делегациями должен был отразить этот новый уровень сотрудничества, возросшую близость и нерушимость единства двух режимов.

Что же касается личных отношений Муссолини и Гитлера, то в них мало что изменилось. Судя по дневниковым заметкам Чиано, дуче не испытывал к фюреру ни капли симпатии, а только страх и черную зависть. Эти чувства питала не столько личность Гитлера, сколько те возможности, которыми он располагал. Муссолини прекрасно понимал, что ему в Италии не удастся ни создать военно-промышленную мощь, подобную германской, ни воспитать железную дисциплину нации. В этом он усматривал явную историческую несправедливость: ему, пророку фашистской религии, была уготована участь младшего партнера несостоявшегося живо-

писца! Чувство абсолютного духовного и умственного превосходства над Гитлером давно и прочно укоренилось в дуче. И с каждым годом это чувство все больше и больше вступало в противоречие с усилением его зависимости от воли фюрера, с той подчиненной ролью, которая ему выпала в альянсе диктаторов. До конца своих дней Муссолини так и не смог с этим смириться.

Курс на сближение с нацистской Германией повлек за собой малоприятные последствия внутри страны. Увидев столь желанный «порядок и дисциплину», Муссолини решил позаимствовать кое-что у своего партнера и «пруссифицировать» некоторые порядки в Италии. Все гражданские чиновники были облачены в специальную униформу со знаками отличия, соответствовавшими их званиям наподобие военных. Для «подъема общественного сознания юных граждан» в школьные программы в качестве обязательного предмета включался физический труд. В феврале 1938 года вопреки возражениям короля и генералитета в армии был введен парадный «пруссский шаг» под названием «римского шага». Солдаты поначалу лишь посмеивались, но, когда началась бессмысленная муштра, стали проклипать нововведение и поругивать дуче.

Виктор-Эммануил, сохранявший за собой пост главнокомандующего, очень ревниво относился к армии, не без оснований считая ее одной из опор королевской власти. Многие офицеры среднего и высшего звена были убежденными монархистами, не испытывавшими симпатий к «фашистским выскочкам». Поэтому решение парламента об учреждении высшего воинского звания первого маршала империи, присваивавшегося дуче и королю, породило в их среде глухой ропот. Сам Виктор-Эмма-

нуил был в ярости по этому поводу. Его оскорбило не только нововведение дуче, не соизволившего даже спросить мнение монарха, но и само решение, ставившее их как бы на один уровень. «Это смертельный удар по прерогативам короны», — горестно резюмировал Щелкунчик.

Виктор-Эммануил III лишь формально являлся главой государства. Робкий и нерешительный, он редко настаивал на своем мнении, а чаще просто его не имел. Зато его неприязнь к Муссолини была устойчивой и глубокой. Король помнил о революционном прошлом диктатора, презирал его за плебейское происхождение и привычки, боялся и ненавидел своего «покорного слугу» за ту силу, которой он располагал.

Муссолини ощущал внутренний негативный настрой монарха, но не придавал этому серьезного значения. В кругу семьи он не раз бахвалился тем, что с «Савойской династией можно покончить одним ударом». 30 марта 1938 года, выступая в парламенте по поводу присвоения пресловутого звания первого маршала империи, дуче произнес одну из своих самых воинственных речей, закончив ее словами: «В будущей войне будет лишь один руководитель — тот, кто сейчас обращается к вам». Тем самым дуче рассеивал последние иллюзии относительно своих намерений и наносил еще одно оскорбление королю. Однако его бахвальство не имело достаточных оснований. Муссолини недооценивал привязанности к институту монархии довольно широких слоев населения, видевших в короле символ единства государства и нации. Отсутствие видимых противоречий между короной и режимом обеспечивало Муссолини поддержку монархически настроенной части итальянцев.

Курс на сближение с Германией повлек за собой и более тяжелые, нежели введение «римского шага», последствия — законодательное оформление и насаждение антисемитизма. В молодости Муссолини не страдал этим «недугом». Первые семена антисемитизма мог посеять в его сознании Ницше, но в те годы они не дали обильных всходов. Долгой и устойчивой была его любовная связь с Маргаритой Сарфатти, среди министров фашистского правительства были А. Финци и Г. Янг, дантистом диктатора был доктор Пиперно. Еврейская национальность этих людей не имела для Муссолини никакого значения. И хотя в отдельных, редких высказываниях дуче проскальзывали нотки антисемитизма (банкиров Лондона и Нью-Йорка обвинял в сионизме, а большевизм называл «мстостью иудеев христианам»), этот мотив не был доминирующим. Более того, в беседе с Людвигом дуче заявил: «Естественно, никаких чистых рас, в том числе еврейской, не существует. Напротив, именно удачные смешения придают силу и красоту нации... В Италии нет антисемитизма». У Гитлера были основания заявить итальянскому послу в Берлине, что единственное, чего он не может принять, — это «линии дуче в еврейском вопросе».

И Муссолини начал постепенно менять свою линию. В 1937 году он вдруг поведал Чиано, что США находятся в руках негров и евреев, а Риббентропа пытался уверить в том, что итальянские фашисты разворачивают антисемитскую кампанию, хотя на деле этого пока еще не было. Позже Муссолини говорил, что итальянские расовые законы были гораздо хуже на бумаге, чем на практике, но это замечание верно лишь в сравнении с Германией. Когда в 1943 году нацисты оккупировали Се-

верную и Центральную Италию и восстановили власть дуче, итальянские фашисты отправили 8 тысяч евреев в гитлеровские концлагеря, где их ждали газовые камеры и печи.

Каких-либо поводов для начала антисемитской кампании в Италии не было. Но был привнесенный извне общий курс, провозглашенный в «Расовом манифесте» в июле 1938 года. Как выяснилось впоследствии, значительная часть манифеста, подписанного «группой фашистских ученых», была составлена лично Муссолини. С немалым удивлением итальянцы вдруг узнали, что в большинстве своем принадлежат к «арийской расе» и что существует «чистая итальянская раса», которую следует всячески оберегать от смешения с другими. Осенью 1938 года парламент одобрил целую серию антисемитских законов, запрещавших евреям занимать должности в государственных и научных учреждениях, преподавать в школах и университетах, служить в армии, вступать в браки с итальянцами. Существенно ограничивалось их право владеть недвижимостью, детям следовало обучаться в отдельных классах или школах. В Италии проживало в те годы около 50 тысяч евреев. По официальной статистике примерно каждый четвертый из них был подвергнут репрессиям.

Антисемитизм никогда не имел корней в массовом сознании итальянцев, он был абсолютно чужд их национальной традиции. Поэтому расовые законы не только не пользовались поддержкой масс, но рождали чувство неприязни к режиму, усиливавшееся одновременным разгулом антисемитской кампании в Германии. Именно в это время за блеском внешней мишуры «триумфальных побед» и мнимого величия начали проступать едва заметные

трещины в, казалось бы, монолитном фундаменте диктатуры. Они обнаружались в изменении умонастроений многих итальянцев, в росте их недовольства политикой фашизма.

По мере сближения с гитлеровской Германией акции режима и лично дуче внутри страны обесценивались все больше. Положение младшего партнера «третьего рейха», которое трудно было замаскировать разговорами о «дружбе и взаимовыручке», не только сокрушало мифологему о «Великой Италии», но уязвляло национальное самолюбие итальянцев. Обещанный «социальный рай» почему-то не наступал, а сам режим приобретал законченный тоталитарный характер. В январе 1939 года была распущена палата депутатов парламента, а взамен учреждена «Палата фаши и корпораций». В нее входили назначавшиеся Муссолини члены руководства фашистской партии и Национального совета корпораций. Места в парламенте сохранялись за ними лишь до тех пор, пока они занимали свои должности. Король имел право назначать сенаторов, поэтому парламент даже формально перестал быть выборным органом. Осталось лишь одно название.

Довольно зримым проявлением роста оппозиционных настроений было появление так называемого «университетского фашистского ревизионизма» — своеобразной фронды студенческой молодежи, поверившей в «революционные лозунги» Муссолини. Когда стали улетучиваться надежды на построение «новой общности труда» через систему корпораций, среди молодежи утвердилось мнение, что фашизм уже не способен «обновляться», что он утратил свое «поступательное движение». Вдохновляемые идеями Боттаи о революционной роли

нового поколения, они требовали критического анализа прошлого и настоящего фашизма, призывали к отказу от догматизма, грозившего «старением и упадком». Даже видя несоответствие слов и дел фашизма, эта молодежь еще верила в провозглашенные им лозунги, так как боялась потерять веру, с которой она выросла и жила.

Университетская фронда поначалу была лишь попыткой преобразовать фашизм изнутри. Она представляла собой критику режима Муссолини с позиций неких изначальных принципов фашизма. Именно режиму был брошен упрек в том, что он «перестал быть фашистским». Диссидентская молодежь стремилась к «очищению фашизма» (от коррупции, карьеризма и т. д.) и возврату к его «революционным истокам». Подвергая резкой критике те или иные установки режима, авторы, как правило, делали вывод о том, что преодолеть имеющиеся трудности может только фашизм «в своем непрерывном движении вперед». Но по мере обострения кризисных явлений в молодежной печати все труднее становилось провести четкую грань между фашистским ревизионизмом и зарождавшимся антифашизмом, как, впрочем, и Италию тех лет нельзя просто делить на два лагеря: конформистская часть итальянцев не принадлежала ни к одному из них.

Режим весьма осторожно прибегал к политике репрессий в отношении этой категории молодежи, демонстративно объяснял себя сторонником ревизии фашизма, стремился направлять в рамки контролируемой, а то и провоцируемой фронды оппозиционные тенденции, которые в ином случае могли бы найти более опасные формы проявления.

Отсюда — та иллюзия свободы, которой пользовались молодежные издания.

Когда же критика выходила за дозволенные рамки, когда затрагивались «недискуссионные вопросы» или предлагалось от слов перейти к делу, когда ставились под сомнение интересы фашистской олигархии, следовало немедленное вмешательство властей, закрытие газеты, изменение темы, а молодые фронтеры подвергались дисциплинарным наказаниям или краткосрочной высылке.

Наметившийся разрыв с режимом выразился также в явлениях массового порядка: жидкие аплодисменты одиночек вместо бурных рукоплесканий толпы во время официальных церемоний, отказ от участия в уличных шествиях, массовое игнорирование фашистских сборищ, полное исчезновение ритуала «фашистских свадеб» — все это сочеталось с мелкими проявлениями антинацистских чувств (карикатуры на фюрера, срыв гитлеровских флажков с немецких автомобилей и т. д.). Убогими и нелепыми становились некогда многолюдные и пышные фашистские торжества, в том числе посвященные празднованию годовщин «фашистской революции». Былую привлекательность потеряли даже бесплатные обеды, которые устраивались по этому поводу во многих городах. В ноябре 1938 года в Турине на такой обед из 300 приглашенных явилось менее 50 человек, а на вечернюю манифестацию молодых фашистов, которая должна была символизировать преемственность поколений, явилось всего три человека. Судя по материалам Особого трибунала, заметно возросло число актов индивидуального протеста.

Итальянцы отворачивались от режима Муссолини не только по политическим, социальным,

нравственным, но и морально-правовым мотивам. Ликвидация демократических свобод, преследование инакомыслящих, тирания и несправедливость — все это порождало моральный протест, запечатленный современниками. Толчком к формированию антифашистского сознания нередко становился случай: истошные вопли на митинге какого-нибудь фашистского божка, вызывающе-отталкивающее поведение лиц из фашистской иерархии, их хамство и вседозволенность, очевидная несправедливость или грубость. Но реальный выход этот протест находил далеко не всегда, так как ничто пока не предвещало крушения режима. Моральное неприятие рождало лишь надежды на возникновение каких-то экстраординарных обстоятельств: смерть Муссолини, разлад внутри фашистской партии, неудачная война и т. п. Безысходность приводила к апатии и подавленности у тех, кто уже ненавидел фашизм, ибо они понимали свою беспомощность, а связи с организованным антифашизмом не имели.

Однако моральное неприятие уже не удовлетворяло многих, и во второй половине 30-х годов Италия покрылась сетью организаций рабочей и студенческой молодежи, ставшей на антифашистские позиции. Этот факт отражает реальный сдвиг в массовом сознании тех, кто вырос в условиях фашистского режима. В детстве многие юные итальянцы воспринимали фашизм таким, каким его им показывали. Но постепенно в их поле зрения начинали попадать явления и факты, не соответствовавшие заложенным в школе и юношеских организациях представлениям. Поначалу это могло вызвать лишь недоумение, но нарастание противоречий заставляло задумываться над тем, что рань-

ше казалось естественным. Когда эти молодые люди убеждались, что под прикрытием ханжества и лицемерия желаемое преподносилось им как действительное, что их насильно заставляли верить в обман, они постепенно переходили в оппозицию, а каждое новое мероприятие режима рассматривалось ими уже совершенно с иных позиций. Тут начинал действовать принцип обратного пропагандистского эффекта, когда пошлая и лживая пропаганда фашизма усиливала ненависть к режиму Муссолини и таким образом подрывала его же устои. После подобного прозрения вернуть молодого человека в лоно прежней «веры» было уже невозможно.

Подобные процессы развивались и в других социально-демографических группах, ибо расхождение слов и дел фашизма было видно каждому, кто хотел это видеть. Во второй половине 30-х годов социально-экономическое положение значительной части трудящихся было достаточно стабильным и не вызывало массового недовольства. Его источником были результаты внешнеполитических авантюр, а также разрыв между обещаниями фашизма, рожденными на их основе надеждами и реальными итогами. На уровне обыденного сознания именно это несоответствие преломлялось в растущее недовольство политикой режима.

Осенью 1938 года политические акции дуче вновь на короткий срок поднялись в цене. Ему удалось предстать в ореоле миротворца и вершителя судеб Европы. В те тревожные сентябрьские дни опасность возгорания новой мировой войны была действительно реальной. Гитлер приступил к реализации так называемого «Зеленого плана», предусматривавшего расчленение Чехословакии и

захват принадлежащей ей судетской области, населенной немецким меньшинством. Ультиматум гитлеровцев, срок действия которого истекал в 14.00 28 октября, подкреплялся концентрацией войск вермахта на границе с Чехословакией. Но главная ставка была сделана на уступчивость правящих кругов Англии и Франции, заинтересованных в «умиротворении» агрессора и направлении его захватнических устремлений на Восток. В беседе с итальянским послом в Лондоне британский премьер-министр Чемберлен весьма откровенно высказывался на этот счет, и Муссолини было известно содержание их разговора.

Расчеты Гитлера полностью оправдались. 28 сентября в 10.00 английский посол в Риме лорд Перт прибыл к Чиано. Он передал просьбу британского премьера о вмешательстве Муссолини в «судетский кризис» с целью спасения мира. Чиано не пришлось уговаривать тестя, который уже давно искал подходящий предлог, чтобы сменить позицию наблюдателя на роль активного действующего лица в событиях мирового масштаба. Он немедленно позвонил итальянскому послу в Германии Аттолико. Вот запись их телефонного разговора: «Передайте фюреру, — распорядился дуче, — что британское правительство просило меня посредничать в судетском вопросе. Разногласия минимальные... Конечно, он будет решать сам, но скажите ему, что я за то, чтобы принять предложение англичан». Аттолико помчался в резиденцию канцлера и быстро получил его согласие на проведение четырехсторонней встречи в верхах. Вечером того же дня послу вручили разработанный в ведомстве Риббентропа «план М», содержащий перечень германских претензий к Чехословакии. Он был

немедленно продиктован в Рим по телефону и за несколько минут до отправления поезда Муссолини в Мюнхен вручен главе правительства.

Встреча Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье началась вечером 29 сентября. По настоянию дуче представители Чехословакии не были допущены за стол переговоров. Его экзальтация достигла предела. Все выглядело так, будто именно он руководил работой конференции. Сформулированные немцами требования Муссолини выложил на стол в качестве собственного проекта рабочего документа. Председательствуя на переговорах, он пытался объясняться с каждым из участников на их родном языке, и хотя ему это не всегда удавалось, известный эффект был достигнут. Матерый политик Чемберлен с едва заметной усмешкой наблюдал экспрессивную мимику лица Муссолини, живость его взгляда, уверенность жестов — все говорило о том, что именно он осуществляет верховный арбитраж, спасает мир, творит историю. Даже такие опытные дипломаты, как французский посол в Италии А. Франсуа-Понсе, были введены в заблуждение этим спектаклем. В своем дневнике он писал: «Во время заседаний Мюнхенской конференции я был поражен влиянием, которое оказывал Муссолини на своего партнера... Гитлер не сводил с Муссолини глаз. Он взирал на него с почтительным восхищением... Я заключил из этого, что Муссолини был единственным, кто может удерживать Гитлера на грани войны, и, следовательно, ключи от мира находятся не в Берлине, а в Риме» (81, 102).

Довольно наивно было искать «ключи от мира» в столицах фашистских государств. «Мюнхенская сделка» осуществилась по сценарию нацистов и

была оформлена без всякого протокола и дипломатического камуфляжа¹. Без единого выстрела Германия получила часть территории Чехословакии и ряд преимуществ военно-экономического характера. Захват судетской области убедил Гитлера в полной безнаказанности наглого авантюризма и подтолкнул его к дальнейшей агрессии. Мир не был спасен. Напротив, война в Европе становилась неизбежной.

Шумный дипломатический успех Муссолини оказался очередным блефом, созданным под диктовку фюрера. Опьяненный своим триумфом, дуче не понимал, что «великая поступь» римского диктатора все больше превращается в мелкий, семенящий шаг в тени тщедушного австрийца. Как должное воспринял он и приветствие короля, внезапно прервавшего свой отдых и появившегося на вокзале во Флоренции, и бурные рукоплескания фашистов на запруженной ими улице Национале в Риме, и крики о его величии в Болонье и других городах, где останавливался поезд.

Однако эйфория прошла столь же быстро, как и появилась. Костюм «спасителя Европы» был Муссолини явно тесноват. В октябре 1938 года в Рим прибыл Риббентроп и предложил заключить военный союз. Но дуче еще не был готов к такому шагу, поскольку не имел ясного представления о ближайших намерениях Гитлера. Не отвергая идею союза как таковую, он пожелал уточнить его цели. «Мы не должны заключить чисто оборонительный союз, — рассуждал дуче, — в этом нет необходи-

---

¹ По иронии судьбы и недосмотру технического персонала встречи в момент подписания документов на столе не оказалось чернил.

мости, ибо никто не думает нападать на тоталитарные государства. Мы должны заключить союз для того, чтобы изменить географическую карту мира. Для этого нужно наметить цели и объекты завоеваний. Что касается нас, то мы уже знаем, куда должны двигаться». Вряд ли дуче знал наверняка, куда он «двинется» в ближайшее время, но традиционными направлениями экспансии итальянского империализма оставались Северная Африка и Албания. Подтверждение тому не заставило себя долго ждать.

В ноябре 1938 года после двухлетнего перерыва в Италию был назначен новый французский посол А. Франсуа-Понсе. Фактически это означало признание Францией захвата Эфиопии и провозглашения империи. Но буквально на следующий же день в парламенте было инсценировано шовинистическое выступление группы фашистских депутатов, кричавших о «естественных правах итальянского народа» на французский Тунис, Джибути и Корсику. Оголтелая антифранцузская кампания началась в печати. Франсуа-Понсе, прибывший в Рим с надеждой на улучшение франко-итальянских отношений, с глубоким разочарованием отмечал в одном из писем: «В Германии мне приходилось иметь дело с настоящими синьорами, здесь же, напротив, с лакеями, ставшими господами». Узнав об этом письме, Муссолини рассвирепел и вопреки протоколу отказался дать аудиенцию послу.

В разгар антифранцузской кампании в Рим с официальным визитом прибыли Чемберлен и Галифакс. Они дружно улыбались, рассыпались в любезностях, уверяли, что не сомневаются в благих намерениях дуче и признают исключительную роль «оси» в общеевропейских делах. Италия и

Великобритания провозгласили свое стремление сохранить дружественные отношения, но эта декларация равным счетом ничего не стоила. Серьезной компенсации за отказ Италии от ориентации на Германию англичане предложить не могли. Поэтому для Муссолини заигрывание с ними было лишь мелким козырем в дипломатическом торге с Берлином. После встречи с англичанами он говорил Чиано: «Эти люди сделаны уже совсем не из того теста, что Фрэнсис Дрейк... Уставшие дети целой цепочки богатых поколений, империю они потеряют».

Вроде бы Муссолини должен был быть доволен общим ходом дел. Но его ни на минуту не покидало досадное чувство беспокойства. Дуче все время казалось, и не без оснований, что фюрер неискренен в своей дружбе, что он утаивает подлинные намерения и водит его за нос. Однако сюрприз, который Гитлер вскоре преподнес «дорогому Муссолини», превзошел все самые смелые прогнозы.

В марте 1939 года без каких-либо поводов войска вермахта оккупировали оставшуюся часть Чехословакии. Официальные объяснения Берлина, что чехи, мол, не выполняли условий мюнхенского договора и плохо обращались с немцами на своей территории, выглядели смешными и нелепыми. Но еще более смешным и нелепым выглядел сам дуче: Гитлер не только не посвятил его в свои замыслы, но даже не счел нужным дать письменные объяснения постфактум. Как и при захвате Австрии, он лишь прислал с устным уведомлением о содеянном принца Филиппо. Дуче был взбешен и глубоко уязвлен поведением партнера. Он даже запретил сообщать в печати о способе, которым его проинформировал фюрер. «Итальянцы осмеют меня, —

говорил он Чиано. — Каждый раз, когда Гитлер захватывает страну, он просто присылает мне гонца». В частных беседах дуче несколько раз высказывался критически в адрес Германии и даже собирался написать фюреру личное письмо с упреком в неуважении Италии. Но письмо так и не было написано, а мюнхенская система, одним из главных архитекторов которой мнил себя Муссолини, оказалась похороненной решением одного человека. Гнев, негодование, ярость Муссолини по поводу происшедшего — все это уже не могло изменить сделанного им прогерманского выбора.

Задетое честолюбие дуче требовало предпринять какие-то ответные шаги. Падение Мадрида и победа генерала Франко развязали ему руки для организации новой интервенции. На сей раз под прицелом оказалась небольшая Албания. И хотя дуче понимал, что она не может служить достойной компенсацией за занятие немцами «одного из самых богатых районов центральной Европы», иного выбора у него в тот момент не было.

Идею аннексии Албании давно вынашивал Чиано. Он развернул бурную дипломатическую подготовку захвата, заручился благожелательным отношением Югославии, запугивал албанских официальных лиц, интриговал на недовольстве албанской аристократии королем Зогу I. С военно-стратегической точки зрения оккупация Албании не представлялась необходимой для укрепления здесь итальянского влияния. Оно и так было велико. Кроме того, вторжение нарушало «джентльменское соглашение» с Англией, предусматривавшее сохранение статус-кво в бассейне Средиземного моря. Однако Форин оффис сделал вид, будто остался удовлетворен объяснением Муссолини: дескать, в

расстановке сил в регионе изменений не произошло. При этом он прозрачно намекал, что эта акция якобы препятствовала проникновению на Балканы «третьего рейха».

Радость Муссолини по поводу успешного завершения операции была омрачена тем невероятным дилетантизмом, с которым осуществлялось вторжение. При высадке морского десанта царила жуткая неразбериха. Создавалось впечатление, что войска были совершенно неуправляемы. «Будь у короля Зогу I хоть одна хорошо обученная пожарная команда, — считал начальник кабинета Ф. Анфузо, — он сбросил бы нас в море». Но у короля Зогу I не было и этого. В то время как в Тиране хозяйничали заброшенные туда отборные головорезы во главе с Э. Мути, бывший албанский правитель с только что родившимся сыном бежал в Грецию. Албания была присоединена к итальянской империи, а подготовивший ее захват Чиано удостоен ленты рыцарского «ордена Савойской династии» с бриллиантами, дававшей ему право именоваться «кузеном короля». В этой связи по стране прошел слух, не миновавший, разумеется, ушей Муссолини, что король готовит Чиано на смену дуче, поскольку оба они проникнуты антигерманскими настроениями.

Чиано никогда не питал симпатий к нацистам, а личная неприязнь к Гитлеру и Риббентропу, плативших ему той же монетой, лишь укрепляла его чувство. Но в политике чувства не принимаются в расчет. Гораздо важнее было другое: как и прежде, ни Чиано, ни сам дуче ничего толком не знали о намерениях своего союзника. В апреле 1939 года в Рим прибыл Геринг, и Муссолини попытался разведать у него ближайшие планы Гитле-

ра. Геринг прекрасно понял его намерение и заявил, что державы «оси» «должны вооружаться до зубов» и что благоприятный момент в соотношении вооружений Англии и Германии может наступить лишь в 1942—1943 годах. Эта установка вполне устраивала дуче. В инструкции, данной Чиано перед его очередной рабочей встречей с Риббентропом, диктатор обозначил 1943 год как период, когда «военные усилия сделают победу наиболее вероятной». В том, что война неизбежна, Муссолини не сомневался, его смущала лишь материально-техническая сторона дела. Инструкция Чиано заканчивалась словами: «Общая линия поведения: говорить о мире и готовиться к войне».

Однако события приняли иной оборот. На переговорах в Милане Риббентроп неожиданно для Чиано предложил заключить двусторонний союз. Поскольку японские правящие круги выжидали, Гитлер решил ускорить создание блока, пристегнув к своей упряжке Италию. Позвонив Муссолини в Рим, Чиано получил не менее неожиданное полное согласие дуче. Муссолини обрадовался предложению нацистов, усмотрев в нем двойную выгоду для себя: во-первых, возможность быть в курсе намерений фюрера и согласовывать позиции, во-вторых, получить на основе договора ощутимую материальную и военную помощь. Дуче крупно просчитался: думая о мифических выгодах, он не учел опасности остаться на вторых ролях и быть немедленно втянутым в любой вооруженный конфликт на стороне Германии.

Итальянский МИД не принимал участия в выработке текста договора. Его проект готовили немцы. Всякая риторика о мире и благих намерениях была отброшена. В документе, подписанном

22 мая в Берлине и получившем название «Стальной пакт», не были оговорены оборонительные цели союза, ибо таковых не существовало. Агрессивные формулировки — вроде «реализации вечных жизненных прав двух наций» — не оставляли сомнений в его наступательном характере. Оба государства брали на себя обязательство выступить на стороне друг друга в случае любого вооруженного конфликта. Ничего подобного дипломатическая практика XX века еще не знала. Даже Чиано был ошеломлен. «Я никогда не читал такого договора, — воскликнул он, — это настоящий динамит!»

Теперь дуче был доволен, уверен в себе и в будущем. В ходе подготовки «Стального пакта» Риббентроп подтвердил необходимость 4—5 лет мирной передышки, и у Муссолини не возникло сомнений в искренности его слов. Он намеревался использовать передышку для завершения строительства новых линейных кораблей, обновления артиллерии, передислокации и пополнения войск, расширения политики автаркии, а также для подготовки и проведения грандиозной выставки, посвященной 20-летию фашистского режима. Дуче наивно надеялся привлечь на эту выставку массу иностранных туристов, а полученную валюту использовать на нужды армии и флота. 30 июня специальный посланник Муссолини генерал Каваллеро передал Гитлеру меморандум дуче, в котором вновь подчеркивалась мысль о необходимости сохранения мира до конца 1943 года. «Глобальная стратегия» дуче, изложенная в меморандуме, сводилась к примитивной, шаблонной оценке перспектив военных действий по аналогии с первой мировой войной. Гитлер едва удостоил взглядом этот «исторический документ», дипломатично выразил

свое «общее одобрение» и распорядился отправить его в архив. Мнение дуче не имело для него никакого значения.

На следующий день после подписания «Стального пакта» Гитлер провел секретное совещание с высшими военными чинами рейха и заявил им, что «Белый план» — атака Польши — будет осуществлен «при первой возможности». Нагнетание напряженности вокруг Данцига¹, растолковывал фюрер, — это лишь повод, так как дело вовсе не в нем, а в необходимости завоевания «жизненного пространства» на Востоке, поэтому, если Англия и Франция выступят в защиту Польши, Германия будет готова сражаться и с ними. «Секретность — решающее условие успеха, — утверждал Гитлер. — Италия и Япония не должны быть в курсе наших задач». Таким образом, «Стальной пакт», прикрытый разговорами о мирной передышке, был для Италии ловушкой. Муссолини мнил себя хитрым и дальновидным политиком, но в коварстве и хитрости до Гитлера ему было далеко. Сказанное вовсе не означает, что летом 1939 года дуче пытался удержать Гитлера от агрессии. Просто он не предполагал, что война уже действительно стояла на пороге.

Германские претензии к Польше день ото дня становились все наглее, и Муссолини громко подпевал Гитлеру. Международная атмосфера накалялась. Делегации Англии и Франции зондировали почву в Москве, а Форин оффис вел тайные пере-

---

¹ «Данцигский коридор» («Польский коридор») — территория, полученная Польшей по Версальскому мирному договору 1919 года.

говору с Берлином. 11 августа Чиано встретился с Риббентропом в Зальцбурге, и немцы наконец открыли карты. Нацистский министр с холодной решимостью заявил, что ситуация в Европе изменилась, что ждать 2—3 года уже не представляется возможным, что Германия намерена предпринять решительные действия. Робкие возражения итальянского коллеги Риббентроп пропустил мимо ушей.

В Рим Чиано вернулся крайне озлобленным на Гитлера и его окружение. «Они лгали нам, — записал он в своем дневнике, — а теперь втягивают в авантюру, которая может окончиться плохо для страны и фашистского режима... Я не знаю, чего нам следует желать: победы или поражения Германии». Антинемецкие настроения Чиано усилились, и он попытался склонить тестя к отказу от выполнения условий «Стального пакта». Формально-юридические основания для деноссирования договора имелись: гитлеровцы не соблюдали тот пункт, в котором предусматривались взаимные консультации для согласования действий. Но Муссолини уже не мог идти на попятный, ибо это означало отказ от прогерманской ориентации, изменение благоприятного, как ему казалось, баланса сил, удар по милитаристскому воспитанию в стране.

Дуче заметался. Он бросался из одной крайности в другую и тянул время. Его душа переполнялась противоречивыми порывами: злоба на Гитлера уступала место решимости выступить на его стороне, страх за возможные последствия авантюры чередовался с боязнью выглядеть трусом и предателем, жажда не упустить свое, особенно в Хорватии и Далмации, наталкивалась на понимание слабости итальянской военной машины. Муссолини сознавал, что попал в сложное и унижительное

положение. В его советах не нуждались, с его интересами не считались. Больше всего он боялся оказаться на задворках событий мирового масштаба и остаться ни с чем во время дележа победного пирога. И чтобы избежать этого, приходилось глотать горькие пилюли унижения.

Гитлер не скупился на сюрпризы и вскоре преподнес еще один, заключив 23 августа пакт о ненападении с СССР. Тем самым был вновь нарушен «Стальной пакт», ибо предварительных консультаций с Италией не проводилось. Кроме того, этот договор противоречил самой сути «Антикоминтерновского пакта». Однако при всем своем политическом провинциализме дуче не мог не сообразить, что хитрый шаг фюрера является лишь тактическим маневром, рассчитанным на обеспечение спокойного тыла на востоке в период развертывания боевых действий на западе. Спустя два года Гитлер писал ему: «Могу сообщить Вам, Дуче, что благодаря переговорам с Советской Россией в международных отношениях возникло совершенно новое положение, которое должно принести Оси величайший из возможных выигрышей». У Германии появился уникальный шанс нанести удар по Франции и другим странам, не опасаясь угрозы возникновения второго фронта на востоке. Недаром Гитлер до поры до времени тревожился за жизнь Сталина, оценивая ее не ниже, чем жизнь своего «учителя» и союзника Муссолини. «Как и смерть Сталина, — говорил он, — смерть дуче может грозить нам опасностью».

25 августа секретарь доложил Муссолини о внезапном приходе Чиано и германского посла Г. Макензена. Дуче уже привык к малоприятным неожиданностям и исподлобья уставился на вошед-

ших. Он не ждал ничего хорошего или сенсационного, но то, что содержалось в личном послании фюрера, доставленном послом, повергло его в недоумение. Гитлер уведомлял дуче о готовности начать военные действия против Польши и просил лишь «понимания» с итальянской стороны. Сейчас можно только догадываться о том, что скрывалось за этой расплывчатой формулировкой, но одно было ясно сразу: Гитлер оставляет свободу выбора за Муссолини и не настаивает на скрупулезном выполнении обязательств по «Стальному пакту». Появилась возможность хотя бы временно уклониться от участия в боевых действиях и занять позицию наблюдателя, сулившую известные выгоды. Муссолини оценил этот шанс. Оставалось лишь сохранить хорошую мину при плохой игре. На языке дипломатии это выглядело так: «Если Германия атакует Польшу и конфликт будет локализован, — писал дуче в ответ на послание фюрера, — Италия окажет Германии любой вид политической и экономической помощи, которую от нее потребуют. Если Германия атакует Польшу и ее союзники контратакуют Германию, я предпочел бы не брать на себя инициативу по развязыванию военных действий, учитывая современное состояние итальянской военной подготовки, о которой неоднократно и своевременно сообщалось вам, фюрер, и Риббентропу. Однако наше выступление может быть немедленным, если Германия тотчас же предоставит нам военные средства и сырье, необходимые для того, чтобы выдержать удар, который англо-французы направят преимущественно против нас» (81, 122).

Реакция Гитлера была весьма сухой и скептической. Он запросил точные сведения об итальян-

ских потребностях и на следующий день получил список военных материалов и снаряжения, который, по словам Чиано, мог бы «убить быка, если бы он умел читать». Над этим перечнем всю ночь трудились специалисты итальянского генштаба, уловившие смысл прозрачной установки дуче «не стесняться». 170 миллионов тонн грузов, для перевозки которых понадобились бы сотни тысяч железнодорожных эшелонов, — таков был итог их ночных стараний. Ни одно государство Европы в тот период не было способно удовлетворить такой запрос. Гитлер прекрасно понял своего союзника и ограничился лишь требованием не разглашать раньше срока решение о нейтралитете и послать в Германию промышленных рабочих. Торжествующий Чиано немедленно конфиденциально информировал обо всем британского посла. В 1944 году злопамятный фюрер ему этого не простил.

Теперь Муссолини был озабочен тем, чтобы не ударить лицом в грязь перед общественным мнением. Он отменил отданный ранее приказ о мобилизации и потребовал, чтобы посол Аттолико добился у Гитлера официального уведомления о согласии с итальянским нейтралитетом. 1 сентября 1939 года, когда немецкие армии перешли границу Польши, в печати было опубликовано официальное сообщение о «неучастии» Италии в конфликте, а по радио прочитана телеграмма Гитлера, посланная по настоянию дуче. И хотя война уже началась, лавры Мюнхена все еще не давали Муссолини покоя. 2 сентября Гитлер неожиданно принял его предложение о прямых переговорах с Англией и Францией. Чиано в присутствии послов уведомил об этом министров иностранных дел двух стран. Лорд Галифакс согласился на встречу при условии, если

Германия отведет с территории Польши войска, но Риббентроп даже не счел нужным ответить на это. На следующий день Великобритания и Франция объявили Германии войну.

Дуче не скрывал своего раздражения. Сама мысль о том, что он остался в стороне от событий, была для него невыносима. Обстоятельства вынудили его «сидеть сложа руки, когда другие творят историю», но он не мог и не хотел с этим мириться. Термин «неучастие» он выдумал специально, желая тем самым подчеркнуть, что Италия занимает не пассивную позицию, а лишь ждет своего часа. Когда злоба на собственное бессилие немного поутихла, дуче основательно перетряхнул кабинет министров, заменил Стараче ставленником зятя Э. Мути, заявил о необходимости «очистить углы от остатков антифашизма, еврейства и масонства».

После разгрома и оккупации Польши между гитлеровской Германией и СССР был подписан договор о дружбе и границе. Муссолини ничего не знал о его подготовке и поначалу не сумел оценить его «по достоинству». Ему казалось, и не без оснований, что кремлевский диктатор прямо-таки подталкивал Гитлера к расширению агрессии на западе. Рост торгово-экономического сотрудничества между СССР и Германией, обоюдное ослабление идеологической полемики, выдача Сталиным на расправу немецких антифашистов — эти и другие факты рождали у Муссолини опасение в чрезмерном сближении двух режимов, что могло, как ему казалось, ослабить заинтересованность Германии в поддержке Италии. 8 января 1940 года Аттолико передал фюреру личное послание дуче, в котором Муссолини яростно доказывал, что решение проблем рейха может быть найдено только на востоке.

С этой целью он предлагал пойти на компромисс с западными державами и сосредоточить усилия на борьбе против большевизма.

Гитлеру не понравились поучения Муссолини. Как справедливо подметил Чиано, фюрер принимал советы дуче лишь тогда, когда они совпадали с его собственными намерениями. Он по-прежнему был недоволен своим союзником, весьма скептически оценивал военные возможности Италии и не раз говорил своим генералам, что она вступит в войну лишь при условии крупной победы германского оружия. При желании Гитлер мог оказать на Муссолини сильный нажим, но пока не видел в этом необходимости.

В конце 1939 года он воспользовался своим влиянием, чтобы добиться от дуче запрета на экспорт из Италии военной продукции. Под предлогом обеспечения страны необходимым сырьем крупные промышленники расширили торговые связи с Англией и Францией, вывозя не только продукцию легкой и пищевой индустрии, но и такие товары, которые могли быть использованы в военных целях: вагоны, локомотивы, грузовые автомобили, некоторые типы самолетов и даже взрывчатые вещества. Политические дивиденды «неучастия» оборачивались прямой экономической выгодой. Чиано и некоторые другие «нейтралы» рассчитывали, что это станет одним из сдерживающих для вступления в войну факторов.

Понимал это и Гитлер. Отсюда его жесткость в вопросе о поставках и согласие на продажу Италии в порядке компенсации 12 миллионов тонн угля в год. Рурские магнаты взяли на полное обеспечение итальянскую армию, промышленность и городское хозяйство этим ценным видом топлива.

Баланс экономических интересов итальянских монополий сместился в сторону Германии, однако решающим условием их выбора были все-таки ее военные победы. Крупный финансовый капитал поддерживал Муссолини до тех пор, пока ему сопутствовал успех, а впечатляющие захваты гитлеровцев в начале войны указывали на правильность выбора дуче. К весне 1940 года даже настроенный антигермански Чиано стал все чаще задумываться над выгодами вступления в войну на стороне нацистов. К этому же выводу склонялся король и его окружение.

Если Муссолини и испытывал какие-либо колебания на сей счет, то они рождались только конъюнктурными соображениями. Он уже не слушал ни робких возражений военных, говоривших о технической неподготовленности армии, ни опасных сообщений начальника полиции Боккони о росте антивоенных и антинемецких настроений в массах, ни логических доводов специального посланника американского президента С. Уэллса, прибывшего в Рим с целью удержать Муссолини от рокового шага. Они беседовали дважды, и если при первой встрече дуче дал понять, что он не прочь вновь выступить в роли арбитра, то в ходе второй беседы жестко заявил о своем намерении поддержать Германию. Уверенности тона в разговоре с С. Уэллсом добавил ему Риббентроп, прилетевший в Италию для подготовки встречи Муссолини с фюрером.

Это была уже четвертая их встреча. Она состоялась 18 марта 1940 года в железнодорожном вагоне в городе Бренnero. О ее подготовке ничего не сообщалось в печати, по результатам не было опубликовано никаких документов. Гитлер по своему

обыкновенно говорил много, истерично и путано. Он чувствовал себя полновластным хозяином и обрушил на Муссолини целый шквал цифр, доказывая, что с Англией и Францией будет покончено очень скоро. Гитлер недвусмысленно намекнул, что Германия может обойтись и своими силами, но Италия при этом останется в положении второстепенной державы в Средиземноморье, и хотя их связывают исторические судьбы, доля каждого будет пропорциональна его вкладу в борьбу. Муссолини, отказавшийся от услуг переводчика, тем не менее хорошо понял главную мысль Гитлера. Он заверил фюрера, что интересы и честь Италии требуют ее вступления в войну, что вскоре к этому будут готовы армия и флот, но финансовые возможности не позволят вести войну долго. Поэтому он обещает выступить «всеми силами», как только Германия «военными действиями создаст благоприятную обстановку» (58, 192).

В Рим Муссолини вернулся наэлектризованный нетерпением. Он ускорил подготовку к выступлению и составил меморандум королю, в котором доказывал необходимость «параллельной с Германией» войны для получения свободы на море и «окна в океан». Карта мира в его воображении все гуще покрывалась цветами итальянского национального флага. Рассуждения о военной слабости и отсутствии воинского пыла он воспринимал чуть ли не как личную обиду. 18 лет дуче пытался подготовить итальянцев к самопожертвованию и теперь откровенно злился, видя, что сделать этого не удалось. «Итальянцы — это стадо овец, — твердил он в ярости, — 18 лет оказалось недостаточно, чтобы переделать их. Для этого понадобилось бы 180 лет или даже 180 веков!» Пожалуй, не хватило бы

и 200, так как война не вписывалась в мировоззрение итальянского народа, она была чужда его историческому сознанию. Многочисленные полицейские агенты доносили, что в массе итальянцев преобладал антивоенный и антигерманский настрой, что реальность угрозы рождала не воинский пыл, а растерянность и страх. За немедленное вступление в войну среди обывателей ратовали лишь не очень многочисленные фанатики. Но дуче это уже не смущало. «Чтобы сделать народ великим, надо заставить его сражаться, — заявил он Чиано, — даже с помощью пинков в зад. Так я и сделаю».

В начале апреля после нападения Германии на Данию и Норвегию Муссолини поставил перед средствами массовой информации задачу «поднять температуру» итальянского народа. Фашистской прессе это было явно не по плечу, так как кредит доверия ей был невелик. Полицейские осведомители постоянно фиксировали недовольство итальянцев ее необъективностью, сокрытием фактов, пустословием и слащавостью. «Грязная, продажная» — эти определения в устах простых итальянцев были еще не самыми жесткими.

Время от времени Гитлер присылал Муссолини длинные, нудные письма с перечнем своих побед и анализом ситуации. Он неизменно подчеркивал общность исторических судеб двух наций, расточал похвалы дуче, всегда писал «мы», что явно льстило Муссолини. Письма фюрера достигали цели: дуче становился все решительнее и самоувереннее. Его возбуждение нарастало с каждым днем. С 1939 года он ни разу не собирал Большой фашистский совет, а в марте назначил себя главнокомандующим войсками. Этот акт был антиконституцион-

ным, так как номинальное командование должно было сохраняться за главой государства. Раздраженный король вяло протестовал, оттягивал сколько мог утверждение декрета, но в конце концов был вынужден уступить.

С призывом не совершать рокового шага к Муссолини обращались поочередно папа Пий XII, Ф. Д. Рузвельт, У. Черчилль и Э. Даладье. Но дуче слышал только то, что хотел слышать: лязг гусениц и мерный топот германских сапог по Европе. Головокружительные успехи немцев не давали покоя. Они будоражили воображение, рождали амбициозные замыслы и пробуждали аппетит. Утром 10 мая Муссолини был внезапно разбужен приходом Чиано и Макензена. Немецкий дипломат вручил ему очередное послание фюрера, извещавшее о начале операции против Бельгии, Голландии и Франции. Муссолини язвительно поблагодарил посла за «оперативность»: через час-другой он мог узнать об этом из газет. Затем дуче погрузился в глубокомысленное изучение приложенных к посланию карт и через два часа заявил, что целиком одобряет действия Гитлера. Фюрер и на этот раз не требовал его немедленного вмешательства.

Молниеносная оккупация Бельгии и вторжение в обход «линии Мажино» на французскую территорию развеяли последние сомнения итальянских правящих кругов. Муссолини ощутил это нюхом и нутром прожженного политика. В какой-то момент ему даже показалось, что он чувствует пульс нации, которая ждет от него исторического решения. Блеск чужих побед заслонил реалии итальянской жизни. В этот момент дуче больше всего боялся опоздать к дележу добычи. Когда он сообщил П. Бадольо о своем решении нанести удар по Фра-

нии, маршал несмело заметил: «Это самоубийство», так как армия не располагает не только необходимой техникой, но и обмундированием для солдат. В ответ Муссолини презрительно хмыкнул: «Уверяю Вас, что в сентябре все будет кончено, мне нужно лишь несколько тысяч убитых, чтобы сесть за стол переговоров победителем».

29 мая было создано Высшее командование итальянскими войсками. На следующий день дуче информировал Гитлера о своем решении открыть огонь 5 июня, но вскоре передумал и перенес срок выступления еще на 5 дней. 10 июня Чиано официально уведомил представителей Англии и Франции о том, что Италия считает себя в состоянии войны с их странами. Французская армия к тому времени уже была фактически разгромлена, поэтому Франсуа-Понсе имел все основания грустно заметить, что это был «удар в спину человеку, поверженному наземь».

В тот же день вечером дуче выступил с балкона палатцо «Венеция». Ничего нового или оригинального его фантазия изобрести не смогла. «Мы вступаем в бой с реакционными и плутократическими демократиями Запада, которые всегда воздвигали преграды на нашем пути и коварно интриговали против самого существования итальянского народа», — возвестил дуче. Чтобы быть свободным, великий народ должен «вырваться из плена Средиземного моря» и завоевать выход к океанам. Трудно было простому человеку понять что-либо в этой говорильне, но еще труднее разглядеть за ней корыстные интересы тех, кто руками фашистов втянул Италию в гигантскую человеческую бойню. Внутри фашистского руководства не было разногласий по поводу вступления в войну, ибо этот шаг

соответствовал агрессивной сущности самого фашизма и обещал получение многих военно-политических и экономических выгод. Гарантией успеха должен был служить союз с нацистской Германией. Именно так рассчитывал Муссолини, но расчет этот оказался построенным на песке.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ЗАГОВОР

Решение о вступлении в войну было губительным не только для самого Муссолини, но и всего фашистского режима. Однако тот момент никто в итальянской правящей верхушке не предполагал печального исхода. 18 июня 1940 года дуче встретился с Гитлером в Мюнхене и изложил ему обширный перечень итальянских претензий к Франции. Но вопреки его ожиданиям фюрер не выказал восторга, ибо французская армия уже была фактически разгромлена вермахтом. Поняв, что даром ничего получить не удастся, Муссолини отдал приказ войскам перейти итало-французскую границу в Альпах.

С первых же дней войны стало ясно, что готовность к ней существовала лишь в воображении диктатора, а так называемый «военный порыв нации» был не чем иным, как сценой из дешевой оперетты. 19 итальянским дивизиям противостояло всего три французских, но и этих сил оказалось достаточно, чтобы разрушить замыслы Муссолини. Дуче рассчитывал в течение нескольких дней дойти до Ниццы, но наступление задохнулось на первых же километрах. В заснеженных Альпах солдаты вели бои в легкой форме и ботинках на картонной подошве; сразу дала о себе знать нехватка

техники. Несколько сотен квадратных километров французской земли обошлись итальянцам в 630 убитых, 4,5 тысячи раненых и обмороженных, тысячу пленных. Потери французов были в 20 раз меньше. 24 июня воюющие стороны подписали перемирие, по которому Италия сохраняла за собой лишь ту территорию, которую успела захватить. Провал операции был виден даже невооруженным глазом.

Неудачное начало несколько обескуражило, но не отрезвило Муссолини. Он по-прежнему стремился развернуть «параллельную войну», то есть наступать в Африке и на Балканах, в то время как Германия громила бы основные силы противника в Европе. Дуче лелеял мечту выбить англичан из Египта, овладеть Суэцким каналом и Гибралтаром и получить таким образом выход к Атлантике. Он очень спешил, опасаясь, что Англия будет вскоре разбита, а лавры победителя достанутся одному Гитлеру. Будучи в полном неведении о намерениях германского генштаба, Муссолини полагал захват Британии делом решенным и даже предлагал Гитлеру военную поддержку для удара по Лондону. Фюрер поначалу это предложение отклонил, но затем согласился «оказать честь» итальянским асам участвовать в бомбардировке английской столицы. Итальянские тяжелые бомбардировщики совершили несколько рейдов, но вскоре были отозваны: ни сами машины, ни их экипажи не были подготовлены для выполнения подобных заданий.

Наступление на Египет планировалось начать в июне 1940 года, однако губернатор Ливии И. Бальбо всячески тянул время, требуя бесчисленных пополнений людьми и техникой. 28 июня его самолет был сбит по ошибке итальянской про-

тивовоздушной артиллерией, и хотя по стране упорно ходили слухи, что Бальбо «убрали» по заданию дуче, этот инцидент был, видимо, простой оплошностью артиллеристов. Назначенный на его место бездарный, но воинственный маршал Грациани ускорил подготовку войск, и в конце августа дуче отдал приказ атаковать. Итальянские войска имели почти десятикратное превосходство в силах над англичанами и за несколько дней сумели продвинуться почти на 150 км. Однако коммуникации армии оказались растянутыми, транспортных средств не хватало, и наступление пришлось остановить. Опыренный успехом, Муссолини демонстративно отказался от предложенной Гитлером механизированной дивизии, желая тем самым подчеркнуть, что Италия способна сама выиграть войну в Африке. Это был первый и последний отказ дуче от военной поддержки Германии. В дальнейшем он всегда выступал в унижительной роли просителя.

План «параллельной войны» предусматривал нанесение удара по Греции и Югославии. Итальянский генштаб разработал схему оперативных действий, однако в середине августа 1940 года германское правительство уведомило Муссолини, что вторжение на Балканы в данный момент нецелесообразно, ибо следует в первую очередь завершить разгром Англии. Скрытый смысл германского вето стал ясен позже: Гитлер хотел создать в этой части Европы собственный плацдарм для нападения на Советский Союз. Обиженный дуче отдал приказ о демобилизации 600 тысяч человек, призванных для похода на Балканы. Когда же половина из них уже была распущена по домам, ситуация резко изменилась.

12 октября Гитлер объявил о введении войск в Румынию под предлогом «защиты румынских нефтепромыслов». Муссолини не был информирован об этом заранее и в ярости принял решение отплатить Гитлеру той же монетой. «Он узнает из газет, что я занял Грецию, — бахвалился дуче перед своим зятем. — Таким образом, равновесие будет восстановлено».

Какой-либо военно-политической необходимости в захвате Греции не было. Но была безграничная личная амбиция Муссолини, помнившего о неудаче захвата Корфу в 1923 году и жаждавшего «сломать грекам ребра», нанести СВОЙ удар, выиграть СВОЮ кампанию, захватить СВОЮ добычу. Антигреческий запал тестя всячески раздувал Чиано, надеявшийся, что захват Греции воспрепятствует активному проникновению Германии на Балканы. 15 октября дуче провел совещание иерархов, на котором объявил о своем решении нанести удар. Бадольо и некоторые другие военные-профессионалы понимали опасность и непредсказуемость последствий такого шага, но открыто возразить дуче никто не осмелился.

Когда гневные эмоции немного улеглись, в душу диктатора закрались опасения вызвать серьезное неудовольствие Гитлера. Тогда он направил фюреру письмо, в котором пространно рассуждал о событиях во Франции, Африке и Испании и мельком упоминал о своем намерении атаковать Грецию. Гитлер получил письмо с запозданием, так как находился во Франции. Встревожившись не на шутку, он полетел во Флоренцию и встретился с Муссолини 28 октября, когда Греции уже был предъявлен неприемлемый ультиматум, а итальянские дивизии уже перешли ее границу.

Фюреру ничего не оставалось, как слегка пожурить прыткого союзника и выразить свою солидарность.

Но Муссолини не пришлось долго упиваться злорадством. При высадке морского десанта царила полная неразбериха, и греки сразу не опрокинули его лишь потому, что итальянцы обладали подавляющим численным превосходством. Дуче вмешивался во всякие мелочи, слал бесчисленные приказы и контрприказы, вносил еще бóльшую сумятицу в действия войск. Греки отчаянно сопротивлялись, и за четыре дня боев фашистские дивизии смогли продвинуться лишь на 50 км. 11 ноября английские торпедоносцы атаковали итальянский флот в бухте Таранто и потопили три крупных корабля. Греческие войска перешли в контрнаступление и погнали агрессоров с захваченной территории. События приняли неожиданный оборот. «Легкая военная прогулка», обещанная Муссолини, обернулась десятками тысяч убитых и раненых, грозя вылиться в тяжелое военное поражение. Гитлер написал резкое письмо своему незадачливому союзнику, жестко укоряя его за непродуманные, поспешные действия, нанесшие удар по престижу «оси». Он уже понял, что Италия становится гирей на ногах Германии, обузой, неспособной самостоятельно осуществлять операции даже небольшого масштаба.

Озлобленный дуче трое суток не брился и не появлялся в своем кабинете. Он выискивал виновных. Гнев диктатора обрушивался на всех подряд: Чиано досталось за предоставление неверной, оптимистической информации, Мути — за неумение поднять боевой дух итальянцев, Бадольо был снят с поста начальника генштаба за просчеты в подготовке операции, а саму армию Муссолини клял за

нежелание воевать. «Итальянцы 1914 года были лучше нынешних, — остервенело твердил он. — Это малоприятный факт для фашистского режима, но это так». Положение усугубилось тем, что вслед за неудачей в Греции итальянские войска потерпели крупное поражение в Ливии. В начале декабря англичане несколькими мощными ударами разгромили группировку Грациани и заняли почти всю Триполитанию. Около 150 тысяч фашистских солдат сдались в плен. Праздник Рождества для дуче был испорчен окончательно.

Новый, 1941 год принес лишь видимое улучшение. В январе на очередной встрече с Гитлером в Бергхофе Муссолини сразу согласился на посылку германского бронетанкового корпуса в Африку и вторжение вермахта в Грецию со стороны Югославии. Намерения фюрера уязвляли его самолюбие, но иного выхода уже не было. Прибывший в Северную Африку генерал Роммель быстро взял инициативу в свои руки и в течение двух недель отвоевал у англичан всю Киренаику. Участвовавшие в боях итальянские дивизии едва успевали за динамичными действиями немцев. А вот в Восточной Африке, где приходилось рассчитывать лишь на собственные силы, дела обстояли из рук вон плохо. В начале 1941 года англичане вытеснили итальянские войска из имперских владений и 5 мая заняли столицу Эфиопии Аддис-Абебу. Колониальная империя Муссолини рухнула, едва успев родиться.

Вмешательство немцев повернуло в иное русло и ход военных действий на Балканах. Обещанная Гитлером помощь окрылила Муссолини, и он принял еще одну попытку своими силами разгромить греческую армию. Объявив «гражданскую

мобилизацию», дуче отправил в действующие войска большую часть фашистских иерархов, включая своего зятя. Эта показательная акция сопровождалась перемещением штаба верховного главнокомандующего из Рима в Апулию, «поближе к театру военных действий». По требованию Муссолини, широко разрекламированному в стране, его разместили в простом крестьянском доме, где он намеревался «делить тяготы» походной жизни: спать на топчане, укрываться солдатской шинелью, есть из крестьянского котла. В начале марта он сел за штурвал самолета и лично отправился на албанский фронт. Газеты захлебывались от восторга.

5 дней понукаемые дуче командиры гнали солдат в наступление, но прорвать оборону противника так и не смогли. Среди солдат даже пошел слух, что Муссолини приносит одни неудачи. Вконец расстроенный дуче был вынужден убраться восвояси. Даже ему теперь стало ясно, что без помощи немцев выпутаться из этой истории не удастся. В начале апреля германская армия вторглась на территорию Югославии и Греции. Лишь после этого итальянские соединения продвинулись вперед. Дуче поспешил поздравить командующего войсками генерала Кавалеро с «великой победой». По этому поводу У. Черчилль, еще не так давно неистово восхищавшийся «гением Муссолини», назвал его «побитым шакалом», а поздравление Кавалеро — «беспорным мировым рекордом в области низкого и смехотворного».

Гитлер милостиво позволил итальянским дивизиям принять участие в завершении разгрома югославской армии, а после ее капитуляции Италии была передана часть Словении и побережье Далмации. В Хорватии было создано марионеточное ко-

ролевство под итальянским протекторатом. Потирая руки от удовольствия, дуче воскликнул: «Порядок, Европа теперь наша!»

Однако особых оснований для радости у него не было. При трезвом взгляде на вещи Муссолини не мог не понимать, что так называемые «завоевания итальянского оружия» есть не что иное, как результат действий гитлеровских войск. Но, как всякий диктатор, он отказывался верить в слабость управляемого им государства, в его неспособность решить поставленные вождем задачи. Дуче упрямо гнал от себя мрачные мысли и всячески избегал попыток именно трезвого анализа ситуации. Он настойчиво убеждал себя, что выбор был сделан правильный, что неудачи носят тактический характер, что обратного хода уже нет и не будет. Его настроение часто менялось в зависимости от боевых действий, и он внезапно переходил от неумемной радости к глубокой депрессии и наоборот.

Как и прежде, он очень пекся о своем здоровье, боялся разных болезней, тяжело переносил их психически, получал много лекарств, верил в них, сидел на строгой диете, питаясь в основном фруктами, рисом и молоком. При обострениях язвенной болезни дуче становился злым, нервным и опасным — близкие и родные хорошо это знали.

На его внутреннее состояние в первые годы войны оказывала сильное воздействие Клара Петацчи. Осенью 1940 года она была тяжело больна, и Муссолини, изменив своим многолетним привычкам, в течение месяца каждый вечер ездил к ней домой. Он близко сошелся с семьей Петацчи, начал оказывать протекцию Мириам (сестре Клары) в артистической карьере. В те годы фаворитка стала

часто обсуждать с дуче государственные, военные и особенно кадровые дела. Она умела заставить его слушать, знала, в какой момент удобно подсунуть на подпись документ или сказать о том, что этот деятель очень плох и за ним глаз да глаз нужен, а вот тот, например, Гальбиати, очень подходит на должность главы фашистской милиции, а единственный, кто может возглавить флот, — это адмирал Риккарди и т. д. Петацчи активно пользовалась своим положением, что вызывало раздражение у тех, кто не входил в круг ее доверенных лиц. Клара даже не раз говорила дуче, что боится фанатиков, которые могут ее убить. Близость к диктатору поставила в исключительное положение весь клан Петацчи, в особенности брата и отца фаворитки, которые не брезговали финансовыми аферами и спекуляцией. На них часто писали жалобы, агенты доносили о росте недовольства в обществе, а Чиано отметил в дневнике, что «дело Петацчи» становится «национальным скандалом».

В начале 40-х годов Муссолини и Клара жили как муж и жена: бывали у них и минуты радости, и размолвки, и настоящие ссоры. Плохое настроение дуче часто вымещал на любовнице. Клара, в свою очередь, становилась все ревнивее, обвиняла Муссолини в изменах, устраивала сцены, рыдала, писала длинные сентиментальные письма и всем этим сильно ему докучала. Об их связи знала вся страна, и Муссолини не без оснований побаивался скандала. По свидетельству его личного секретаря Себастиани, в мае 1941 года он заявил, что «с этим делом пора кончать». Но лишь спустя два года (1 мая 1943 г.) Клару по распоряжению дуче не пустили во дворец «Венеция». Разъяренная, как фурия, она прорвалась сквозь кордон и учинила

Муссолини скандал. Дуче смиренно отступил, заявив, что у него сдали нервы, и все вернулось в прежнее русло. Впоследствии он еще дважды запрашивал ей приходить, но с тем же успехом.

* * *

Утром 22 июня 1941 года Муссолини был разбужен неожиданным звонком Чиано. Министр иностранных дел только что получил официальное уведомление германского посла о начале военных действий Германии против СССР. В личном послании к дуче Гитлер писал об этом как о «самом важном решении» в своей жизни. Фюрер хорошо изучил нрав и повадки Муссолини. Предвидя его реакцию, он в деликатной форме дал понять, что Италия сможет внести свой вклад в победу держав «оси», если будет наращивать силы в Северной Африке, где дела обстояли крайне неважно, и, мягко говоря, не будет соваться туда, куда ее не просят.

Гитлер не ошибся. Едва услышав от Чиано сенсационное известие, дуче сразу предложил использовать в «восточном походе» итальянские войска. Магический срок в 8 недель, установленный фюрером для разгрома большевизма, действовал завораживающе на все итальянское руководство. Никто из фашистских заправил не сомневался в быстром и успешном исходе дела. Опыт двухлетней войны в Европе давал для этой уверенности веские основания. И вновь, в который уже раз, Муссолини клюнул на приманку легкой добычи вопреки элементарной военно-стратегической необходимости сосредоточить силы на Средиземноморье.

Муссолини никогда не отказывался от необходимости беспощадной борьбы с коммунизмом и,

несмотря на пакт о ненападении между Германией и СССР, считал войну с Советами неизбежной. Его просчет состоял лишь в определении сроков будущей агрессии.

Не вняв слегка завуалированному наставлению Гитлера, дуче распорядился немедленно подготовить для отправки в Россию экспедиционный корпус. Его не насторожили даже сведения о неожиданно упорном характере боев на Восточном фронте. 30 июня фюрер написал, что сопротивление советских армий превзошло все его ожидания. Муссолини откровенно злорадствовал по этому поводу. 1 июля 1941 года Чиано записал в своем дневнике: «Похоже, немцы натолкнулись в Минске на растущее сопротивление русских, что приводит дуче в восторг... Я желаю только одного, — сказал он, — чтобы немцы оставили побольше перьев в этой кампании на востоке». Говоря так, Муссолини, видимо, запечатлел хорошую поговорку, аналог которой есть и в итальянском языке: «Не рой яму другому, сам в нее попадешь». В конечном счете так оно и случилось.

В письме Гитлера от 30 июня содержалось неожиданное предложение посетить вместе с ним Восточный фронт. Трудно было придумать что-либо более лестное для самолюбия дуче. В конце августа он отправился в «логово» Гитлера в Восточной Пруссии, а оттуда уже вместе с фюрером на Украину. Фотографы запечатлели обоих диктаторов у огромной карты, якобы обсуждающих планы совместных операций. Очевидцы свидетельствуют об обратном: никаких серьезных обсуждений не было, так как мнение дуче Гитлера ничуть не интересовало.

Как, впрочем, не интересовало и состояние итальянского корпуса, преодолевшего своим ходом более тысячи километров и вышедшего из этой далеко не боевой операции изрядно потрепанным. То, что в бумагах итальянского генштаба значилось «механизированными дивизиями», в действительности представляло скопище мотоциклов и реквизированных грузовиков разных марок с едва замазанными рекламами гражданских фирм на бортах. Традиционное российское бездорожье и начавшаяся осенняя распутица довершили дело; машины буксовали и вязли в ухабах, солдаты безрадостно месили грязь, а бравые берсальеры с пестрыми хвостами на металлических касках широко растопыривали ноги, чтобы не свалиться со своих «стальных коней». Именно такое комично-печальное зрелище предстало взорам диктаторов в местечке Ладыжинка близ Умани, где они устроили смотр подошедшим итальянским частям. Дуче откровенно злился из-за провалившегося парада, а фюрер лишь мрачно усмехался в усы.

Ближайшее будущее готовило малоприятные сюрпризы обоим. В ноябре 1941 года чаша весов в Северной Африке склонилась в пользу англичан, которым удалось отвоевать почти всю Триполитанию и Киренаику. В декабре в войну вступили Соединенные Штаты Америки, а гитлеровцы потерпели первое сокрушительное поражение под стенами Москвы. Охваченный мрачными предчувствиями, дуче отдал приказ о мобилизации всех возрастов от 18 до 55 лет. «Затем наступит черед женщин», — мрачно пообещал он. В целях «психологической закалки» римлян Муссолини распорядился при каждом налете английской авиации на Неаполь палить из пушек и в самой столице тоже.

А вот жертвы и разрушения в Неаполе его совершенно не волновали. «Раса становится тверже, — уверял дуче своего зятя. — Война воспитает у неаполитанцев нордический характер».

Весной и летом 1942 года Муссолини воспрянул духом. Казалось, удача вновь улыбнулась державам «оси». Гитлеровцы развернули широкое наступление на Восточном фронте, вышли к предгорьям Кавказа и к Волге. Маршал Роммель, фактически взявший в свои руки командование войсками в Африке, в течение месяца вернул утраченные позиции, занял город Тобрук и приблизился к египетской столице. Дуче уже грезились триумфальное вступление победителем (правда, вслед за немецкими танками) на древнюю землю страны пирамид. В сопровождении нового секретаря фашистской партии Видуссони он тайно прибыл в Ливию, захватив с собой целую дюжину чиновников для организации управления Египтом. Пока изрядно поредевшие германские и итальянские войска безуспешно пытались прорвать линию обороны англичан, дуче охотился на диких животных и рисовал в своем воображении театрализованную картину парадного въезда в Каир на белом коне. По свидетельству Чиано, конь для этого «исторического события» уже был приготовлен.

Но надеждам диктатора и на этот раз не суждено было сбыться. К исходу июля стало ясно, что наступательный порыв войск иссяк, а потенциал обороняющихся день ото дня укреплялся за счет пополнений. Так и не дождавшись своего «звездного часа», вконец расстроенный Муссолини вернулся в Рим, а затем перебрался на виллу в Риччоне, где в течение двух месяцев боролся с обострившейся болезнью.

Он был зол на весь мир, раздражался по пустякам, с подозрением относился ко всякому, кто интересовался его здоровьем. Муссолини ежедневно читал военные сводки, правил их по своему усмотрению, и ему по-прежнему казалось, что он направляет ход военных действий. Дуче распорядился печатать в газетах бюллетени о своем рабочем дне, оставлять допоздна свет в кабинете «Маппамондо», а однажды после выздоровления пригласил на виллу «Торлония» итальянских и зарубежных журналистов, чтобы они увидели и описали его «динамичное утро»: бег, теннис, скачка на лошади, чтение телеграмм, быстрые ответы... Однако смутное ощущение приближающейся развязки становилось все навязчивее.

Гитлеровцы предвидели неблагоприятный исход событий в Африке, но кардинально изменить что-либо уже не могли: их основные силы были скованы на Восточном фронте. 23 октября 1942 года английские войска под командованием генерала Монтгомери перешли в наступление под Эль-Аламейном, а 8 ноября союзники начали высадку в Алжире. Отступление итальянских и германских дивизий превратилось в повальное бегство, десятки тысяч «завоевателей империи» сдались в плен. Наиболее дальновидным итальянским военным стратегам стало ясно, что следующим театром военных действий может стать сама Италия, но дуче упрямо не хотел допускать даже мысли об этом. «Вторжение на полуостров — это мероприятие, которое англосаксонцы не могут даже предполагать», — твердил он. И все же именно в это время ему пришла в голову сумасбродная идея заключить сепаратный мир на Востоке, чтобы высвободить силы для борьбы стран «оси» на Западе.

Пойти на такой шаг самостоятельно он не мог, так как уже давно не имел ни свободы маневра, ни тем более возможности стратегического выбора. Без согласия Гитлера эта идея осталась бы пустым звуком.

Дуче настоятельно предлагал фюреру встретиться для обсуждения широкого круга проблем, и хотя Гитлер был целиком поглощен Сталинградом, совсем отказать союзнику он не мог и согласился на приезд Чиано и начальника генштаба генерала Каваллеро. В данной зятю инструкции дуче выразился вполне определенно: «Если мы не хотим войны на два фронта, то необходим, если возможно, Брест-Литовск. Если это невозможно, то по крайней мере — стабилизация Восточного фронта. Отвод наиболее боеспособных соединений оси. Война с Россией бесцельна».

Прозрение пришло слишком поздно. Ни о чем подобном Гитлер и слышать не хотел. Дуче всегда страдал дилетантизмом в оценке крупных международных проблем и выборе стратегических решений. Его предложение о сговоре Гитлера со Сталиным выглядело, по крайней мере, наивно. Он не мог понять, что события, добровольным пленником которых он стал, уже нельзя было волевым решением повернуть вспять, как нельзя было вернуть и солдат, посланных умирать в далекой России.

К лету 1942 года экспедиционный корпус превратился в 220-тысячную армию под названием АРМИР (Итальянская армия в России). Она занимала позиции в районе среднего течения Дона. Когда же 6 армия генерала Паулюса, наступавшая на Сталинград, оказалась в «котле», перед АРМИР была поставлена задача прикрыть с фланга ударную группировку немецких войск, пытавшуюся

прорвать кольцо окружения. Советское командование рассматривало занимаемую итальянскими дивизиями зону как одно из наиболее уязвимых мест в системе обороны противника. Сюда и был нацелен удар советских войск.

16 декабря части Юго-Западного фронта во многих местах прорвали оборону АРМИР и в течение двух недель продвинулись вперед на 150—200 км. В середине января 1943 года бронетанковые соединения Воронежского фронта довершили разгром, окружив 4 итальянские и 4 немецкие дивизии, а также остатки разбитых венгерских войск. Как боевая единица АРМИР перестала существовать. Она потеряла более половины личного состава, почти всю военную технику и снаряжение. На многие десятки километров растянулись по заснеженной степи колонны замерзших, измученных и голодных людей, едва надеявшихся увидеть когда-либо вновь родную солнечную Италию. Отступление превратилось в хаотичное, беспорядочное бегство, подразделения разваливались на глазах, солдаты отказывались слушать приказы командиров и все чаще промышляли мародерством, раненые оставались умирать на дорогах. Многие бежали куда глаза глядят, проклиная дуче и все его начинания.

Муссолини был одним из немногих в фашистской верхушке, кто знал о подлинных масштабах трагедии. 16 февраля он получил от Гитлера злобное письмо, в котором фюрер обвинял итальянцев в слабости и язвительно предлагал использовать остатки разгромленной армии для охраны коммуникаций в районе Гомеля. Эти функции выполняли недавно сформированные из новобранцев немецкие части. Трудно было придумать что-

либо более унижительное для «цвета итальянской армии», и Муссолини демонстративно отказался.

У дуче никогда не хватало мужества сообщить итальянцам правду о положении дел на фронтах. Пожалуй, ему это даже в голову не приходило. Дозы и содержание оперативной информации для населения определялись им лично, репортерам оставалось лишь подать их в соответствующей «упаковке». 24 января в газетах были помещены огромные заголовки о потоплении 4 английских кораблей, но из той же сводки итальянцы узнали о сдаче Триполи — последнего колониального владения королевства, завоеванного еще до прихода фашизма к власти.

«Меня охватило постоянное и все усиливавшееся предчувствие кризиса, которому суждено было погубить меня» — так Муссолини описывал свое состояние в начале 1943 года. В середине января он уехал в «Рокка деле Камминате»: новый приступ язвенной болезни был столь силен, что дуче даже отказывался просматривать почту. Вернувшись в Рим, он произвел очередную «смену караула»: прогермански настроенный генерал Каваллеро был заменен на посту начальника генштаба монархистом Амброзио, который сразу потребовал в пику гитлеровцам вернуть в Италию все дивизии, разбросанные на обширной территории от Греции до Ниццы. Своих постов лишились министр национального воспитания Боттаи, министр юстиции Гранди, министр корпораций Риччи и некоторые другие. Этой перетряской дуче надеялся сбить нараставшее недовольство общим развалом дел в стране, а также убрать из правительства «пораженцев и ворчунов».

«Чем бы ты теперь хотел заняться?» — таким вопросом Муссолини встретил своего зятя вечером 5 февраля 1943 года. Для Чиано отставка была неожиданной, но нельзя сказать, чтобы она его очень расстроила. «Баловень фашистского режима» уже не раз задумывался над ближайшими перспективами Италии и все больше утверждался в мысли о необходимости радикальной переориентации. Невозможность ее осуществления повергала некогда всемогущего Чиано в глубокое уныние. В декабре 1942 года американский журнал «Лайф» поместил статью, в которой анализировались умонастроения в итальянской фашистской верхушке. Речь шла о том, что крупные промышленники, финансисты, часть генералитета и аристократии, возглавляемые графом Вольпи, сенатором Пирелли, графом Чиано, вынашивают идею освободиться от Муссолини, чтобы сохранить саму фашистскую систему и переориентироваться на союзников. Дуче знал об этой статье, нутром хищника чувствовал опасность, но с зятем предпочитал эту тему не обсуждать. Чиано выбрал для себя удобный пост посла фашистской Италии при Ватикане.

Между тем донесения полицейских агентов о подозрительных встречах и деятельности иерархов становились все тревожнее, а симптомы нарастания в стране массового недовольства фашистским режимом и лично дуче — все ощутимее. Оснований для этого было немало. Попытки оглушить людей газетной трескотней об успехах и скрыть реальное положение дел оказывались безуспешными. Слухи о поражениях и тяжелых потерях проникали в Италию, становясь источником страха и зарождающейся ненависти. «Ни усилия газет и журналов, ни радиопропаганда не приносят более желаемых

результатов в попытке ободрить, поднять дух населения. Люди верят только правде фактов», — признавал миланский квестор в своем донесении начальнику полиции в апреле 1941 года. С мест раздавался дружный хор осведомителей, сообщавших о «враждебной реакции на официальную пропаганду», о «негативном воздействии» на население маниакального стремления средств массовой информации «презирать врага, недооценивать его, преувеличивать наши силы и достижения» (1, 2).

Усиливавшееся недовольство режимом часто персонифицировалось на самом дуче и высших иерархах, которых обвиняли во всех неудачах и тяготах, обрушившихся на страну. «Повсюду слышатся причитания, — сообщал римский квестор, — о том, что Страной больше некому управлять, что повсеместно господствует беспорядок и коррупция, что все институты Режима не достигли своих целей, поскольку во главе их стоят невежественные и нечестные люди». «По поводу Партии отмечают, — невольно вторил коллеге квестор Палермо, — что она не предприняла ничего существенного в этот ответственный момент и не смогла воспитать новое сознание даже у молодежи» (1, 97).

Самые острые стрелы критики были направлены в диктатора, олицетворявшего собой саму систему итальянского фашизма. Миф о «сверхчеловеке», ниспосланном Италии «провидением», лопнул как мыльный пузырь. Дуче, который «всегда прав», оказался виновником бедствий миллионов. «Все говорят плохо о Муссолини, — сообщал в Париж подпольный корреспондент коммунистов. — Женщины называют его «этот негодяй, этот убийца, этот предатель». Общее недовольство выливается против войны, от которой все ждут неприят-

ностей, против Муссолини и против немцев, которые хотят стать хозяевами в Италии». О росте ненависти к Муссолини доносили и полицейские агенты. Вот выдержки из этих документов: «Вина за нынешнее положение страны сегодня больше, чем когда бы то ни было, возлагается на Дуче., который потерял былую популярность»; «Вера в Дуче уже не является слепой и абсолютной. Именно на него возлагают вину за то, что страна доведена до такого состояния».

А состояние дел было действительно серьезным. Экономика Италии не выдержала напряжения военного времени. Политика автаркии кончилась крахом. Страна испытывала нехватку промышленного сырья и продовольствия, многие предприятия работали не на полную мощность, набирала темпы инфляция. Попытки правительства затормозить рост цен успеха не имели. В течение 1941 года в стране была введена карточная система на основные продукты питания и предметы первой необходимости. Осенью 1941 года норма выдачи хлеба на одного человека составляла 200 г в день, в 1942 году она была сокращена до 150 г. Муссолини по этому поводу лишь мрачно заметил, что наконец-то он сможет «увидеть выражение страдания на лицах итальянцев». Карточная система была малоэффективным уравнильным средством, так как процветал «черный рынок». По свидетельству полицейского комиссара Милана, продовольственные трудности возникали не только из-за нехватки продуктов, но и вследствие «потрясающего беспорядка в их распределении». Зачастую этот беспорядок создавался умышленно в целях поощрения коррупции и воровства. Сами продукты все чаще оказывались низкого качества: хлеб был смешан с

чечевицей, оливковое масло с кукурузным, даже фрукты и овощи стали нередко продаваться испорченными. Дело дошло до того, что весной 1942 года правительство призвало население раскопать городские скверы под огороды. Положение усугублялось острой нехваткой предметов первой необходимости, реквизициями изделий из натуральных волокон и металлов, запретом на продажу изделий из шерсти. У текстильных магазинов и продовольственных лавок выстроились длинные очереди.

Горячее возмущение итальянцев вызывало и поведение гитлеровских солдат, наводнивших страну. В 1942 году многие квесторы сообщали об участившихся случаях изнасилования ими женщин, драками между немцами и итальянцами, особенно моряками, о многочисленных фактах пренебрежительного отношения гитлеровцев к стране, ее традициям, обычаям, людям. Чаще всего подвергалась насмешкам боееспособность итальянской армии. Немцы не скрывали своего пренебрежения к итальянской военной машине, утверждая, что «в 1950 году, когда они займут Америку», итальянцы будут «с успехом продолжать бомбардировку Мальты». Это задевало кастовое самолюбие итальянского офицерства, рождало антигерманскую фронду в его среде.

Известия с фронтов действительно не внушали гордости за фашистскую армию и тем более не внушали радужных надежд. Прибытие транспортов с ранеными рождало бурю толков о полном уничтожении сухопутных частей, авиации и флота. Волны паники, прокатывавшиеся по городам во время налетов союзнической авиации, превратились в нескончаемый поток, усиливавшийся сообщениями английского радио о том, что бомбарди-

ровки будут становиться все мощнее и чаще. В адрес фашистских властей, не обеспечивших города надежной защитой, раздавалась сильная брань населения. Катастрофически не хватало зенитной артиллерии, истребительной авиации, бомбоубежищ, средств индивидуальной защиты, мест в больницах и госпиталях. «Непреодолимый страх перед воздушными бомбардировками и известия о большом ущербе, причиненном Генуе и Турину, взорвали нервное состояние населения и побудили десятки тысяч людей воспользоваться любым средством для бегства из города. Поезда переполнены невероятно, трамваи и междугородные автобусы берутся штурмом, автофургоны и автомобили, телеги и повозки, запряженные животными, ручные тележки, заполненные мебелью и домашним скарбом, — все это, сосредоточенное на окраинных улицах и дорогах, ведущих в прилегающие провинции, — свидетельство небывалой паники среди населения» — такую картину рисовал миланский квестор в ноябре 1942 года (1, 68).

Весной 1943 года на родину стали прибывать оставшиеся в живых солдаты и офицеры АРМИР. Они привозили не только горечь от бессмысленно пережитых страданий и потерь, но и ненависть к тем, кто искалечил их судьбы. Несмотря на жесткие приказы скрывать действительные масштабы катастрофы, многие солдаты рассказывали правду, передававшуюся из уст в уста и становившуюся дополнительным катализатором антивоенных и антифашистских настроений. Другие «красноречиво» молчали.

Судорожные попытки правительства поднять дух населения не имели успеха даже в среде самих фашистов. Особые надежды возлагались на праз-

днование 20-летия так называемой «фашистской революции». Праздника, однако, не получилось. Почти повсюду это мероприятие носило чисто формальный характер, прошло «вяло и холодно», или было вовсе проигнорировано людьми.

Массовым и повсеместным стал отказ молодежи от вступления в фашистскую милицию. Разваливалась и сама фашистская партия. «Не менее 50 процентов членов Партии... отказываются возобновить свое членство, — сообщал квестор Болоньи, — пропагандистская работа по набору членов, развернутая Милицией в различных коммунах провинции, окончилась совершенно безрезультатно». В годы войны в печати неоднократно сообщалось о групповых исключениях из партии, а в мае 1942 года фашистское руководство было вынуждено провести чистку, в результате которой более 60 тысяч человек лишились партбилетов.

Война быстро развеяла и насаждавшийся долгие годы корпоративный миф. В условиях острого дефицита и распределительной системы корпорации превратились в настоящие монополистические объединения, руководимые крупными иерархами и потому гарантированные от всякого контроля. Они действовали совершенно безнаказанно, используя корпоративные законы как ширму для прикрытия своей алчности. По этому поводу палермский квестор Лауричелла был предельно откровенен в своем докладе начальнику полиции. «Корпорации, — писал он, — представляют собой громоздкое сооружение, более чем ненужное, опасное, ибо оно очень дорогостоящее и ставящее палки в колеса свободному развитию и любой честной инициативе».

Эти идеи стали все чаще появляться на страницах молодежной нонконформистской печати. По

итальянским университетам прокатилась мощная волна студенческой фронды. Критически мыслящая молодежь воспользовалась стремлением официальной пропаганды приписать войне социальные аспекты. В статьях и выступлениях молодых диссидентов акцентировалось внимание трудящихся на необходимости быть бдительными, дабы не позволить вырвать у себя «плоды неизбежной победы». На фоне стремительно ухудшавшегося экономического положения и следовавших одна за другой военных неудач эти призывы звучали весьма двусмысленно. Они заставляли задуматься над возможностью «победы» как таковой, что, в свою очередь, приводило к целой цепочке рассуждений антивоенного и антифашистского толка. Дело кончилось тем, что в начале 1943 года все университетские журналы по распоряжению Муссолини были закрыты. Многие фронтеры еще не помышляли об активной антифашистской деятельности, так как между неприятием, словесной критикой и активными выступлениями, направленными на подрыв и свержение господствующего режима, — путь неблизкий. Однако именно в 1942-м — первой половине 1943 года протест масс против фашистского режима и войны постепенно приобрел открытый и организованный характер.

В 1942 году по стране прокатилась мощная волна рабочих выступлений, в ходе которых наряду с экономическими требованиями звучали и антивоенные лозунги. В марте 1943 года коммунисты организовали всеобщую забастовку на Севере Италии, в которой участвовало более 300 тысяч человек. Они требовали увеличения заработной платы, а также открыто осуждали фашизм и затеянную им войну. В личном послании к дуче один

из его сподвижников, Федерцони, так описывал ситуацию в Милане: «Если тебе будут говорить, что движение носило экономический характер, — то это ложь... Партия отсутствует, она бессильна... Творится что-то невообразимое... Повсюду — в трамваях, в кафе, театрах и кино, в поездах, в бомбоубежищах — критикуют и ругают режим и адресуют свои выпады не против того или иного партийного руководителя, а против дуче. Самое серьезное, что никто против этого не протестует» (81, 311). Муссолини рвал и метал. На подавление стачки была брошена полиция, однако применить войска власти все же не решились.

Внутри страны заметно активизировалась деятельность антифашистских партий. Осенью 1942 года в Северной Италии стали возникать межпартийные органы под названием «комитеты национального фронта». Вместе с коммунистами в них входили представители социалистической партии, движения «Справедливость и Свобода», а также либеральной и христианско-демократической партий. В 1943 году антифашистская борьба развернулась на всем Апеннинском полуострове, захватив даже самые отдаленные городки и поселки.

Дуче был не на шутку перепуган. Он грозился устроить после войны «тоталитарный мир» и распорядился подготовить списки тех, кто подлежал репрессиям. Сенизе был уволен с поста начальника полиции за недостаточное рвение при подавлении рабочей забастовки. «Если бы полицейские броневики открыли огонь из пулеметов, — распаялся Муссолини, — всю ответственность за это я сразу принял бы на себя». Лишился своего поста и секретарь фашистской партии Видуссони. Его место занял старый сквадрист К. Скорца.

Событиями в Италии были встревожены и в Берлине. Гитлер располагал достоверной информацией о положении дел и в начале апреля предложил дуче встретиться для беседы. Муссолини не хотелось ехать. Еще летом 1941 года он откровенно признался Чиано: «Лично мне претят и Гитлер и его манеры. И что это за беседы, если в течение пяти часов я должен выслушивать довольно скучный и бесполезный монолог». Но не ехать он не мог. Внутреннее чутье подсказывало стареющему диктатору, что развязка была близка, и Гитлер был его последней надеждой.

Их встреча состоялась в замке Клессхейм близ Зальцбурга. Дуче что-то невразумительно мямлил насчет сепаратного мира на Востоке, а фюрер пытался уверить его в скорой победе. Когда Гитлер и Муссолини спускались по лестнице после окончания переговоров, они выглядели как два трупа. Во всяком случае, именно так их впоследствии описывали очевидцы. И все же, по словам Геббельса, фюреру удалось встряхнуть дуче, который «хорошо понимает, что для него нет другого выхода, кроме как победить или умереть вместе с нами». А чтобы не умереть раньше положенного, Муссолини заручился обещанием Гиммлера обучить и полностью экипировать для его личной охраны специальную дивизию по типу СС. «Дивизия М» (Муссолини), сформированная под надзором эсэсовцев из отборных чернорубашечников и вооруженная современным оружием, включая 32 танка «тигр», вскоре была размещена в 40 км от Рима.

5 мая 1943 года дуче в последний раз выступал с балкона палаццо «Венеция». Понурая, жиденькая толпа вяло приветствовала диктатора, обещавшего скорую победу и райские кущи. А ровно через

неделю в Тунисе капитулировала 150-тысячная армия под командованием генерала Мессе. Военные действия фашистских войск в Северной Африке прекратились. Стало ясно, что следующий удар будет нанесен уже по территории самой Италии. Но где?

Гитлер высказал предположение, что англо-американцы в первую очередь высадятся на Сардинии. Муссолини думал иначе. Он рассчитывал, что союзники попробуют захватить сначала Сицилию, потом Сардинию, а затем двинутся на южное побережье Франции. В глубине души он лелеял эту мысль, боясь хоть на мгновение представить, что может быть иначе, что следующим объектом удара станет сам Апеннинский полуостров.

Поначалу казалось, что его расчеты оказались верны. В начале июня союзники без боя овладели сильно укрепленной крепостью на острове Пантеллерия, и путь на Сицилию оказался открыт. 10 июля англо-американский морской десант начал операцию по захвату острова и в течение нескольких недель целиком овладел им. Части береговой охраны были набраны из резервистов, разбежавшихся по домам при появлении английской эскадры. Итальянские солдаты не желали воевать и целыми соединениями сдавались в плен. В ответ на отчаянные просьбы дуче помочь авиацией Гитлер прислал резкую отповедь, обвиняя итальянцев в неумении и нежелании сражаться.

Наивно было обращаться к нему с такой просьбой: все силы Германии были брошены в битву под Курском. Более того, итальянские правящие круги даже не предполагали, что по личному указанию фюрера германский генштаб в глубокой тайне занимался ускоренной разработкой плана

оккупации Италии под условным названием «Аларих». Гитлер отчетливо понимал, что из бастиона, пусть слабого, но все же прикрывавшего южный фланг германской агрессии, Италия окончательно превратилась в обузу. Он настоятельно рекомендовал дуче жесткой рукой навести в стране порядок и указывал на опасность германофобских настроений в его ближайшем окружении. Фюрер переслал Муссолини копию телеграммы А. Даллеса, шефа американской стратегической разведки в Европе, перехваченной службой Риббентропа. Даллес информировал свое правительство о созревании в Италии заговора против дуче, в котором участвуют Чиано, Гранди, Бадольо и другие высокопоставленные лица.

Это был уже не первый сигнал. Полицейские осведомители ежедневно докладывали дуче о подозрительном поведении и разговорах иерархов. Чиано, не таясь, болтал о вине Муссолини на площадках для гольфа и в великосветских салонах, Гранди искал контакты с королевской свитой, Боттаи вслух рассуждал о необходимости спасения режима за счет пожертвования Муссолини. В марте 1943 года Чиано и Гранди вступили в прямой контакт с английским послом при Ватикане Осборном.

Дуче не верил в серьезность намерений своих приспешников. «Стоит мне свистнуть, — уверенно заявлял он, — и они мне мигом зааплодируют». Но в том-то и дело, что аплодировать было уже некому. Позже, в 1944 году, Муссолини попытался представить «заговор иерархов» неожиданным для себя, но он не мог не знать о фрондизме Чиано и его англофильских настроениях. В июле 1941 года его предупредил об этом сам Виктор-Эммануил. Дуче нередко выговаривал зятю за чрезмерную,

бьющую в глаза роскошь, донжуанство, снобизм, но это были отеческие внушения. Сведения агентов Чиано отрицал, а Муссолини делал вид, что верит его оправданиям.

Душой заговора иерархов был Дино Гранди — холерный, амбициозный, импозантный интеллектуал с изысканными манерами, выигрышно выделявшийся в толпе серых фашистских заправил. 3 июня он приватно беседовал с королем, недвусмысленно предлагая ему избавиться от Муссолини. Виктор-Эммануил дал понять, что может воспользоваться лишь конституционными средствами, то есть решением Большого фашистского совета, дающим ему право на смещение главы кабинета. Гранди остался очень доволен разговором, решив, что новым премьер-министром станет он сам. Однако у короля были иные планы.

Виктор-Эммануил давно вынашивал идею сместить Муссолини, но рассчитывал опереться при этом на другие силы: аристократию и генералитет. Он очень боялся своего грозного «слугу» и стоявших за его спиной германских фашистов, но еще больше — тех потрясений, которые могли быть спровоцированы известием об отставке дуче. Своих опасений король не выдавал, так как имел обыкновение с усталым, скучающим видом выслушивать собеседника и соглашаться с тем, что ему говорили.

Однако весной — летом 1943 года среди приближенных он начал высказываться в том смысле, что «дуче сильно деградировал» и что разумнее было бы заключить сепаратный мир на Западе, а не на Востоке. Вскоре король стал центром военномонархического заговора против Муссолини, в который входили маршал П. Бадольо, начальник

генштаба генерал В. Амброзио, министр двора герцог Аквароне, многие крупные чины армии и полиции. О нем были осведомлены видные прелаты и Ватикан. В начале июня 1943 года герцог Аквароне предлагал немедленно арестовать Муссолини, но король не дал своего согласия, предпочитая дождаться более благоприятного момента. Природная осторожность сочеталась у Виктора-Эммануила с трусостью, поэтому он привык идти на поводу у событий, не пытаясь радикально влиять на них. Лишь 15 июля он принял на своей вилле маршала Бадольо и старого либерального деятеля И. Бономи, согласовав с ними формулу будущего кабинета.

Действиям заговорщиков придавала уверенность негласная поддержка со стороны крупных промышленников и финансистов. 19 июня на заседании правительства вдруг попросил слова министр путей сообщения видный предприниматель Чини. Его смелая речь шокировала Муссолини и всех собравшихся. Чини потребовал широкого обсуждения реального положения дел в стране и перспектив выхода Италии из войны. Придя в себя от неожиданности, дуче закрыл заседание и на следующий день принял отставку «зарвавшегося министра». Этот незначительный на первый взгляд эпизод говорил о многом. На устах Чини были требования военно-промышленных и финансовых кругов, стремившихся свалить на Муссолини всю вину за происходящее и избавиться от него. Дуче отказали в поддержке те самые силы, которые допустили его к власти и вдохновляли многие его начинания. Они были рядом с ним лишь до тех пор, пока Муссолини сопутствовал успех.

Обладая тонким политическим чутьем, дуче понимал, что тучи над ним сгущаются. 24 июня,

выступая перед фашистскими главарями, он пытался в завуалированной форме даже угрожать заговорщикам, но скрытые угрозы остались риторикой, а утверждения, будто союзники непременно разрушат итальянскую промышленность, звучали как детский лепет. Подозревая фашистских иерархов, Муссолини, видимо, действительно не располагал достоверной информацией о параллельном, военно-монархическом заговоре. Но он должен был предполагать неладное и уж наверняка не был столь наивен, как пытался изобразить впоследствии.

За несколько дней до решающих событий благосклонная фортуна предоставила дуче последний шанс изменить ситуацию. 16 июля фашистские главари потребовали собрать БФС для широкого обсуждения положения дел, а через два дня германский посол Маккензен передал Муссолини срочное приглашение на встречу с Гитлером в Фельтре. Эта встреча не входила в планы заговорщиков и вызвала среди них некоторое замешательство. Ведь стоило Муссолини хотя бы намекнуть Гитлеру на необходимость вмешательства, как фюрер принял бы экстренные меры.

По дороге в Фельтре сопровождавший дуче генерал Амброзио предпринял последнюю попытку изменить ситуацию: он настоятельно убеждал Муссолини поставить Гитлера перед фактом выхода Италии из войны в течение 15 дней. Но дуче не понял внутреннего смысла этого демарша и не осмелился перечить Гитлеру. Фюрер по обыкновению много говорил, кричал, срываясь на истерику, требовал дополнительных усилий, мобилизаций и завинчивания гаек. Под шквалом сыпавшихся на него обвинений дуче угромо молчал. Он мысленно

радовался тому, что отказался от услуг переводчика: уж очень не хотелось ему иметь лишнего свидетеля своего унижения. Наконец фюрер замолк и даже пообещал немного помочь материалами и военной техникой. На том диктаторы и расстались.

Муссолини стоял на аэродроме с поднятой в фашистском приветствии рукой до тех пор, пока самолет Гитлера не скрылся из виду, а затем повернулся к своей свите и с победным видом заявил, что фюрер обещал предоставить Италии все необходимое для продолжения войны. Амброзио прошептал стоявшему рядом Бастианини: «Он все еще живет иллюзиями и не принимает всерьез мои слова. Но это же сумасшествие, говорю тебе, подлинное сумасшествие!» (2, 121). Генерал был прав лишь отчасти: Муссолини не внял его совету, так как обратного пути для него уже не было. Накрепко связав себя с нацизмом, дуче понимал, что проявление нерешительности будет истолковано как предательство и неминуемо повлечет за собой тяжелые последствия, вплоть до оккупации страны. Тем не менее последний шанс был упущен, а судьба Муссолини предрешена.

Во время переговоров в Фельтре произошло еще одно событие, побудившее заговорщиков к решительным действиям, — союзническая авиация впервые бомбила Рим. За три часа на город было совершено четыре массированных налета, но ни один самолет противника не был сбит. Около 1400 римлян погибло, 6 тысяч были ранены, многие здания превратились в руины.

На следующий же день король Виктор-Эммануил поручил генералам Амброзио, Карбони и Кастеллано принять меры по устранению Муссоли-

ни. На случай сопротивления чернорубашечников Амброзио начал стягивать к Риму верные монархии войска, а бывший начальник полиции Сенизе отработывал детали ареста диктатора. В планы заговорщиков был посвящен и начальник корпуса карабинеров генерал Черика, так как именно карабинеры должны были арестовать дуче. Акция была намечена на понедельник 26 июля, когда премьер по традиции должен был явиться для доклада королю.

Никто из фашистских иерархов об этом не знал. Они готовились к атаке на Муссолини в ходе назначенного на 24 июля заседания БФС. Гранди сочинил проект резолюции, в соответствии с которым Муссолини должен был передать королю должность главнокомандующего итальянской армией и «высшую инициативу в принятии решений». Имя дуче в резолюции не упоминалось, а смысл ее сводился к тому, чтобы король взял в свои руки всю полноту власти в стране в соответствии со статьей 5 итальянской конституции. Об устранении дуче с остальных постов, в том числе премьер-министра и главы БФС, не было и речи. Одну из копий резолюции Гранди направил королю, а другую через секретаря фашистской партии Скорца передал Муссолини. Окончательный текст документа был согласован между Гранди, Чиано, Федерцони и Боттаи вечером 23 июля. Поставив в известность короля, заговорщики рассчитывали на получение министерских портфелей в новом правительстве. Известив Муссолини, они давали ему шанс уйти безнаказанно.

Дуче отверг проект как «неприемлемый». Гранди согласился его доработать и предложил перенести срок заседания БФС. Но Муссолини отказался

сделать и это. Он решил во что бы то ни стало ускорить развязку.

Утром 24 июля Скорца информировал дуче о заговоре генералов и о решении короля назначить новым премьер-министром маршала Бадольо. Раке-ле со слезами на глазах пыталась убедить мужа принять дополнительные меры предосторожности. Даже когда она сообщила, что заместитель министра иностранных дел Бастианини подготовил 11 паспортов для заговорщиков на случай бегства за границу, Муссолини оставался упрямо глух и слеп. Он механически твердил, что ему следует опасаться только американских танков, а вечером состоится лишь обычная встреча и беседа товарищей. В тот же день тайком от мужа Раке-ле встретила с доверенным лицом Гимmlера полковником Дольманом и поведала ему о планах заговорщиков.

Муссолини мог нанести удар иерархам и генералам даже без помощи немцев. Почему он не сделал этого? Видимо, не только потому, что не был кровожадным, как писали впоследствии многие авторы. Дуче никогда прежде не проявлял колебаний в борьбе с политическими противниками. И хотя он справлялся с ними не так жестоко, как Гитлер и Сталин, решимости ему было не занимать. Дело, вероятно, в другом. Муссолини не хотел вступать в борьбу. До сих пор он ощущал свою силу и опирался на мощную поддержку созданного им полицейского государства, партии, многих представителей имущего класса, генералитета, отдельных социальных слоев и групп. Теперь же этой могучей поддержки не было. Дуче вдруг ощутил вокруг себя пустоту. В стане противника оказались даже бывшие соратники. Земному «полубогу» был непривычен этот мертвящий душу

вакуум, и он покорно брел навстречу судьбе, ведомый, словно бычок на заклятие, сознанием неотвратимости происходящего. Как никто другой, он понимал, что арест заговорщиков мог лишь продлить агонию и отсрочить печальный финал, но не предотвратить его. И это сознание парализовывало его волю и способность к борьбе.

На закате дня 24 июля в знойной атмосфере Рима чувствовалась какая-то напряженность, «гнетущая тяжесть неизбежного висела в воздухе». Так Муссолини напишет через год в своих скороспелых мемуарах. На самом же деле Рим ничего не знал о готовившемся перевороте и жил своей обычной жизнью.

Большой фашистский совет не собирался уже 3,5 года. Вопреки традиции его заседание решено было открыть в 17.00, так как оно предполагалось долгим. Все 28 членов были одеты в черные рубашки и сапоги. Накануне Гранди, Чиано и Федерцони на всякий случай исповедовались и составили завещания. Гранди прихватил с собой на заседание пару ручных гранат, одну из которых под столом передал Де Векки. Облаченный в форму «почетного капрала» фашистской милиции, Муссолини сидел во главе стола, по обеим сторонам которого расположились члены совета. На их нахмуренных лицах трудно было обнаружить что-либо, похожее на сочувствие или дружелюбие. О былом подобострастии не было и речи. Один и тот же вопрос мучил собравшихся: можно ли сохранить режим, пожертвовав Муссолини?

Дуче выглядел больным и усталым. Он открыл заседание и, прихлебывая молоко, начал говорить. В зале не было ни стенографисток, ни «мушкетеров дуче», хотя сам дворец был набит вооруженными

ми фашистами и полицейскими агентами в штатском. В течение двух часов Муссолини всячески пытался оправдаться, хотя его никто об этом не просил. В военных неудачах он обвинял всех: генштаб, Бадольо, Роммеля, солдат, сицилийцев, уверял, что сам он не может нести ответственности за поражения, так как никогда не осуществлял технического руководства операциями. Муссолини судорожно перечислял сотни тонн грузов, полученные из Германии, говорил, что еще не все потеряно и у него есть средство, якобы позволяющее разом решить все проблемы¹. «Мне 60 лет, — наконец произнес он устало (раньше дуче никогда не упоминал свой возраст). — Я могу смотреть на эти 20 лет как на восхитительное приключение, которое сейчас завершилось. В создавшихся условиях я мог бы подумать о том, чтобы положить ему конец, но я не сделаю этого. Король, как, впрочем, и народ, на моей стороне». Не исключено, что он все еще действительно верил в это. Если же меня не станет, продолжил дуче, в стране начнутся хаос и беспорядки, которые будут иметь катастрофические последствия. В этот момент начальник штаба фашистской милиции генерал Гальбиати внезапно поднялся и покинул комнату. Заговорщики с тревогой переглянулись: ни у кого из них не было уверенности в том, что Гальбиати отправился не за своими головорезами. Генерал действительно шепотом предлагал дуче вызвать охрану и перестрелять предателей, но дуче лишь безразлично отмахнулся.

---

¹ Дуче имел в виду новую кампанию социальной демагогии, что он и пытался осуществить позднее.

Когда Муссолини замолк, слово взяли военные и попытались выгородить генштаб. Но главный удар был еще впереди. Его нанес Гранди. Он обвинил Муссолини в полной некомпетентности и зачитал свою резолюцию. Ему вторил Чиано — человек, который всем был обязан дуче, всячески ему подражал и никогда всерьез не перечил. В защиту Муссолини выступил лишь «упрямый» Фариначчи, а затем вновь хлынул поток обвинений.

Дуче угрюмо молчал, лишь изредка бросая злобные реплики. Впоследствии Гранди высказал предположение, что внутренне он был согласен с обвинителями и в тот момент его единственным желанием было уйти на отдых в «Рокка делле Камминате». Но Муссолини не мог добровольно сложить с себя полномочия. 20 лет обладая властью и бесконтрольно распоряжаясь ею, он уже не мыслил себя вне этой власти, он привык к ней, поэтому принять решение об уходе самому в тот миг было ему не по силам.

Заседание затянулось далеко за полночь, но страсти не стихали. Наконец с ведома Муссолини Скорца предложил перенести дебаты на следующий день. Гранди почуял опасность и потребовал поставить резолюцию на голосование немедленно. Его итог был предрешен заранее: «за» проголосовало 19 человек, «против» — 8. «Вы вызвали кризис фашистского режима», — устало констатировал дуче и встал из-за стола. Заговорщики вышли из зала, оглушенные всем происшедшим и слегка удивленные тем, что все еще не были арестованы. А Муссолини уже набирал номер телефона Кларетты Петацчи: «Звезда померкла», — вяло промямлил он в трубку и в сопровождении Скорца отправился домой.

Глубокой ночью сразу после заседания Гранди встретился с герцогом Аквароне в доме маркиза Дзамбони и информировал его о происшедшем. Только тут честолюбивый фашист понял, что его мечтам о занятии поста Муссолини не суждено было сбыться. Быстро оценив ситуацию, он сбрил бороду, нацепил темные очки и с поддельным паспортом на имя Доменико Галли бежал в Испанию, а затем в Португалию.

Граф Галеаццо Чиано не сумел проявить такой завидной прыти. Поначалу он отсиживался дома, также намереваясь бежать в Испанию, а затем связался с немцами и попросил их о помощи. Чиано удалось обмануть следивших за его домом агентов полиции и на машине с дипломатическими номерами покинуть Рим. Вместе с семьей он был доставлен на немецком самолете в Мюнхен и лишь там сообразил, что угодил в ловушку.

25 июля стало днем кульминации личной драмы Муссолини. Из всемогущего дуче он превратился в отставного диктатора, безропотно принявшего свое поражение. Большинство же итальянцев в этот день впервые за весь период «черного 20-летия» полной грудью вдохнули освежающий воздух свободы.

В 9 утра Муссолини, как обычно, уже сидел в своем рабочем кабинете. Первое известие было малозначимым, но приятным: Скорца сообщил, что министр корпораций Т. Чианетти, голосовавший за резолюцию Гранди, отозвал свой голос и оставил письмо с извинениями за горячность и просьбой вернуть его на должность артиллерийского капитана. По словам фашистского секретаря, некоторые другие члены БФС также испытывали колебания. Дуче злорадно усмехнулся: крысы бежали с тону-

щего корабля, а теперь просят обратно. Он отдал приказ разыскать и арестовать Гранди, а своего личного секретаря Де Стефани попросил договориться о внеочередном приеме у короля вечером того же дня. Вскоре был получен ответ: от имени Виктора-Эммануила генерал Пунтони пригласил Муссолини явиться во дворец «Савойя» к 17.00 в гражданском платье.

В полдень дуче принял нового японского посла Хидаку и в течение часа обсуждал с ним военно-политическую ситуацию. Он заявил послу, что твердо намерен поставить перед Гитлером вопрос о прекращении военных действий на Восточном фронте, и выразил пожелание, чтобы Япония поддержала этот демарш. Затем он отправился с генералом Гальбиати осматривать Тибуртинский район Рима, сильно пострадавший в результате недавней бомбардировки.

Узнав за обедом о намерении мужа отправиться к королю, Ракеле попыталась убедить его не делать этого, но дуче был по-прежнему неумолим. Отправляясь во дворец, он прихватил с собой свод итальянских законов, чтобы напомнить Виктору-Эммануилу о совещательной роли БФС, решения которого не имели законодательной силы. Видимо, Муссолини в самом деле рассчитывал на поддержку короля. Внутренне он был готов к малоприятному объяснению и уступкам, но возможности ареста все-таки не предполагал.

Дворец монарха не лучшее место для арестов, но выбора у заговорщиков уже не было. Муссолини сам ускорил развязку, напросившись на неофициальную встречу.

В 16.55 черный лимузин премьера подкатил к парадному входу во дворец и плавно затормозил.

Вокруг толклось немало карабинеров, в холле дежурили два офицера. Король в маршальском мундире встретил диктатора на лестнице и предложил пройти в зал. «Их отношения всегда были сердечными, но не дружескими» — так Муссолини напишет через год. Но «сердечными» они были только с виду, да и то не всегда. Откровенничая с Чиано, дуче не раз повторял, что устал от монархии, что она напоминает ему пустые вагоны поезда, которые давно следует отцепить. Теперь он сам оказался именно в таком положении. Король, 20 лет не смевавший перечить дуче, презиравший и боявшийся его, лишь в последние дни вновь ощутил себя монархом. Страх перед диктатором миновал, но «на всякий случай» Виктор-Эммануил предложил генералу Пунтони остаться за дверью зала во время аудиенции.

«Мой дорогой дуче», — начал он и запнулся. Фраза повисла в воздухе, так как прежде король избегал называть Муссолини «дуче», предпочитая обращение «*presidente*» (в данном случае — «председатель», «глава»). «Дальше так продолжаться не может, — вкрадчиво произнес монарх. — Италия поставлена на колени, ее армия разбита, а солдаты не желают больше сражаться за вас. Альпийские стрелки даже распевают песню о том, что им «надоела война Муссолини». И дребезжащим, старческим голосом король прогнусавил на пьемонтском диалекте несколько куплетов этой песни, припев которой заканчивался словами: «Долой дуче, убийцу альпийских стрелков». «Надеюсь, вы не испытываете иллюзий в отношении того, как к вам относятся итальянцы. Вы самый ненавистный человек в Италии. У вас нет ни одного друга, кроме меня. О своей безопасности можете не беспокоить».

ся. Я позабочусь об этом. Я решил, что маршал Бадольо — это тот человек, который сейчас нужен стране». Дуче вяло выразил опасение, что его уход спровоцирует беспорядки в стране, но король уже не слушал. Не прошло и получаса, как они расстались, «тепло» пожав друг другу руки на прощание.

При выходе из дворца Муссолини был остановлен капитаном карабинеров Виньери: «Его Величество поручил мне обеспечить вашу безопасность, дуче», — произнес он. «Но в этом нет необходимости, у меня есть собственная охрана», — возразил Муссолини. Однако капитан продолжал упорно настаивать на своем, указывая на стоявшую неподалеку санитарную машину с наглухо зашторенными окнами. Дуче пожал плечами и повиновался, однако, увидев внутри автомобиля вооруженных автоматами карабинеров, заколебался вновь. Тогда Виньери жестко взял его за локоть и подтолкнул внутрь. В тот же миг машина рванула с места и выехала из дворцового парка через запасный выезд. Охрана дуче так и не дождалась своего патрона. Санитарный автомобиль на большой скорости миновал несколько кварталов Рима и остановился во внутреннем дворе казармы карабинеров. Только тут Муссолини понял, что оказался под арестом.

В 22.45 по римскому радио было передано официальное сообщение о том, что король Виктор-Эммануил принял отставку с поста премьер-министра «кавалера Бенито Муссолини». Затем диктор прочитал два обращения к народу: короля и нового главы кабинета маршала Бадольо. В них было сказано, что «война продолжается» и Италия остается верной союзу с гитлеровской Германией.

В тот же вечер в Риме начались волнения. По мере того как сенсационное известие о падении

дуче распространялось по Апеннинам, на улицы выходили все новые и новые люди, с трудом верившие, что долгожданное событие свершилось. Однако гамма настроений и чувств, охвативших итальянцев, была довольно противоречивой: к радости освобождения примешивалась горечь от пережитого, надежда на лучшее будущее переплеталась с потаенным страхом перед ним, желание активно действовать наталкивалось на растерянность и недоумение. Глубокая ненависть и отвращение к фашизму наполняли общий порыв тех, кто свергал статуи Муссолини и сжигал его портреты, кто громил помещения фашистской партии и ее организаций, кто избивал фашистов, срывая с них значки и форму, кто участвовал в многотысячных митингах и демонстрациях, с жадностью внимая речам антифашистских ораторов.

Опасаясь за свою жизнь, многие фашистские функционеры обращались за помощью к полиции и карабинерам. Однако никто из них не пострадал, за исключением бывшего секретаря ПНФ Э. Мути, застреленного самими карабинерами при попытке к бегству из Рима.¹

В стране произошло именно то, чего так опасались участники военно-монархического заговора: волна народного гнева выплеснулась на улицы, грозя затопить и смести остатки прогнившего режима. Вышедшие из подполья антифашисты образовали в Риме комитет оппозиционных партий, в который вошли либералы, христианские демокра-

---

¹ Впоследствии этот факт был использован Муссолини для создания очередного мифа о «фашистском самопожертвовании», противопоставленном предательству иерархов.

ты, коммунисты, социалисты, члены Партии действия и партии «Демократия труда». 26 июля в городах Северной Италии стихийно началась всеобщая антифашистская забастовка, быстро перекинувшаяся в центральные районы. В тот же день в стране было введено военное положение, установлен комендантский час, а власть на местах передана военным штабам. На подавление народных выступлений были брошены регулярные армейские части, произведены массовые аресты антифашистов. Действия войск отличались жестокостью: десятки человек были убиты, сотни ранены, тысячи преданы суду военных трибуналов. 27 июля газеты опубликовали декреты о роспуске фашистской партии, ликвидации БФС, Особого трибунала, института фашистской культуры и других одиозных учреждений. Все эти меры были предприняты с единственной целью — пожертвовав фашизмом, сохранить власть в руках прежних правящих групп.

В те бурные дни ни один из «рыцарей дубинки и касторки» не шелохнулся в защиту «любимого дуче», которому еще не так давно все они клялись в преданности до гроба. Никому и в голову не пришло поднять по тревоге «дивизию М» или мобилизовать фашистскую милицию. На следующее утро после переворота в германское посольство, где как на иголках сидели Маккензен и Дольман, прибежал лишь трясущийся от страха Фариначчи, но не за помощью, а с просьбой немедленно отправить его в Германию.

Гитлер узнал о происшедшем вечером 25 июля. На следующий день он собрал генералов и сообщил им о своем твердом намерении оккупировать Италию. Вечером части вермахта начали пересекать

границу в Бренnero, и в течение месяца на Апеннины было введено дополнительно 7 германских дивизий. Они располагались таким образом, чтобы в случае необходимости можно было быстро установить контроль за жизненно важными объектами: электростанциями, туннелями, мостами, железнодорожными узлами и т. д. Авиадесантная дивизия генерала Штудента разместилась в непосредственной близости от Рима.

Став главой правительства, Бадольо изъявил желание встретиться с Гитлером, но фюрер категорически отказался. Он не доверял ни престарелому маршалу, ни его монарху и согласился лишь на консультативную встречу на уровне министров иностранных дел и начальников штабов. Она состоялась 6 августа в небольшом городке Тарвизио в области Венето.

Многочисленные уверения генерала Амброзио и нового министра иностранных дел Гуарилья не убедили проницательного Риббентропа и упрямого Кейтеля в «искреннем желании» Италии продолжать войну на стороне «оси». Ознакомившись с докладом Риббентропа, фюрер пришел к окончательному выводу о намерении Италии выйти из игры. Для него это было абсолютно неприемлемо, так как потеря Апеннин означала бы оголение южного фланга германской агрессии. Беседуя с Фариначчи и другими бежавшими в рейх фашистами, Гитлер понял, что адекватной замены Муссолини среди них нет. Кроме того, он не мог и не хотел отказать себе в удовольствии выступить в роли спасителя спесивого дуче. В конце августа он отдал приказ приступить к осуществлению разработанного генштабом плана по обнаружению и вызволению дуче под кодовым названием «Эйхе».

Среди многих претендентов на руководство этой операцией фюрер выбрал капитана СС Отто Скорцени, начальника отдела диверсий разведслужбы. Отменного телосложения, со шрамом на левой щеке, Скорцени уже снискал себе известность безрассудной храбростью, склонностью к авантюризму и личной преданностью вождю.

Опасения Гитлера по поводу подлинных намерений итальянских правящих кругов имели веские основания. Еще 31 июля на совещании у короля было принято решение о вступлении в секретные переговоры с представителями Объединенных Наций. Первые контакты с англичанами были установлены по дипломатическим каналам в Лиссабоне и Танжере. Информирова об этом президента Рузвельта, Черчилль отмечал, что предложение итальянцев выглядело как мольба о спасении Италии «от немцев и от нее самой», то есть от массовых народных выступлений, угрожавших существующей системе власти. 15 августа специальный посланник маршала Бадольо генерал Кастеллано встретился в Лиссабоне с начальником штаба англо-американских войск, действовавших в Средиземноморье, генералом Б. Смитом, который предъявил жесткие условия перемирия, сводившиеся к безоговорочной капитуляции. 3 сентября, когда союзнические войска, форсировав Мессинский пролив, начали высадку на юге Апеннинского полуострова, тайное перемирие было подписано. Король и Бадольо настоятельно требовали, чтобы официальное сообщение об этом было сделано лишь после высадки крупных контингентов — англо-американо-канадских войск на побережье Тирренского моря недалеко от Рима, а также выброски воздушного десанта в районе самой столицы. Коро-

левский двор и генералитет панически боялись мести со стороны нацистов, а на свои вооруженные силы уже не надеялись. Идя навстречу требованиям союзников, они согласились выдать им Муссолини.

Первая ночь, проведенная дуче в казарме карабинеров, была ужасной. Маясь от тревог и духоты, он почти не спал. О чем думал в ту ночь человек, провозгласивший себя полубогом, распорядившийся судьбами миллионов и в одночасье все потерявший? Может быть, вспоминал обжигающие пески Африки, в которых вязли умиравшие от жажды и болезней завоеватели империи, или заснеженные просторы России, где черными кочками оставались лежать вдоль дорог трупы погибших и замерзших солдат злополучной АРМИИ, или горные края Греции и Албании, обильно политые кровью итальянских стрелков? Может быть, перед его взором мысленно выстраивались голодные очереди горожан, стоявших за мизерной пайкой хлеба, или страдавшие от холода дети в неотапливаемых квартирах Севера, или что-либо еще, способное вызвать чувство сожаления и раскаяния?

Ничего подобного не было и в помине. В своем письме к сестре, ныне факсимильно воспроизведенном в ее книге «Мой брат Бенито», свергнутый диктатор писал: «Я считаю себя на три четверти трупом... Я ни о чем не жалею и ничего не хочу». Все, кто видел Муссолини после ареста, отмечают, что это был инертный, безропотный, покорный, не пытавшийся протестовать, безразличный ко всему человек, сломленный и увядший. Дуче мгновенно скис, ницшеанский «сверхчеловек» кончился. Подарок Гитлера к его 60-летию — 24-томное собрание сочинений Ницше в голубом переплете — вы-

глядел бы издевкой, если бы не был приготовлен заранее, еще до падения диктатора.

В первые дни после ареста Муссолини еще не представлял себе в полной мере опасности, которая ему угрожала. 26 июля он получил письмо от маршала Бадольо, в котором новый премьер уверял, будто изоляция дуче имеет целью лишь обеспечение его безопасности. Отчасти это соответствовало действительности, ибо итальянцы вряд ли стали бы церемониться с дуче, появившись он среди них в разгар антифашистских выступлений. В ответном послании Муссолини благодарил Бадольо за «заботу», выражал удовлетворение решением короля продолжать войну, заверял о своей лояльности и даже готовности оказать «любое посильное содействие», а в заключение изъявлял желание отправиться в «Рокка делле Камминате». Там жили его младшие дети Романо и Анна-Мария, а вскоре на виллу уехала и Ракеле, с которой Муссолини обменялся письмами.

Утром 27 июля в его комнату вошел шеф армейской полиции бригадный генерал Полито. Он предложил Муссолини собрать вещи и следовать за ним. Дуче был уверен, что они направляются именно в «Рокка делле Камминате», однако машина выехала на Аппиеву дорогу, которая вела в противоположную сторону. Полито не отрицал, что они едут на Юг. В порту города Гаэта пленника посадили в корвет «Персефона», который взял курс на остров Вентотене. В последний момент Полито решил, что высаживать Муссолини на Вентотене нельзя, поскольку там был расквартирован немецкий гарнизон. Корвет проследовал дальше и бросил якорь у острова Понца, на котором располагалась одна из колоний политических ссыльных. В тече-

ние 10 дней дуче содержался в полной изоляции, а затем на принадлежавшем когда-то Франции военном корабле «Пантера» был перевезен на остров Мадалена — маленький архипелаг у северного побережья Сардинии, почти целиком занятый итальянской военно-морской базой. Здесь дуче поместили на небольшой, стоявшей особняком вилле, охраняемой сотней полицейских агентов и карабинеров.

В течение трех недель Муссолини не покидал своего убежища. Он читал жизнеописание Христа, но строчки расплывались перед глазами (он стал хуже видеть), а мысли невольно возвращались к событиям недавнего прошлого. Вынужденное уединение угнетало дуче. Он постоянно пребывал в мрачном унынии и уже не помышлял о возможности возврата к активной политической деятельности. Казалось, что его партия была проиграна окончательно.

18 августа над островом пролетел немецкий самолет-разведчик. Охранники Муссолини забеспокоились и через 10 дней по приказу из Рима переправили его на самолете морской авиации в район озера Браччиано в 40 милях от Рима. Там он был посажен в санитарную машину и отвезен в небольшое местечко Ла Вилетта под Аквилу, где провел 3 дня. Наконец, 31 августа дуче отправили на высокогорный зимний курорт Гран-Сассо и подняли на фуникулере в гостиницу «Кампо императоре», расположенную на высоте 6 тысяч футов над уровнем моря.

Здесь режим содержания экс-диктатора стал менее жестким: он получал газеты, слушал радио, играл в карты с солдатами, гулял в сопровождении офицера охраны в радиусе нескольких десятков

метров от отеля. 10 сентября дуче услышал по радио Алжира, что одним из условий перемирия была его передача в руки союзников. Встревожившись не на шутку, он заявил начальнику охраны, что живым в руки англичан не дастся. В тот день он еще не знал, что это условие было нарушено, а новые правители вместе с королем уже сбежали из Рима.

О заключении перемирия было объявлено по лондонскому радио вечером 8 сентября. Через 1,5 часа маршал Бадольо официально подтвердил это сообщение, а еще через два часа немецкие дивизии перекрыли границы Италии и начали разоружать ее воинские части. Приказ фельдмаршала Кейтеля «быть готовыми к возможно быстрому разоружению итальянской армии» они получили еще 30 августа и теперь действовали уверенно, а в случае сопротивления наносили мощные огневые удары.

Большая часть королевской армии была полностью дезориентирована. Четкого приказа о сдаче оружия немцам или об организации отпора агрессии дано не было. Многим младшим командирам приходилось принимать решения на свой страх и риск. В ряде мест бои приобретали весьма ожесточенный характер, в них включались добровольцы-антифашисты, сумевшие раздобыть оружие. В течение двух дней гитлеровские войска оккупировали всю Северную, Центральную и часть Южной Италии. В нескольких километрах от Неаполя установилась линия фронта немцев с дивизиями Объединенных Наций, высадившихся в районе Салерно. Итальянская армия распалась: более 700 тысяч солдат и офицеров было интернировано нацистами, около полумиллиона просто разбежалось по домам.

Надежды королевского двора и генералитета на защиту Рима силами союзников не оправдались. 7 сентября в столицу нелегально прибыл американский генерал Тейлор и воочию убедился, что условия для выброски воздушного десанта в районе Рима не было: все аэродромы контролировались гитлеровцами. Однако это не изменило намерения командующего войсками Объединенных Наций в Средиземноморье генерала Эйзенхауэра объявить 8 сентября о подписанном перемирии. Для короля и Бадольо это было равнозначно смертному приговору: ни тот, ни другой, несмотря на настойчивые призывы коммунистов и представителей других антифашистских партий, даже не помышляли об организации антигитлеровского сопротивления. Их мысли были заняты другим: заботой о собственном спасении.

Ранним утром 9 сентября колонна легковых автомашин тронулась от военного министерства и устремилась к Адриатическому побережью. В порту Пескары королевскую семью, членов правительства и высшего военного командования принял на борт военный корвет «Байонетта» и на следующий день благополучно доставил в Бриндизи, где к тому времени уже обосновались союзники. В панике, суете и спешке побега ни Виктор-Эммануил, ни Бадольо не отдали каких-либо распоряжений о судьбе опасного пленника из «Кампо императоре». Трудно поверить, что это произошло случайно, ибо они не могли не отдавать себе отчета в политических последствиях, к которым могло привести его освобождение. Есть версия о том, что представители Бадольо сумели договориться с Кесельрингом об обмене дуче на возможность беспрепятственного побега из Рима королевской семьи и

правительства (68, 512). Это предположение подкрепляется тем фактом, что королевский кортеж беспрепятственно проследовал к побережью, тогда как немецкие парашютисты уже контролировали многие дороги в окрестностях Рима. Кроме того, путь беглецов пролегал вблизи горного массива Гран Сассо, и им не стоило большого труда прихватить дуче с собой. Однако документальных подтверждений этой версии не существует. Если Виктор-Эммануил и Бадольо в те сумбурные часы и вспоминали о Муссолини, то принять окончательное решение и отдать приказ о его ликвидации ни тот, ни другой не отваживались. Одним словом, Муссолини опять крупно повезло.

...12 сентября было облачно. После сытного обеда дуче стоял у распахнутого окна своей комнаты и любовался живописным горным пейзажем. Ровно в 14.00 мирная картина пасущихся в ложбине овец была нарушена бесшумным появлением нескольких планеров, плавно опустившихся на лужайку перед отелем. Из первого планера выскочили несколько человек в хаки и быстро установили два ручных пулемета. Остальные с немецкими «шмайссерами» наперевес бросились к отелю. У дуче замерло сердце...

ФАРС ВЛАСТИ, ИЛИ 600 ДНЕЙ МУССОЛИНИ

Ни одного выстрела не прозвучало. Охранявшие Муссолини карабинеры спокойно взирали на бегущих гитлеровцев, даже не пытаясь снять оружие с предохранителей. Со стороны фуникулера появилась еще одна группа немецких солдат, среди кото-

рых был итальянский генерал Солети, бурно размахивавший руками и кричавший, что все в порядке. Отвечавший за охрану дуче полицейский Гуэли имел приказ убить Муссолини в случае возникновения угрозы его освобождения немцами. 9 сентября ему позвонил К.Сенизе, ставший начальником полиции в правительстве Бадольо, и отменил приказ, затем восстановил его, а утром в день похищения связался с «Кампо императоре» и распорядился не препятствовать действиям гитлеровцев.

Итальянские и немецкие солдаты уже мирно покуривали вокруг отеля, а Скорцени, целый месяц усердно рыскавший в поисках Муссолини, взлетел на второй этаж и театральным жестом распахнул перед дуче «дверь на свободу». «Я знал, что мой друг Адольф Гитлер не покинет меня», — пролепетал ошарашенный пленник. «По правде говоря, — пишет в своих воспоминаниях Скорцени, — человек, находившийся передо мной, одетый в явно широкий для него гражданский костюм далеко не элегантного покроя, вовсе не походил на фотографии, которые я видел до этого. Черты его лица не изменились, но он очень состарился. На первый взгляд казалось, что он тяжело болен, и это впечатление усиливалось небритой бородой и особенно короткими волосами, которые покрывали обычно голый череп».

Спустя полчаса нехитрые сборы были закончены, и грузный дуче с трудом втиснулся в маленький самолетик, быстро перелетевший на военный аэродром в Пратика ди Маре. Никакой необходимости в столь рискованном перелете не было, так как Муссолини мог спуститься на фуникулере и беспрепятственно добраться до ближайшего аэродрома. Однако в этом случае эффект от «блиста-

тельной операции» Скорцени был бы утрачен. Задуманный спектакль, или «спортивный трюк», как выразился генерал Солети, нужно было выполнить до конца. В Пратика ди Маре дуче пересел в трехмоторный военный самолет, доставивший его в Вену, а 12 сентября он переправился в Мюнхен, где его с нетерпением ожидала семья.

Через два дня бывший узник встретился с Гитлером. Сцена свидания была очень трогательной. Объятия и рукопожатия сопровождались бурным выражением восторга по поводу «чудесного спасения» дуче. А затем «верные друзья» остались наедине. О содержании их беседы Муссолини рассказал впоследствии журналисту К.Сильвестри, а Гитлер — Геббельсу. Атмосфера встречи резко изменилась. Дуче униженно просил Гитлера отпустить его на покой, доказывая, что это единственный способ «избежать в Италии гражданской войны» и что смертельная усталость и бессилие не позволяют ему продолжать борьбу. Но не для этого освобождал его фюрер. Ему нужен был прежний дуче — самоуверенный, мнящий себя великим, но послушный, а главное — способный возродить в Италии фашизм. Муссолини был необходим как символ веры, вокруг которого еще можно было собрать остатки разбежавшегося воинства. Поэтому Гитлер не скрывал своего разочарования и злости на расквасившегося дуче, он отчитывал его, как провинившегося школяра. «Что это за фашизм, если он тает как снег под лучами солнца?» — грозно вопрошал фюрер. Вопрос был поставлен жестко: или Муссолини при помощи немцев вновь становится главой нации, возвращает Италию в стан союзников Германии и наказывает предателей, или Гитлер берет на себя «заботу о судьбах итальян-

цев». Выбора не было, и Муссолини пришлось согласиться. Именно пришлось, так как предлагавшаяся ему роль жалкой марионетки его не вдохновляла, а желание уйти на покой в тот момент было искренним, но невыполнимым. Узы, связывавшие итальянский фашизм и нацизм, Муссолини и Гитлера, были нерасторжимы, они шли одной дорогой, сворачивать с которой было уже поздно.

Требуя наказания предателей, фюрер имел в виду тех, кто на заседании БФС голосовал за резолюцию Гранди. «Графа Чиано я считаю четырежды предателем: он изменил родине, фашизму, союзу с Германией и семье». Муссолини невнятно пробормотал в ответ, что Чиано является отцом его внуков. Гитлер не счел нужным настаивать.

Через несколько дней в замке под Мюнхеном Муссолини ужинал с «провинившимся» зятем и дочерью. Он никак не реагировал на просьбу отправить их с детьми в Испанию или Латинскую Америку, обещал забыть прошлое и даже подумывал о возможности вновь сделать Чиано министром. В тот момент он еще не предполагал, что участь зятя была уже решена. 19 октября подполковник гестапо Готтль, организовавший бегство Чиано из Италии, арестовал его и передал в руки итальянской полиции.

После встречи с Гитлером Муссолини несколько дней провел в одиночестве, тщательно изучая вышедшие за последние месяцы газеты. Он выискивал в них то, что касалось его лично, и несколько раз допытывался у Дольмана и других очевидцев событий 25—26 июля, пытался ли кто-нибудь в те дни предпринять какие-либо действия в его защиту. Дольман отвечал честно: никто и ничего.

18 сентября дуче обратился к итальянцам с речью, которая была передана по радио из Мюнхена. Он провозглашал воссоздание фашистского режима в форме республики, грозился сурово покарать предателей, клятвенно обещал «сбить спесь» с буржуазии, сделать «труд основой государства», отдать предприятия рабочим, а землю — крестьянам. Однако голос уставшего человека, монотонно читавшего подготовленный текст и неожиданно срывавшегося на патетические восклицания, совсем не походил на прежние монологи самоуверенного диктатора и доверия не внушал.

Еще на острове Понца в минуту откровения дуче признался сопровождавшему его генералу Мауджери, что самым большим унижением была бы для него мысль, будто он способен «создать правительство, опирающееся на немцев» (13,143). Теперь ему предстояло возглавить именно такое правительство. Поиском претендентов на участие в нем занимался бывший министр культуры Паволини, благополучно добравшийся до Германии вместе с Фариначчи, Риччи, Прециози и другими фанатиками. Они интриговали друг против друга и наушничали Гитлеру в надежде установить с ним доверительные отношения.

Новое правительство выглядело комичным и жалким. 23 сентября дуче окончательно утвердил его состав и в тот же день отправился в Италию. «Мы летим в Рим?» — спросил он своего попутчика генерала СС К. Вольфа. Надменный немец лишь холодно пожал плечами и скорчил гримасу. Положение дуче было до смешного нелепым: он даже не знал, куда его везут.

Гитлеровцы не собирались устраивать новое правительство в Риме, объявленном «открытым

городом». Его разместили на севере Италии в небольших селениях на берегу живописного озера Гарда. Министерство иностранных дел располагалось там же, в местечке Салб, давшем условное название новой республике. У нее был свой флаг, сохранивший национальные цвета, но вместо герба савойской династии на нем появился орел, держащий в когтях ликторский пучок. Дуче назначил новых префектов, въехал в подготовленную для него резиденцию, и на том его суверенные действия кончились. Реальная военно-политическая власть принадлежала представителю рейха в Италии Р. Ранну, командующему войсками маршалу Кессельрингу и ответственному за внутренний порядок и безопасность в Италии генералу СС Вольфу.

Оккупировав большую часть полуострова, гитлеровцы стали фактическими хозяевами в стране. В ряде северных провинций они ввели прямое германское правление через гауляйтеров, взяли под контроль золотой запас Италии, крупные заводы и склады, обложили страну налогом в 7 миллиардов лир (очень крупная по тем временам сумма) на содержание оккупационной армии. Немецкие представители монопольно распоряжались всей военной продукцией, оставляя «национальной республиканской гвардии», спешно создававшейся для поддержания «внутреннего порядка», жалкие крохи. Оккупанты выметали все подчистую, вплоть до тапочек, а тем, кто пытался протестовать, со смехом заявляли, что «платит Бадольо». Дело дошло до того, что Муссолини был вынужден обратиться к Ранну с униженной просьбой: «Фиат производит 50 грузовиков в день, — писал он. — Если бы нам оставляли три, то в скором времени мы решили бы

проблему обеспечения населения предметами первой необходимости».

Дуче постоянно находился под усиленной охраной эсэсовцев, а его робкие попытки возражать ни к чему не приводили. Телефонная и телеграфная связь правительства осуществлялась немецкими связистами, вся обслуга в доме Муссолини, включая парикмахера и массажиста, состояла на службе у гестапо. Каждый шаг и каждое слово дуче немедленно становилось известно Вольфу, которого Муссолини в минуты отчаяния называл «своим тюремщиком». Все, что он писал, ложилось на стол Ранна и проходило жесткую цензуру. Рукой этого флегматичного немца из манифеста воссозданной фашистской партии был вычеркнут пункт о сохранении национальной целостности Италии.

Манифест неофашистов, получивший пышное название «Веронской хартии», был принят на съезде в Вероне в ноябре 1943 года. Муссолини отредактировал весь документ и лично написал его первую часть, в которой провозглашалось «освобождение фашизма» от сковывавших его пут и вынужденных компромиссов, а также возврат к «революционным истокам во всех сферах, особенно в социальной». В хартии было обещано демократическое право избрания главы государства, контроль за деятельностью правительства, социализация предприятий и многое другое. Однако новый приступ социальной демагогии не дал, да и не мог дать сколько-нибудь ощутимых результатов. Одна и та же комбинация цифр никогда не становится выигрышной в следующих один за другим розыгрышах политической лотереи. Каждый здравомыслящий итальянец невольно задавался вопросом: почему же всего этого не было сделано раньше? Социаль-

ная карта Муссолини была уже бита, ему никто не верил, как, впрочем, не верил и он сам.

Дуче не придавал серьезного значения конгрессу в Вероне. Он даже не поехал туда. А вот другое событие, происходившее чуть позже в том же самом веронском дворце «Сквалигеров», целиком и полностью захватило его, заставив пережить мучительную душевную драму.

Гитлер упорно настаивал на наказании «изменников», голосовавших за резолюцию Гранди. Из 19 человек удалось схватить только 6, причем один из них, Чинетти, на следующий день покаялся в своем решении. Главной фигурой был, безусловно, граф Чиано. Дуче прекрасно понимал, что сведение счетов с заговорщиками являлось для него «пробным камнем» в глазах фюрера. Кроме того, судебное разбирательство давало возможность свалить на «предателей» свою вину за прежние ошибки и неудачи. Однако поведение дуче во время процесса определялось не столько злобной мстительностью, чем он особенно не страдал и прежде, сколько соображениями политической конъюнктуры.

7 января 1944 года перед открытием первого заседания спешно воссозданного Особого трибунала к Муссолини явился за инструкциями его председатель А.Веккини. «Действуйте, ни на кого не оглядываясь, в соответствии с вашим сознанием и справедливостью», — величаво напутствовал его дуче. На деле это означало: исход вам известен, а я умываю руки. В тот же день Муссолини признался своему секретарю Дольфину: «Прошлой ночью я пережил внутренний кризис. Для меня лично Чиано уже мертв... Те, кто голосовал за резолюцию Гранди, должны быть осуждены» (65,67).

И все же шанс на спасение у Чиано был. Дочь Муссолини Эдда вступила в контакт с Гиммлером и Кальтенбруннером, пытаясь выторговать у них жизнь супруга в обмен на его дневники, которые содержали информацию, компрометировавшую Риббентропа. В окружении Гиммлера был разработан план, в соответствии с которым Чиано надлежало переправить в Венгрию, далее в Турцию, откуда он мог информировать Эдду о своей безопасности. Однако вечером 6 января, когда Кальтенбруннер подписал приказ об освобождении Чиано, Гитлер по наводке Риббентропа позвонил начальнику службы гестапо в Северной Италии генералу Гарстеру и приказал прекратить всякие операции по Чиано. Фюрер не забыл и не простил его антигерманской фронды. Потерпев неудачу, Эдда обманула бдительность охранников и вместе с детьми бежала в Швейцарию. После войны она осуществила свою угрозу, опубликовав дневники мужа.

Фашистский суд даже отдаленно не напоминал правосудие. Всем подсудимым вменялись в вину подготовка заговора против фашистского режима и государственная измена. Формально-юридически доказать это было невозможно, так как никто из иерархов на фашистский режим не посягал. Тем не менее все они, за исключением Чианетти, были приговорены к смертной казни. Никто из подсудимых, кроме Чиано, вплоть до объявления приговора не отдавал себе отчета в серьезности происходящего, а глуховатый 77-летний маршал Де Боно, бывший одним из квадрумовиров во время «похода на Рим», считал процесс лишь необходимым дуче очередным спектаклем.

Вечером накануне казни «баловень фашистского режима» принял таблетки с ядом, которые ему

любезно предоставила фрау Бетц — приставленная к Чиано сотрудница гестапо, пытавшаяся выудить у своего подопечного тайну его дневников. Но попытка самоубийства не состоялась: таблетки оказались фальшивыми. «Я должен умереть дважды!» — воскликнул расстроенный Чиано. В его камеру неслышным шагом вошел священник дон Киот. Чиано исповедался. «Я хорошо знаю моральную атонию моего тестя, — безучастно произнес он. — Если упрется, он становится хуже Макиавелли. И потом, как он может не хотеть того, чего хочет Гитлер?» На следующее утро, в последний раз идя по тюремному коридору, Чиано громко проклинал некогда обожаемого им тестя. «Мы все захвачены одним штормом, — кричал он. — Скоро придет и час Муссолини! Насилие всегда оборачивается против себя самого». «Всемогущий» Чиано понял это слишком поздно.

Экзекуция состоялась утром 11 января на полигоне форта Сан-Проколо в пригороде Вероны. 30 чернорубашечников выстроились на расстоянии 12 метров от осужденных. По фашистскому обычаю «предателей» привязали к спинкам стульев и усадили спиной к карателям. Маринелли рыдал и отбивался, остальные держались с достоинством и даже отказались надеть на глаза повязки. За происходящим внимательно наблюдали эсэсовцы, сбоку была установлена фотокамера. Первым крикнул Готтарди: «Да здравствует Италия! Да здравствует дуче!» Ему вторили Парески и Де Боно. Чиано не проронил ни звука.

В тот же день Муссолини пригласил к себе дона Киота и попросил рассказать о подробностях казни. «Трагедия разыгралась так, как Вы этого хотели», — начал рассказывать священник. «Но

ведь так решили судьи», — слабо попытался протестовать дуче. «Это были Ваши судьи», — отрезал дон Киот. В глазах сидевшего перед ним человека священник прочел мольбу не задавать ему вопроса о помиловании. Дело в том, что прошение о помиловании осужденных было подано, и Паволини не один час метался с ним в поисках чиновника, который согласился бы его отклонить. Дуче сделал вид, что ему ничего не было известно. По словам Киота, в ходе беседы он производил жалкое впечатление одинокого, загнанного в угол человека. «С сегодняшнего дня начинаю умирать и я», — грустно сказал он жене.

Вскоре Муссолини овладел собой. Очередное заседание кабинета министров он открыл словами: «Правосудие свершилось...Теперь, когда мы начали отворачивать головы, будем последовательно идти до конца». Расстрел «веронцев» означал именно готовность сжечь все мосты с прошлым и ни перед чем не останавливаться в будущем. Гитлер мог быть доволен.

После суда Муссолини лично составил список из 200 видных фашистов, которых следовало «наказать по заслугам». Во всех провинциях «республики Салó» для разбора дел «предателей» были созданы Особые трибуналы, но вскоре все они переключились на борьбу с партизанами и подпольщиками.

Осенью 1943 года на оккупированной гитлеровцами территории начали создаваться первые вооруженные отряды. Они формировались из солдат развалившейся итальянской армии, а также бежавших в горы рабочих, служащих, студентов, крестьян. Каждый второй из партизан сражался в отрядах имени Гарибальди, созданных коммунистами.

В июне 1944 года все вооруженные силы антифашистов были объединены в Корпус добровольцев свободы (КДС), которыми командовал генерал Р.Кадорна. Наибольшим авторитетом в КДС пользовались Л.Лонго, руководивший гарибальдийскими отрядами, и Ф.Парри, глава антифашистской Партии действия. Их влияние соответствовало реальному соотношению сил в партизанской армии.

Политическим штабом Сопротивления был Комитет Национального Освобождения Северной Италии (КНОСИ), созданный в подполье в Милане. На паритетных началах в его состав вошли представители пяти ведущих антифашистских партий: коммунисты, социалисты, члены Партии действия, христианские демократы и либералы. Объединенные общим стремлением очистить Италию от гитлеровцев и доморощенных неофашистов, они расходились в определении путей достижения этой цели. Партии левого крыла Сопротивления выступали за развертывание активных антифашистских действий, а демохристиане и либералы предлагали сделать ставку на продвижение союзнических войск. Они полагали, что диверсионные акты и саботаж могут спровоцировать массовые расправы гитлеровцев над гражданским населением. В этой позиции была немалая доля здравого смысла, но она находилась в явном противоречии с главной задачей — скорейшим освобождением страны.

В северных провинциях Италии противоборство фашистов и антифашистов приобрело черты гражданской войны. В «республиканскую гвардию» записывались либо добровольно — фанатики, либо из-под палки — основная часть. За уклонение от воинской повинности полагался расстрел. Оказав-

шись перед роковой альтернативой, многие предпочитали уходить в горы, и летом 1944 года партизанское движение стало действительно массовым. В сознании итальянцев окончательно завершился перелом в пользу антифашизма, а марионеточный режим «республики Салó» не обеспечил себе сколько-нибудь прочной социальной опоры и держался исключительно на германских штыках. Партизанские отряды совершали смелые вылазки, атаковали фашистские гарнизоны, блокировали дороги, взрывали мосты, уничтожали линии связи. В рядах партизан сражалось около 5 тысяч советских военнопленных, бежавших из фашистских концлагерей. В сельских районах возникали отряды патриотического действия (САП), прятавшие от реквизиций скотину и урожай, помогавшие партизанам и укрывавшие раненых.

В марте 1944 года крупные города и промышленные центры Северной Италии были парализованы всеобщей забастовкой, поддержанной всеми антифашистскими партиями. Стачечники требовали повышения зарплаты, прекращения насильственной депортации рабочих в Германию, отмены военной мобилизации, объявленной республиканским правительством. В ряде мест забастовка перерастала в вооруженные столкновения. На ее подавление были брошены отряды СС, танки и бронетранспортеры.

В городах ширилось движение гапистов — членов подпольных отрядов патриотического действия (ГАП), наносивших удары в самых неожиданных местах и потому очень болезненные для оккупантов. 23 марта 1944 года римские гаписты провели одну из самых крупных операций подобного рода. Они обстреляли из засады колонну гитлеровцев,

убив 32 и ранив еще три десятка человек. В ответ на эту акцию фельдмаршал Кессельринг приказал расстрелять вдесятеро больше заложников. Очистив тюрьмы и похватав недостающее количество людей прямо на улицах, эсэсовцы вывезли 335 римлян в расположенные неподалеку от столицы Ардеатинские каменоломни и расстреляли из пулеметов. В сентябре 1944 года головорезы из дивизии «Адольф Гитлер» учинили зверскую расправу над жителями небольшого селения Марцаботто. Это название стало для итальянцев символом, наполненным трагическим содержанием.

Муссолини не имел прямого отношения к этим трагедиям. Гитлеровцы действовали, даже не спросив его согласия. Но это вовсе не означает, что дуче не несет ответственности за подобные преступления. В инструкции, данной командующему республиканской армией маршалу Грациани, Муссолини поставил задачу «проникнуть шаг за шагом во все провинции и радикально их вычистить». Тупой исполнитель Грациани принялся рьяно выполнять приказ. Аресты, облавы, расстрелы — этим «промыслом» занимались солдаты армии дуче. Но их усилий оказалось недостаточно. Из бывших уголовников, фанатиков и рецидивистов формировались специальные карательные подразделения, называвшиеся по именам их предводителей: Кох, Карита и др. В июне 1944 года после освобождения союзниками Рима по распоряжению Муссолини из членов фашистской партии были созданы «черные бригады». 14 августа чернорубашечники из «легиона Мути» осуществили первую «показательную казнь»: на площади «Лорето» в Милане они расстреляли 15 юных антифашистов. Над их телами, брошенными на площади на целые сутки, была

установлена табличка: «Это бандиты из отрядов САП».

Узнав о казни, Муссолини демонстративно выразил свой «гнев», уволив префекта Милана. Но этот жест не мог кого-либо ввести в заблуждение. Дуче был прекрасно осведомлен об экзекуциях: ему периодически докладывали о них и показывали снимки казненных. Он был главным вдохновителем репрессий, сам неоднократно отдавал приказы о расстрелах дезертиров и партизан. Муссолини несет личную ответственность за гибель тысяч простых людей.

Свергнутый итальянцами и униженный немцами, дуче не мог не понимать, что его время прошло, что реальной власти уже не вернуть, что как политик, как вождь он был мертв. Игра словами, идеями, лозунгами, перетасовка кадров, угрозы и обещания — все это оставалось пустым звуком. «Если бы я сейчас обещал итальянцам золотые монеты, то никто не поверил бы, — печально признавался он своим близким. — Если бы я стал раздавать эти монеты, то их брали бы с глубокой уверенностью, что они фальшивые. А если специалисты сказали бы, что они подлинные, то итальянцы подумали, что теперь золото ничего не стоит. Дело обстоит именно так, и ничто не может этого изменить» (81,430).

И все же Муссолини предпринимает еще одну попытку оправдаться перед итальянцами. В конце июня 1944 года в газете «Корриере делла сера» началась публикация серии очерков, озаглавленная «История одного года». Дуче писал о себе в третьем лице, очерки были анонимны, но их авторство ни у кого не вызывало сомнений. Вождь клял всех подряд: короля, Бадольо, генералов,

фашистских «предателей», наконец, весь итальянский народ, не сумевший оправдать его ожиданий. Какой же черной неблагодарностью с их стороны выглядело отстранение от власти человека, в короткий срок обеспечившего Италии «подлинное величие и процветание». Дуче был так самозагипнотизирован собственным «гением», что даже, допуская неминуемый крах, всерьез рассчитывал на историческое бессмертие.

В быту он совершенно опустился и деградировал физически: заметно постарел, сгорбился и обрюзг. Его глаза ввалились, щеки провисли, а дряблый живот вываливался из-под ремня, стягивавшего армейскую гимнастерку. От былой грозности и решительности на лице не осталось и следа.

Каждое утро к Муссолини заходил его личный врач А.Поцци. Он видел, что у пациента нарастали типичные проявления психоза: мания преследования, страх, раздражительность, обостренное восприятие мелких неурядиц и т.д. После отправки в Италию Гитлер приставил к Муссолини персонального доктора — профессора Захариа, пытавшегося лечить его язву. По свидетельству Захариа, Муссолини был «явной развалиной и совершенно очевидно находился на краю могилы». Его состояние лекарь определял как «тяжелый физический и моральный коллапс, лишаящий энергии и движения мысли».

Целыми часами дуче бесцельно слонялся по комнатам, заводил разговоры на малозначащие темы, впадал в уныние и предавался мрачным размышлениям. Он был апатичен, вязок, ни к чему не проявлял живого интереса, мог прийти на службу небритым, в несвежей рубашке и грязных

туфлях. И хотя Муссолини делал вид, что продолжает работать, текущие дела правительства его не интересовали. Он перестал вникать в мелочи, все перепоручал министрам, а сам предпочитал вести долгие разговоры с Захариа, Дольманом, Ранном, иногда с Паволини и Фариначчи. Он вспоминал безоблачные времена, нещадно ругал немцев и итальянцев, в минуты отчаяния называл виллу «Святой Еленой», а генерала Вольфа — своим тюремщиком. Бывали случаи, когда ярость на собственное бессилие достигала предела, и в один из таких моментов он написал Гитлеру «энергичное письмо», в котором предлагал урегулировать отношения двух правительств, протестовал против всевластия немецкой военной администрации и фактической аннексии северных провинций. Гитлер не соизволил на это письмо ответить, а Муссолини не осмелился о нем напоминать.

По старой привычке он оставлял вечерами свет в своем кабинете и через служебный вход отправлялся к Кларе Петаччи. После переворота ее семья уехала на север Италии, а 12 августа по приказу Бадольо бывшая фаворитка была арестована в связи с подозрительной деятельностью ее брата Марчелло. Немецкая оккупация принесла Петаччи освобождение, и по личному распоряжению Гитлера Клару доставили на виллу «Фьордализо», расположенную неподалеку от резиденции Муссолини. Якобы для охраны от партизан, а на самом деле для получения сведений о дуче, к ней была приставлена персональная охрана во главе с молодым майором СС Ф.Шоглером.

По словам Ракеле Муссолини, она узнала о связи мужа с Петаччи лишь после 25 июля 1943 года из газет. Это повлияло на атмосферу семейной

жизни, так как Ракеле вновь почувствовала опасность. Между супругами участились скандалы и ссоры, стали нормой сцены ревности, и Муссолини даже просил Дольмана подыскать ему отдельное от семьи жилье. Его по-прежнему угнетала драма дочери, написавшей, что для своей реабилитации перед ней он должен покончить жизнь самоубийством. А главное — впереди была полная неопределенность. Дуче ждал решения откуда угодно, но только не от самого себя.

Кульминация любовного фарса наступила осенью 1944 года: 24 октября Ракеле получила очередное анонимное письмо, в котором наряду с угрозами физической расправы вновь упоминалось в унижительной для нее форме имя Петаччи. Ракеле решила немедленно положить конец затянувшемуся роману. Взяв с собой министра внутренних дел Буффарини-Гвиди, она примчалась на виллу к сопернице и устроила жуткий скандал. Майор Шоглер позвонил Муссолини, тот пообещал вскоре приехать, но благоразумно предпочел остаться в офисе. Женщины быстро довели друг друга до истерики, но Петаччи все-таки не отдала требуемые Ракеле письма дуче. Удалившись несолоно хлебавши, рассерженная супруга пригрозила Кларе, что в недалеком будущем «содержанка» непременно окажется на площади «Лорето»¹. Вряд ли Ракеле всерьез предполагала, что ее слова окажутся пророческими. Эта малоприятная сценка из частной жизни дуче отражала атмосферу лицемерия и фальши, в которой разлагался и

---

¹ Ракеле имела в виду неизбежность расплаты за злодеяния фаворитки.

агонизировал искусственный неофашистский режим.

В июле 1944 года Муссолини без приглашения отправился в Германию. Ему не терпелось увидеть, как шла подготовка в рейхе четырех итальянских дивизий, а также воочию убедиться в разработке «секретного оружия», обещанного Гитлером. Осмотрев воинские части, дуче прибыл в Берлин вечером 20 июля. Гитлер встретил союзника на вокзале и тут же сообщил сенсационное известие: в летнем павильоне его резиденции была взорвана бомба. За несколько секунд до взрыва фюрер перешел на другую сторону массивного дубового стола и склонился над картой. Это спасло ему жизнь. У фюрера были лишь слегка повреждены ухо и рука. Покушение осуществили старшие офицеры и генералы из штаба армии резерва, рассчитывавшие убить Гитлера, захватить власть в стране и заключить сепаратный мир на Западе. К моменту встречи на вокзале их мятеж был подавлен, а штаб армии резерва разгромлен.

Диктаторы сразу отправились в рейхсканцелярию осматривать разрушенное здание. Внутренне ликуя и злорадствуя, дуче с умным видом расхаживал по обломкам, которые быстро разбирали солдаты. Ужинать уселись лишь поздним вечером. Гитлер против обыкновения сидел молча, тупо уставившись в одну точку. Вдруг он начал вопить, что надо безжалостно карать предателей, что скоро он получит секретное оружие, которое изменит ход войны, что его спасло провидение и это является добрым предзнаменованием. А Муссолини с легкой иронией вспоминал 20-е годы, когда «провидение» не раз спасало его самого, а в итоге оказалось столь безжалостным к своему избраннику.

При расставании Гитлер заключил дуче в объятия и патетически воскликнул: «Вы мой лучший и, может быть, единственный друг в этом мире!» Однако через пару минут, прощаясь с Ранном, фюрер едва заметно кивнул в сторону «лучшего друга» и тихо произнес: «Будьте начеку, Ранн» (56,345). На обратном пути дуче долго размышлял над происшедшим, а приехав, сразу позвонил Кларе и удовлетворенно произнес: «У фюрера тоже есть свои предатели». Больше диктаторы никогда уже не встречались.

Лето 1944 года выдалось малоутешительным для Муссолини. На Восточном фронте дела обстояли все хуже, войска Объединенных Наций высадились на побережье Франции, набирало силу партизанское движение в самой Италии, а армия генерала Александера развернула наступление по всему фронту и сумела существенно продвинуться на север Апеннин. Какой-то «доброжелатель» подсунул дуче переведенную с английского книжку «Процесс Муссолини», в которой анонимный автор угадал одну из его сокровенных мыслей — попасть в руки союзников. В книге верно отмечалось, что в создании международного образа дуче были повинны и те политические деятели Англии, в том числе Чемберлен и Черчилль, которые до начала войны лили елей на его имя. Захватив Муссолини, Черчилль мог бы реабилитировать себя за прежние восхваления. В выигрыше оказался бы и сам Муссолини, ибо такой исход давал шанс на выживание.

Еще одна возможность, которую взвешивал дуче, — бежать с Клареттой куда подальше, где можно было бы надежно укрыться и тихо скоро-

тать оставшиеся годы¹. Или уже сейчас умереть естественной смертью от болезни, а еще лучше — от шальной пули или другой неожиданной напасти. Мрачный, безысходный пессимизм обрекал диктатора на пассивное ожидание печального конца. В канун очередной годовщины «похода на Рим» Рани уговаривал Муссолини выступить в Милане с большой речью в надежде воодушевить тех, кто его услышит. «Видите ли, Рани, — грустно усмехнулся дуче, — все дело в том, что мне больше нечего сказать итальянцам» (66,11).

И все же он выступил публично — впервые после переворота и последний раз в своей жизни. Это произошло 16 декабря в миланском театре «Лирико», набитом чернорубашечниками и нацистами. Казалось, будто дуче неожиданно вновь обрел себя. Его машину окружила толпа приверженцев, бурно выразивших свой восторг, и это было столь неожиданно, что личная охрана Муссолини даже не сразу разобралась, в чем дело, и приготовилась к обороне. Вновь на сцене оказались два действующих лица: дуче и толпа, но эта толпа была лишь крохотным осколком, несравнимым по величине с той массой итальянцев, кто уходил в горы, прятал хлеб, саботировал военное производство. Окружавшие Муссолини люди уже не представляли никого, кроме самих себя.

Его речь была витиеватой и двусмысленной. Нужно было сделать необходимые реверансы в сторону немцев, сидевших в зале и ожидавших

---

¹ Позже он даже обсуждал с начальником полиции Тамбурини план перехода на подводной лодке в Полинезию или Японию.

выражения верноподданнических чувств; нужно было оправдать надежды фанатиков, пообещав им скорую победу с помощью германского секретного оружия; нужно было раздуть идею социализации в надежде снова привлечь легковеров; наконец, нужно было дать понять некогда пассивным и послушным либеральным антифашистам, что у них есть общий враг, с которым без помощи дуче справиться не удастся, — «красная опасность». В его разгоряченном мозгу витала идея достичь согласия со многими противниками ради общей борьбы с Советами и коммунистами, а что таковая будет, дуче не сомневался. В этой уверенности его укрепила неожиданная остановка наступления англоамериканцев в конце октября и нота генерала Александера, призвавшего итальянских партизан прекратить боевые действия и на зимнее время разойтись по домам. И вот Муссолини в своей речи призвал к «национальному единству» и провозгласил свою готовность к «открытому сотрудничеству» со всеми группами, напомнив статью 5 Веронской хартии, декларировавшую политическую терпимость¹.

Дуче понимал, что даже завуалированные призывы к поиску общего языка с антифашистами неминуемо вызовут раздражение у немцев, которые и прежде выказывали свое неудовольствие планами социализации и заявлениями о терпимости. И хотя им никто не верил, а декреты о социализации, в том числе ряда предприятий Фиат и Монтекатини, остались на бумаге (вследствие «не-

---

¹ Для занятия государственных должностей не требовалось предъявление членского билета фашистской партии.

зрелости рабочих», как оправдывался диктатор), отношения между республиканским правительством и германскими властями становились все более прохладными и натянутыми. Немцы предъявляли серьезные претензии по поводу срыва поставок рабочей силы в Германию¹, пеняли за отсутствие воинской дисциплины в частях и нежелание союзников воевать. Как только четыре итальянские дивизии, обученные и экипированные в рейхе, оказались на родной земле, многие солдаты дезертировали, прихватив с собой оружие и аммуницию. Оставшиеся были использованы в тыловых службах, так как германское командование не рискнуло выставить их на линию обороны.

В феврале 1945 года отношения между Дуче и генералом Вольфом резко обострились. Поводом для этого послужило увольнение с поста министра внутренних дел Буффарини-Гвиди, известного прогерманскими взглядами. Министр был фигурой крайне одиозной. Коллеги не без оснований подозревали его в том, что он являлся информатором германских представителей в Италии, поэтому жест Муссолини во многом носил политический характер. Вскоре ему сообщили, что эсэсовцы предприняли ответные меры, арестовав двух высокопоставленных функционеров фашистской милиции и не пропустив по радио сообщение об увольнении Буффарини-Гвиди. Дуче рассвирепел и заявил, что сам поедет на радиостанцию. Его упрямство легко понять: кадровые перемещения в

---

¹ Из 1 миллиона итальянцев, планировавшихся для работы в рейхе, к апрелю 1944 года было отправлено всего 25 тысяч человек.

правительстве он считал своей абсолютной прерогативой.

Вольф предпочел не раздувать конфликт. К тому времени он уже вступил в секретные переговоры о капитуляции с резидентом американской разведки в Швейцарии А. Даллесом. Дуче узнал об этом, так как официант в доме Вольфа был тайным осведомителем префекта Новары. Когда же Муссолини с невинным видом поинтересовался у Вольфа насчет переговоров, тот прикинулся оскорбленным.

Но дуче и сам вел двойную игру. Еще в декабре 1944 года через священника Панчино он обратился к руководству церкви с просьбой о посредничестве в установлении контактов с союзниками. Предложение Муссолини было передано в Ватикан через папского нунция в Берне. Вскоре пришел ответ: англо-американское командование требовало безоговорочной капитуляции.

В начале марта 1945 года Муссолини предпринял еще одну попытку. С помощью сына Витторио он вступил в секретные переговоры с миланским кардиналом Шустером. По его совету дуче направил в штаб англо-американского командования меморандум, в котором предполагал прекратить огонь и сосредоточить усилия на совместном наведении порядка и пресечении «всякого неконтролируемого и экстремистского движения со стороны иррегулярных частей (партизанские отряды, коммунисты, митинги, забастовки и т.д.)». Муссолини обещал распустить фашистскую партию и создать коалиционное правительство «любого направления». В заключение меморандума он выражал желание «узнать судьбу, уготованную членам республиканского правительства».

Политический маневр дуче был рассчитан довольно тонко. Он понимал, что в стане союзников не может не возникнуть опасений по поводу значительных масс партизан. Действительно, в «Римских протоколах» союзники поставили перед Комитетом Национального Освобождения жесткое требование роспуска партизанских формирований и сдачи ими оружия сразу после окончания боевых действий. Но дуче ошибся в другом — в оценке возможностей собственного участия в предстоящей политической схватке. Его мысль двигалась по старой логической схеме 20-летней давности. Диктатору все еще казалось, что он необходим именно как лидер, способный сбить накал кипящих страстей, усмирить бунтующие толпы и направить их энергию в выгодное правящим кругам русло. Полагая, что именно он олицетворяет собой «законную власть», дуче пытался обойти антифашистские силы, установив прямые контакты с командованием союзников. Он оперировал политическими категориями прошлого, не понимая, что именно антифашизм стал определяющей и самой мощной тенденцией политического развития Италии. Он утратил чувство реальности, не осознал кардинального изменения духа страны, пропитанной антифашизмом.

Этим объясняется и последняя вспышка энтузиазма, вызванная у Муссолини смертью 13 апреля 1945 года президента США Ф. Д. Рузвельта. Дуче надеялся на резкое обострение англо-советских отношений, открывающее возможность поиска новых подходов как к русским (играя на амбиции и экспансионистских замыслах Сталина), так и к англичанам (используя антисоветский настрой

Черчилля). А в том, что британский премьер испытывает откровенный страх перед вторжением коммунистов в Восточную Европу, дуче не сомневался. В этом его убеждала многолетняя переписка с Черчиллем¹. Однако общий расчет был лишен оснований. Смерть Рузвельта не повлияла на решимость союзников завершить разгром Германии ее полной капитуляцией, а переговоры Даллеса с Вольфом в Берне были прекращены.

Через пару дней Муссолини собрал, чего уже давно не делал, итало-германское совещание с участием Вольфа и Ранна. Фариначчи представил на обсуждение проект, в соответствии с которым 300 тысяч фашистов должны были сконцентрироваться в долине Валтеллина и обороняться до последней капли крови. Даже на заключительном этапе исторической драмы Муссолини не мог обойтись без театральщины: в центре обороны как символ итальянского героизма предполагалось поместить урну с прахом Данте, доставленную из Равенны. Ранн не без язвительности подметил, что общий замысел хорош, но в нем нет одной существенной детали — плана бегства в Германию.

16 апреля Муссолини в последний раз провел заседание Совета министров, объявив о своем решении в течение 48 часов перевести правительство в Милан. На следующий день вопреки приказу

---

¹ Через несколько дней после гибели Муссолини У. Черчилль неожиданно приехал в Северную Италию. Некоторые исследователи полагают, что одной из главных целей его приезда был поиск своих писем к дуче, которые могли содержать компрометирующие британского премьера сведения.

Вольфа оставаться на месте¹, дуче попрощался с семьей, велел Кларете собирать вещи и под охраной мощного эскорта укатил в Милан. Вольф к тому времени уже отбыл в Берлин, отдав распоряжение двум ээсовцам не спускать глаз с Муссолини и в случае попытки к бегству прикончить его.

Дуче остановился в палаццо «Монфорте», где размещалась городская префектура. 21 апреля, в день рождения Рима, он намеревался выступить в театре «Лирико», обратиться к итальянцам с прощальной речью по радио, заказать в кафедральном соборе торжественный молебен по всем погибшим в войне, а затем отправиться защищать «последний редут» в Валтеллине. Никто из иерархов не осмеливался сказать ему, что из обещанных Паволини 300 тысяч смертников не наберется и одной сотой части.

День за днем Муссолини просиживал в своем последнем рабочем кабинете, отдавал бессмысленные и никем не выполнявшиеся приказы, распределял пособия, подписывал приговоры и помилования. Вокруг него вращались какие-то люди, стрекотали пишущие машинки, с непроницаемыми лицами стояли ээсовцы. Вся империя дуче сократилась до размеров одной итальянской провинции, а сама префектура Милана напоминала не столько ее штаб, сколько театр марионеток. Состояние «черной меланхолии» все еще сменялось у дуче всплесками отчаянного оптимизма, и в эти минуты он начинал убеждать окружающих в скорой победе

---

¹ Впоследствии это позволило Вольфу написать, что трагическая судьба Муссолини есть результат его недисциплинированности.

при помощи нового секретного оружия. 22 апреля Гитлер из подземного бункера прислал последнюю телеграмму, заверяя, что немецкий народ вскоре изменит ход войны. Фашистские режимы агонизировали.

Дуче заметался. В надежде спасти свою жизнь он предпринял еще одну отчаянную попытку: написал письмо руководителям социалистической партии, предлагая капитуляцию республиканской армии и передачу власти социалистам. Текст был составлен таким образом, будто Муссолини обращался к старым товарищам по партии, с которыми его не разделяли мрачные годы диктатуры. Послание взялся передать экс-социалист Карло Сильвестри, поверивший в фашистскую идею «социализации».

Конечно, дуче не был столь наивен, чтобы полагаться лишь на милосердие своих противников. Политическое чутье подсказывало ему, что внутри КНО должны быть серьезные противоречия (и они были), что партии правого крыла Сопротивления могут испытывать страх перед революционным подъемом, возможным после разгрома фашизма. Поэтому пока Сильвестри бегал по городу в поисках адресата, дуче приказал министру внутренних дел Дзербино и генералу фашистской милиции Монтанья найти способ в ближайшие дни установить связь с другими представителями КНО. Он предпринял тот же тактический ход, что и 22 года назад: вступив в контакт с каждым из политических противников в отдельности, можно было сыграть на противоречиях между ними и убедить в целесообразности сделки с собственной персоной. Но на сей раз попытка оказалась тщетной.

Вечером 23 апреля, когда Сильвестри с трудом подыскивал подходящие слова, чтобы в вежливой форме выразить категорический отказ социалистов, Муссолини пустил в ход последний козырь. Он позвонил кардиналу Шустеру и заявил, что хотел бы любым путем немедленно прекратить кровопролитие (католический священник не мог быть глух к милосердному призыву) и не допустить «социал-коммунистическое восстание». Дуче знал, что обе эти идеи неоднократно и в настоятельной форме высказывались кардиналом. Шустер согласился на встречу, но, сославшись на официальный протокол, отказался поехать в префектуру. И тут Муссолини совершил роковую ошибку: он не воспользовался ответным приглашением кардинала явиться в его резиденцию, пользовавшуюся правами экстерриториальности, где можно было в безопасности отсидеться до прихода союзников. Но от самой идеи поторговаться с КНО дуче не отказался. При посредничестве предпринимателя Р.Челла, недавно купившего типографию газеты «Пополо д'Италия», и католика-антифашиста А.Марацца он передал руководству Комитета Национального Освобождения условия предлагаемой им сделки: республиканская армия прекращает сопротивление, а партизаны позволяют чернорубашечникам беспрепятственно собраться в долине Валтеллина, где они капитулируют перед союзниками. На следующий день кардинал Шустер пригласил Муссолини на встречу с руководителями КНО, и дуче не заставил себя долго упрашивать.

24 апреля руководство компартии, располагавшей наиболее многочисленными партизанскими отрядами, приняло решение о начале антифашистского восстания и разослало соответствующую

директиву на места. Партизаны спускались с гор и во многих городах вступали в борьбу еще до подхода основных сил союзников. Утром 25 апреля Комитет Национального Освобождения Северной Италии санкционировал начало всеобщего восстания, бурно разлившегося по всей оккупированной нацистами территории. На том же заседании был принят декрет «Вся власть — КНО!» и декрет «Об отправлении правосудия». Согласно его первой статье «Члены фашистского правительства и высшие должностные лица фашистского государства» за совершенные ими преступления карались «смертной казнью, а в менее серьезных случаях — каторжными работами». И хотя для Муссолини этот декрет означал вынесение смертного приговора, КНО все же счел необходимым направить делегацию для переговоров с ним.

В зал для приемов кардинальского дворца, где уже более 2,5 часов томился дуче, вошли командующий Корпусом добровольцев свободы генерал Кадорна, члены КНОСИ А.Марацца В.Ломбарди. «Перед нами был старый человек с широким, исхудалым и обрюзгшим лицом, испещренным морщинами, нездорового вида, с вытаращенными, безжизненными глазами и вымученной улыбкой, выражавшей готовность к примирению с трудным собеседником», — так описывает облик диктатора Акилле Марацца. От имени КНО он потребовал безоговорочной капитуляции войск «республики Салё» и пообещал неприкосновенность семьям тех фашистских иерархов, которые сдадутся без сопротивления. Сопровождавший дуче маршал Грациани выразил удивление по поводу такого требования, указав на продолжавшееся сопротивление немцев. Маршал, как, впрочем, и сам Муссолини, не знал

о том, что гитлеровцы втайне от своих итальянских союзников уже в течение нескольких дней вели переговоры с КНОСИ, пытаясь обеспечить беспрепятственный уход частей вермахта в Германию.

Это известие как громом поразило Муссолини. «Они всегда обращались с нами как со слугами, а теперь даже предали нас!» — придя в себя от шока, в бешенстве прокричал он. Дуче прервал переговоры, заявив, что ему необходимо выяснить отношения с немцами. О своем окончательном решении он пообещал сообщить кардиналу Шустеру через час.

Как только разъяренный диктатор уехал, во дворец прибыл один из лидеров социалистической партии А. Пертини и громогласно потребовал судить и расстрелять Муссолини. Услышавшие угрозу фашисты со всех ног бросились в префектуру, чтобы предостеречь дуче. Его сын Витторио предложил укрепить дворец «Монфорте» и обороняться до прихода союзников. Но дуче лишь безнадежно махнул рукой. Выглянув в окно, он увидел около трех десятков машин, на которые чернорубашечники в спешке грузили вещи.

Для бегства оставалось три пути: в Швейцарию, в Валтеллину или в Германию через Бреннеро. Муссолини приказал двигаться к городу Комо, расположенному недалеко от швейцарской границы на берегу живописного озера. Он надеялся найти там верных фашистов, приказ о сборе которых систематически передавался по радио. И с их помощью дуче надеялся отсидеться до прихода англоамериканских войск или уйти за границу. По его поручению префект Комо связался по телефону с американским консулом в Лугано, а тот, в свою

очередь, — с Даллесом, который согласился принять дуче и двух высших иерархов в течение 13 часов. Незадолго до этого американская разведка подготовила специальную группу для захвата Муссолини, и часть ее была уже переброшена в Италию. Так что звонок префекта лишь упрощал задачу поимки дуче.

В Комо чернорубашечников не оказалось. Весь день 26 апреля, когда почти повсюду в Северной Италии антифашисты подавляли оставшиеся очаги сопротивления и праздновали победу, Муссолини в отчаянии метался вдоль озера, надеясь на приезд Паволини с верными фашистами. Группа иерархов во главе Буффарини-Гвиди попыталась перейти через швейцарскую границу, но была задержана партизанами. В ночь с 26 на 27 апреля гонец доставил Ракеле прощальное письмо дуче, в котором он предлагал ей перебраться в Швейцарию или в крайнем случае отдаться в руки союзников. С двумя детьми жена диктатора приехала в Комо, но ни самого дуче, ни обещанной охраны для семьи там уже не было. Ракеле все же удалось добраться до погранпункта Кьяссо, но швейцарский жандарм жестко объяснил ей, что «Муссолини не проходят», и семье пришлось вернуться обратно.

Сам дуче в это время двигался уже на север. Паволини появился на рассвете 27 апреля, приведя с собой лишь несколько десятков человек вместо обещанных тысяч. Муссолини утратил всякую надежду на спасение. По радио передавали приказ генерала Кадонны, предписывавший всем партизанским частям найти и арестовать Муссолини. Кольцо неумолимо сжималось.

Отъехав несколько километров от Менаджо, где дуче провел предыдущую беспокойную ночь, кор-

теж автомашин пристроился в хвост колонны немецких грузовиков, следовавших в Германию. В районе местечка Донго автоматная очередь пробила шину первого грузовика: дорогу перекрыли партизаны из 52-й гарибальдийской бригады «Луджи Клеричи». Командовавший немецкой колонной офицер вступил с ними в переговоры. Партизаны пошли на компромисс: они соглашались после тщательного досмотра пропустить германские части, а немцы, в свою очередь, обязались не защищать и не укрывать итальянских фашистов. Когда стали известны итоги переговоров, лейтенант СС Кизнат, которому генерал Вольф поручил опекать Муссолини, извлек дуче из бронетранспортера, нацепил ему темные очки и каску, надел шинель сержанта «Люфтваффе», сунул в руки автомат и бесцеремонно запихнул в кузов одного из немецких грузовиков. Бронетранспортер, в котором ехал Паволини и несколько других фашистских иерархов, внезапно рванул с места и попытался прорваться сквозь партизанский заслон, но был подорван гранатой. Остальные фашисты сдались без боя.

О том, что произошло дальше, рассказывает командир партизанской бригады Педро (граф Пьер Беллини делле Стелле) и заместитель политического комиссара Билл Урбани Ладзаро. Немецкая колонна проходила проверку на центральной площади Донго. Вдруг к Биллу подошел партизан по имени Джузеппе Негри и, озираясь по сторонам, с опаской сообщил, что в кузове одной из машин он обнаружил Муссолини. «Я влез на грузовик, — взволнованно рассказывал Негри, — как ты приказал, чтобы проверить документы. Под конец остался один. Он лежал, прислонившись к кабине води-

теля и прижавшись плечом к левому борту. Его лица не было видно, так как он поднял воротник шинели, а немецкий шлем опустил на глаза. Я направился к нему, чтобы спросить документы, но немцы, сидевшие в машине, задержали меня, говоря на ломаном итальянском: «Друг пьяный, друг пьяный». Я их не послушал и приблизился к лежащему человеку. Около него была куча одеял, одним из которых он прикрывался. Я встал рядом с ним и опустил воротник. Человек продолжал лежать неподвижно. Я увидел его профиль и тотчас же узнал, что это он. Билл, клянусь тебе, это Муссолини! Тогда я сделал вид, что ничего не случилось, и слез, чтобы позвать тебя».

Билл приблизился к указанному грузовику и похлопал по плечу лежавшего у кабины человека: «Камерата!» — ответа не последовало. «Ваше превосходительство!». Человек по-прежнему не шевелился и не отвечал. Тогда, обозлившись, Билл громко крикнул: «Кавалер Бенито Муссолини!»

«Человек в шинели вздрагивает. Я взглянул на немцев, — продолжает Билл, — молча наблюдают за происходящим. Кое-кто из них бледнеет. Теперь я знаю, кто этот человек.

Тем временем много гарибальдийцев и местных жителей собралось у грузовика. Я взялся за борт и забрался наверх. Я приблизился к безмолвно и неподвижно лежащему человеку. Его шлем опустил на глаза, и воротник полностью скрывает лицо. Я снял с него шлем и увидел лысую голову и характерные очертания его черепа. Я снял с него темные очки и опустил воротник: это был он, Муссолини!

Человек, который заставлял дрожать всех, человек, которым я восхищался в ранней молодос-

ти и которого я затем проклинал, лежал скорчившись у моих ног, почти не подавая признаков жизни! Между колен у него был автомат, прислоненный стволом к подбородку. Я взял у него оружие и передал шоферу Пиралли, который влез на грузовик.

Я помог Муссолини подняться.

— Есть ли у вас еще оружие? — спросил я его. Не говоря ни слова, он расстегивает шинель, откуда-то из глубины брюк он извлекает пистолет. Это глизенти, 9-го калибра, с удлиненным стволом; он мне его передает, и я прячу его в карман.

Теперь мы стоим друг против друга. Я чувствую, что должен сказать что-то, чего он ждет, подняв голову и глядя вверх пустым взглядом. Его лицо мертвенного цвета, а в пристальном, но отсутствующем взгляде я прочел крайнюю усталость, но не страх. Кажется, что у Муссолини уже нет воли, в душе он уже мертв; вот что поражает меня больше всего.

Вокруг грузовика собралась шумящая толпа; немцы отдают местным жителям оружие, чтобы задобрить их: они явно боятся репрессий с нашей стороны за то, что пытались спрятать Муссолини, нарушая заключенное соглашение.

— Именем итальянского народа вы арестованы!

Это все настолько необычно для меня, что я даже не чувствую волнения, и мои слова звучат тихо, мой голос спокоен. Толпа растет с каждой минутой, и угрожающие крики все громче.

Муссолини говорит как бы в забытьи: «Я ничего не делаю», — может быть, он хотел этим сказать: «Я не сопротивляюсь». Тогда, понимая всю ответственность, которая на меня ложится, я говорю:

— Я ручаюсь, что пока я за вас отвечаю, с вашей головы не упадет ни один волос.

Это банальная фраза, кроме того, Муссолини почти абсолютно лыс, но в то время я об этом не подумал и употребил принятое выражение.

— Спасибо, — говорит он¹.

Бывшего диктатора поместили в здании муниципалитета Донго, куда вскоре доставили и остальных пойманных иерархов. В немецкой колонне находилась также легковая машина под испанским флагом, импозантный пассажир которой представился испанским консулом. На заднем сиденье удобно располагались две молодые красивые дамы. Партизаны усомнились в подлинности их документов, и, как выяснилось, не напрасно. Лжеконсулом оказался Марчелло Петаччи, а одной из его очаровательных спутниц — любовница дуче. Кларетта решила неотступно следовать за своим кумиром, хотя реальная возможность спастись у нее была: приехав в Милан 19 апреля, она отказалась воспользоваться самолетом, который ей предоставлял Ранн для отправки в Испанию. К моменту пленения Муссолини его любовница уже находилась в здании муниципалитета. Узнав о столь приятном соседстве, дуче смиренно попросил, чтобы их не разлучали.

Обстановка в районе Донго оставалась сложной: силы партизан были невелики, вокруг бродили отряды вооруженных фашистов, а весть о пленении дуче быстро облетала окрестности. Командир бригады Педро принял решение надежно укрыть Муссолини и с этой целью дважды в течение

---

¹ Перевод Г. С. Филатова (82, 161—163).

ночи перемещал его: сначала в соседнее селение в казарму тамошней полиции, а затем под видом раненого партизана с забинтованной головой в маленькую деревушку Бонцаниго. Последним убежищем Муссолини и Петацчи стал дом крестьянина Джакомо Де Мария, согласившегося приютить на ночь «раненых супругов-немцев». Охрану дома несли двое надежных партизан.

Около 7 часов утра 28 апреля 1945 года из Милана в направлении Комо выехал черный «Фиат-1100», за которым на небольшом расстоянии следовал грузовой фургон. В легковом автомобиле, помимо шофера, находились представители Главного командования Корпуса добровольцев свободы полковник Валерио (Вальтер Аудицио), Гвидо (Альдо Лампреди) и командир 12-ти партизан, ехавших в грузовике, лейтенант Риккардо. Валерио получил приказ Главного командования привести в исполнение смертный приговор дуче. Как вспоминает Л. Лонго, «между членами главного командования состоялся обмен мнениями о судьбе Муссолини в случае, если он будет захвачен партизанами. Его следует немедленно казнить самым элементарным способом, без суда и показательного следствия, без каких бы то ни было лапидарных формулировок — таково было предложение. Я добавил к этому в качестве разъяснения: «Итальянский народ уже давно вынес приговор, речь идет лишь о том, чтобы привести его в исполнение». Остальные члены командования не выдвинули возражений, напротив, кое-кто даже высказал несколько дополнительных аргументов в пользу такого решения». Этот разговор произошел около трех часов пополудни 27 апреля, а к вечеру того же дня сведения о поимке Муссолини подтвердились.

Первые трудности ожидали миссию полковника Валерио в Комо. К моменту его прибытия местные власти уже согласовали с командованием 52-й бригады порядок передачи захваченных фашистов и их последующей отправки в Милан. Поэтому заявление Валерио о чрезвычайных полномочиях и его требование о замене вышедшего из строя грузовика были встречены весьма прохладно. По свидетельству Лонго, «ситуация была следующей: представители КНО в Комо оказались скорее напуганы, нежели горды захватом Муссолини. Они изобретали всяческие уловки, чтобы помешать Лампреди и Валерио добраться к месту, где находился дуче. Было ясно, что в тех местах уже появился какой-то американский агент, который заявлял об особых правах на личность Муссолини. Валерио просил инструкций. Ответ был простым: «Или вы поставите к стенке Муссолини, или к стенке поставят вас». В дополнениях не было необходимости». Валерио реквизировал первый попавшийся грузовик и без особых приключений прибыл в начале третьего в Донго.

«Я вышел из машины и огляделся, — пишет он. — На площади, направив на нас автоматы, стояло несколько десятков партизан». Командир бригады Педро долго не выходил из здания муниципалитета, пытаясь через посланных выяснить намерения приехавших. «Я подумал, — продолжает Аудизио, — что при всех обстоятельствах прием, оказанный мне на площади Донго, не был случайным: возможно, кто-то предпринял отчаянную попытку саботировать мою миссию». В самом деле, гарибальдийцы 52-й бригады получили сообщение о том, что едущие в Донго люди вызывают подозре-

ние. Этим и объясняется их настороженность на площади.

Наконец подозрение удалось развеять, и Педро выразил готовность оказать полковнику Валерио необходимую помощь. Он передал ему список захваченных фашистов, из которого было выбрано 17 наиболее одиозных имен. В состав тут же созданного военного трибунала вошли Валерио, Гвидо, Педро, Билл и политический комиссар бригады Пьетро Гатти (Микеле Моретти). «На заседании не произносилось длинных речей. Мы уже, по существу, приняли все необходимые решения, оставалось лишь претворить их в жизнь», — вспоминает В.Аудицио.

В Бонцаниго поехали трое: полковник Валерио, Гвидо и Пьетро Гатти. По пути Валерио приметил место, подходящее для казни: на поворот узкого шоссе выходили железные ворота, за которыми виднелся фруктовый сад и явно необитаемый дом. Место называлось Джулино ди Медзегра.

В комнату, где был заперт дуче, Вальтер Аудицио вошел один. Остальные остались снаружи. «Муссолини стоял с правой стороны кровати, на нем был мундир и пальто орехового цвета. Петаччи лежала одетая, укрывшись одеялом.

Он посмотрел на меня с ужасом, — продолжает Валерио, — и прошептал: «Что случилось?» Я смотрел ему прямо в глаза. Нижняя губа его дрожала. Вероятно, впервые в жизни он оказался лицом к лицу с опасностью, не имея никакой возможности противостоять ей...

Не отходя от двери и продолжая смотреть ему в лицо, я бросил: «Меня послали освободить тебя». Выражение его лица при этих словах резко изменилось. «Неужели?» — тут же переспросил он. И

больше ничего: ни малейшего интереса к деталям этого «освобождения» или еще к чему-либо.

«Быстро, побыстрее, — добавил я. — Нельзя терять ни минуты». А тем временем он уже приходил в себя. Страх, пережитый им лишь минуту назад, уступил место его обычному бахвальству «дуче-императора».

«Куда направляемся?» — спросил он, уже полностью уверенный в себе...

...я пропустил его мимо себя, перед Петацчи. И в этот момент, изменившись в лице, он повернулся ко мне и сказал вновь обретенным тоном первого маршала: «Я дарю тебе империю!»

...Машина медленно двигалась вниз. Я один знал выбранное место и, как только мы поравнялись с воротами, приказал остановиться, дав знак Муссолини не разговаривать.

Подойдя к окошку машины, я сказал вполголоса: «Мне послышались подозрительные звуки, пойду посмотрю».

И я пошел вдоль дороги, желая убедиться, что в нашу сторону никто не идет.

Когда я вернулся назад, выражение лица Муссолини изменилось, на нем были заметны следы страха. Тогда Гвидо сообщил мне, что он сказал дуче: «Малина кончилась».

И все же, внимательно посмотрев на него, я уверился, что у Муссолини пока зародилось лишь подозрение. Я послал комиссара Пьетро и водителя в разные стороны метрах в 50—60 от дороги и приказал им следить за окрестностями.

Затем я заставил Муссолини выйти из машины и остановил его между стеной и стойкой ворот. Он повиновался без малейшего протеста. Он все еще не верил, что должен умереть, еще не отдавал себе

отчета в происходящем. Люди, подобные ему, страшатся действительности. Они предпочитают игнорировать ее, им до последнего момента достаточно ими же самими созданных иллюзий.

Сейчас он вновь превратился в усталого, неуверенного в себе старика. Походка его была тяжелой, шагая, он слегка волочил правую ногу. При этом бросалось в глаза, что «молния» на одном сапоге разошлась.

Затем из машины вышла Петацчи, которая по собственной инициативе поспешно стала рядом с Муссолини, послушно остановившимся в указанном месте спиной к стене.

Прошла минута, и я вдруг начал читать смертный приговор военному преступнику Муссолини Бенито: «По приказу Корпуса добровольцев свободы мне поручено свершить народное правосудие».

Мне кажется, Муссолини даже не понял смысла этих слов: с вытаращенными глазами, полными ужаса, он смотрел на направленный на него автомат.

Петацчи обняла его за плечи. А я сказал: «Отойди, если не хочешь умереть тоже».

Женщина тут же поняла смысл этого «тоже» и отодвинулась от осужденного. Что касается его, то он не произнес ни слова: не вспомнил ни имени отца, ни сына, ни жены. Из его груди не вырвалось ни крика, ничего. Он дрожал, посинев от ужаса, и, заикаясь, бормотал своими жирными губами: «Но, но я... синьор полковник... я... синьор полковник».

Даже к женщине, которая металась вместе с ним, бросая на него взгляды, полные крайнего отчаяния, он не обратил ни слова. Нет, он самым гнусным образом просил за свое грузное, дрожащее

тело. Лишь о нем он думал, об этом теле, которое поддерживала стена.

Я уже говорил раньше, что проверил свой автомат за несколько минут до того, как вошел в дом Де Мария. И на тебе — курок нажат, а выстрела нет.

Автомат заклинило. Я поднял затвор, вновь нажал курок, но с тем же результатом. Гвидо поднял пистолет, прицелился, но — вот он рок! — выстрела не последовало. Казалось, что Муссолини этого не заметил. Он больше ничего не замечал.

Я вновь взял в руки автомат, держа его за ствол, чтобы использовать как дубинку, поскольку, несмотря ни на что, все еще ожидал хоть какой-нибудь реакции с его стороны. Ведь всякий нормальный человек попытался бы защищаться, однако Муссолини был уже невменяем».

Прервем ненадолго рассказ Аудизио. «Борьба — это высшая цель существования, и смерть лишь венчает сражение!» — так Муссолини проповедовал всю жизнь. Казалось, судьба вновь подарила ему шанс, на сей раз действительно последний, и, следуя своему призыву, он должен был им воспользоваться. Но, оказавшись перед угрозой смерти, дуче даже не помышлял о борьбе за спасение. Его сознание и воля были полностью парализованы.

«Он продолжал заикаться и дрожать, по-прежнему неподвижный, с полуоткрытым ртом и безвольно опущенными руками».

...В тот короткий отрезок времени, который понадобился Пьетро, чтобы принести мне автомат, — продолжает полковник Валерио, — мне показалось, что я нахожусь с Муссолини один на один.

Был Гвидо, внимательно следящий за происходящим. Была Петаччи, которая стояла рядом с

«ним», почти касаясь его локтем, но которую, однако, я не принимал в расчет.

Нас было только двое: он и я.

...Осечка автомата, конечно, не дала Муссолини даже проблеска надежды, он уже понимал, что должен умереть. И он погрузился в это ощущение, как в море бесчувствия, защищавшее его от боли. Он даже не замечал присутствия той, которая была его женщиной.

Я же не ощущал больше никакой ненависти, понимая лишь, что должен свершить справедливость за тысячи и тысячи мертвых, за миллионы голодных, которых предали. Став снова напротив него с автоматом в руках, я выпустил в это дрожащее тело пять выстрелов. Военный преступник Муссолини, опустив голову на грудь, медленно сполз вдоль стены.

Петаччи, оглушенная, потеряв рассудок, странно дернулась в его сторону и упала ничком на землю, тоже убитая.

Было 16 часов 10 минут 28 апреля 1945 года». (69, 212—216)

* * *

«Моя цель проста: я хочу сделать Италию великой, уважаемой и внушающей страх» — так Муссолини говорил Людвигу в 1932 году. Спустя 13 лет страна была растерзана войной, разорена и унижена фашизмом. Устами КНОСИ народ вынес приговор и руками коммуниста Вальтера Аудизио казнил диктатора. Быстрота в осуществлении плана возмездия была оправданна: через три часа после казни Муссолини и спустя всего лишь час после расстрела на площади Донго остальных осу-

жденных в городе появились американские бронетранспортеры.

Тела казненных были погружены в крытый кузов грузовика и к вечеру доставлены в Милан.

«Мы пересекли его безлюдные улицы, — вспоминает В.Аудизио, — и направились со своим грузом на площадь Лорео, где не было ни души. Я приказал остановиться в избранном нами месте, как раз рядом с забором, где и были сложены тела казненных.

Место это мы выбрали не случайно. Его подсказали нам миланские товарищи. А в моей памяти было живо воспоминание о вечере 10 августа 1944 года, когда здесь, на углу площади, у забора, я увидел в окружении чернорубашечников пятнадцать патриотов, привезенных из тюрьмы Са-Виттор и зверски расстрелянных...»

На следующее утро тела Муссолини, Петацчи и остальных казненных иерархов были привязаны за ноги к металлическим опорам перекрытия бензоколонки и подвешены вниз головой. На площади собралась многотысячная толпа, постоянно обновлявшаяся и одобрительно гудевшая. Миланцы бурно выражали ненависть к человеку, который всю жизнь с глубоким презрением относился к людям, используя их для удовлетворения своих амбициозных, честолюбивых замыслов и жажды власти. Он поощрял не добродетели, а пороки, он унижал человеческое достоинство, пытаясь лишить индивидуальности каждого и заставить всех верить в обман. Он так и не понял, что общество, состоящее из толпы одинаково думающих почитателей, не имеет будущего.

Взобравшись на крутую вершину пирамиды власти, Муссолини считал себя самым свободным

человеком. Но он не был таковым, ибо действительно свободным может быть лишь тот, кто ценит и уважает индивидуальную свободу других. Как и прочие диктаторы, дуче стал рабом своей власти: она определяла его жизнь, была мерилom и критерием поступков, той призмой, сквозь которую он взирал на окружающий мир. Жить иначе Муссолини уже не мог, поэтому не мог быть иным и его бесславный конец.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

1. Archivio centrale dello stato. Segreteria Capo polizia. Province, fasc. 1—120
2. Bastianini G.H Uomini, cose, fatti. Roma, 1950
3. Bottai G. Vent'anni e un giorno (24 luglio 1943). Milano, 1949
4. Buozzi B. L'occupazione delle fabbriche. Paris, 1935
5. Caro duce. Lettere di donne italiane a Mussolini. 1922—1943. Milano, 1989
6. Ciano G. Diario 1937—1943. Milano, 1946, v. 1, 2
7. «Critica fascista», 15.11.1923, 1.12.1923
8. Dizionario mussoliniano. Milano, 1942
9. Fanciulli G. I nostri ragazzi. Milano, 1934
10. Federzoni L. Italia di ieri per la storia di domani. Milano, 1967
11. Hitler A. Conversazioni segrete. Napoli, 1954
12. Ludwig E. Colloqui con Mussolini. Milano, 1965
13. Maugeri F. From the Ashes of Disgrace. N. Y., 1948
14. Mussolini B. My autobiography. N. Y., 1928
15. Mussolini B. La mia vita. Roma, 1947
16. Mussolini B. Scritti e discorsi. Milano, 1934, v. 1
17. Mussolini B. Scritti e discorsi. Milano, 1934, v. 5
18. Mussolini B. Opera omnia, v. XXIV
19. Mussolini B. Opera omnia, v. XXV

20. Mussolini B. Opera omnia, v. XXIX
21. Mussolini B. Storia di un anno. Milano, 1982
22. Mussolini B. Mussolini. An intimate biography by his widow Rachele Mussolini as told to Albert Zarca. N. Y., 1974
23. Orano P. Mussolini da vicino. Roma, 1932
24. Quinto Navarra M. Memorie del cameriere di Mussolini. Milano, 1974
25. Rafanelli L. Una donna e Mussolini. Milano, 1975
26. Rossi C. Mussolini com'era. Roma, 1947
27. Sarfatti M. Dux. Milano, 1982
28. Silvestri C. Matteotti Mussolini e il drama italiano. Roma, 1947

ЛИТЕРАТУРА

29. Aquarone A. L'organizzazione dello Stato totalitario. Torino, 1978
30. Artieri G. Tre ritratti politici e quattro attentati. Roma, 1953
31. Artieri G. Mussolini e l'avventura repubblicana. Milano, 1982
32. Bertoldi S. Mussolini tale e quale. Milano, 1965
33. Bozzetti G. Mussolini direttore dell'«Avanti». Milano, 1979
34. Braschi A. Mussolini e De Gasperi; Vite divergenti. Bologna, 1983
35. Caracciolo N. Tutti gli uomini del duce. Milano, 1982
36. Cederna A. Mussolini urbanista. Bari, 1979
37. De Felice R. Mussolini il rivoluzionario. Torino, 1965
38. De Felice R. Mussolini il fascista. La conquista del potere. Torino, 1966

39. De Felice R. Mussolini il fascista. L'organizzazione dello Stato fascista. Torino, 1966
40. De Felice R. Mussolini il duce. Gli anni del consenso. Torino, 1974
41. De Felice R. Mussolini il duce. Lo stato totalitario. Torino, 1981
42. De Felice R. Mussolini l'alleato. L'Italia in guerra. Torino, 1990
43. De Felice R. Mussolini e Hitler: I rapporti segreti, 1922—1933. Firenze, 1975
44. Donosti M. Mussolini e l'Europa. Roma, 1945
45. Dorso G. Mussolini alla conquista del potere. Torino, 1949
46. Fermi L. Mussolini: Una biografia. Milano, 1974
47. Gallo M. Vita di Mussolini. Bari, 1967
48. Gatta B. Mussolini. Milano, 1988
49. Giudice G. Benito Mussolini. Torino, 1969
50. Lajolo D. Il voltagabbana. Milano, 1963
51. Lozzi C. Mussolini — Stalin. Storia delle relazioni italosovietiche prima e durante il fascismo. Milano, 1983
52. Mack Smith D. Mussolini. Milano, 1981
53. Martinelli F. Mussolini ai raggi X. Milano, 1964
54. Martinelli F. OVRA. Milano, 1967
55. Megaro G. Mussolini dal mito alla realtà. Milano, 1947
56. Monelli P. Mussolini piccolo borghese. Milano, 1959
57. Montagna R. Mussolini e il processo di Verona. Milano, 1949
58. Mosca R. L'Europa verso la catastrofe. Milano, 1964, v. 1, 2
59. Salvatorelli L., Mira G. Storia d'Italia nel periodo fascista. Verona, 1972, v. 1, 2

60. Salvemini G. Mussolini diplomatico. Roma—Bari, 1952
61. Spinosa A. Mussolini. Il fascino di un dittatore. Milano, 1989
62. Spriano P. Storia del Partito comunista italiano. Torino, 1967, v. 1
63. Uomini e volti del fascismo. Roma, 1980
64. Valera P. Mussolini. Milano, 1975
65. Vené G. F. Il processo di Verona. Milano, 1963
66. Vené G. F. La condanna di Mussolini. Milano, 1973
67. Vighi R. Anteo Zamboni. Bologna, 1946
68. Zangrandi R. 1943: 25 luglio — 8 settembre. Milano, 1964
69. Аудицио В. Именем итальянского народа. М., 1982
70. Грамши А. Избранные произведения. М., 1957, т. 1
71. Дж. Де Лутиис. История итальянских секретных служб. М., 1989
72. История Италии. М., 1971, т. 3
73. Кин Ц. И. Миф, реальность, литература. М., 1968
74. Кин Ц. И. Начало итальянского фашизма: Бенито Муссолини, социально-психологический портрет. — «Вопросы философии», 1988, № 11.
75. Корнеев А. С. Из истории одного заговора (Дело Муссолини—Геденштрама). — «Исторический архив», 1962, № 5
76. Лопухов Б. Р. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968
77. Лопухов Б. Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977

78. Овсянин П. Конец режима Муссолини. М., 1965
79. Панталеоне М. Мафия вчера и сегодня. М., 1969
80. Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. М., 1953
81. Филатов Г. С. Крах итальянского фашизма. М., 1973
82. Филатов Г. С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984
83. Шатров Б. Правители фашистской Италии (Муссолини, Чиано, Фариначчи). Портреты. М., 1943

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
АМБИЦИОЗНЫЙ ЗАМЫСЕЛ	11
«РЕВОЛЮЦИЯ В СПАЛЬНОМ ВАГОНЕ»	51
«ТРУП ПОД НОГАМИ»	101
«ДУЧЕ ВСЕГДА ПРАВ»	141
МЕЗАЛЪЯНС ДИКТАТОРОВ	212
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ ЗАГОВОР	265
ФАРС ВЛАСТИ, ИЛИ 600 ДНЕЙ МУССОЛИНИ	315
БИБЛИОГРАФИЯ	360

ИБ № 7649

Белоусов Лев Сергеевич

МУССОЛИНИ: ДИКТАТУРА И ДЕМАГОГИЯ

Художественный редактор В.В. Лебедев

Технический редактор О.В. Рожкова

Корректоры Л.В. Тарасова, Г.Л. Сафонова

Сдано в набор 25.08.93. Подписано в печать 30.09.93.

Формат 70×100 1/32. Бумага офсетная № 1.

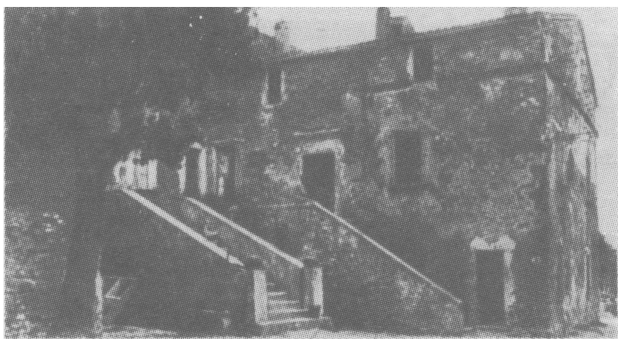
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл.печ.л. 16,25. Усл.кр.-отт. 16,41. Уч.-изд.л. 16,17.

Тираж 10 000 экз. Заказ 272 .

Отпечатано в московской типографии № 4

**Министерства печати и информации Российской Федерации,
129041, Москва, Б.Переезская ул., 46.**

Дом в Предаппио, в котором родился Муссолини.

Муссолини на фронте в годы первой мировой войны.

Выступление на митинге фашистов в Риме в 1919 году.
Справа — Дж. Боттаи.

Среди фашистов в Милане. Слева — М. Бьянки.

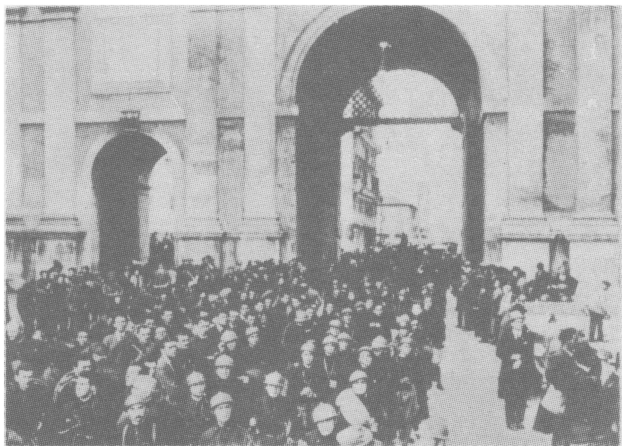
Фашистские сквадристы на площади во Флоренции.

Гостиница Балкан, подожженная во время фашистского налета (июль 1920 года).

С королем Италии Виктором-Эммануилом после назначения Муссолини премьер-министром.

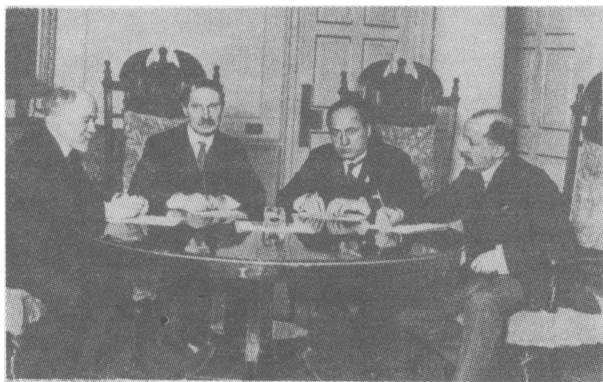
Колонны фашистов вступают в Рим (октябрь 1922 года).

Дуче среди делегатов фашистского съезда в Ломбардии.

Джакомо Маттеотти (в центре).

Первый визит дуче в Лондон в 1923 году.

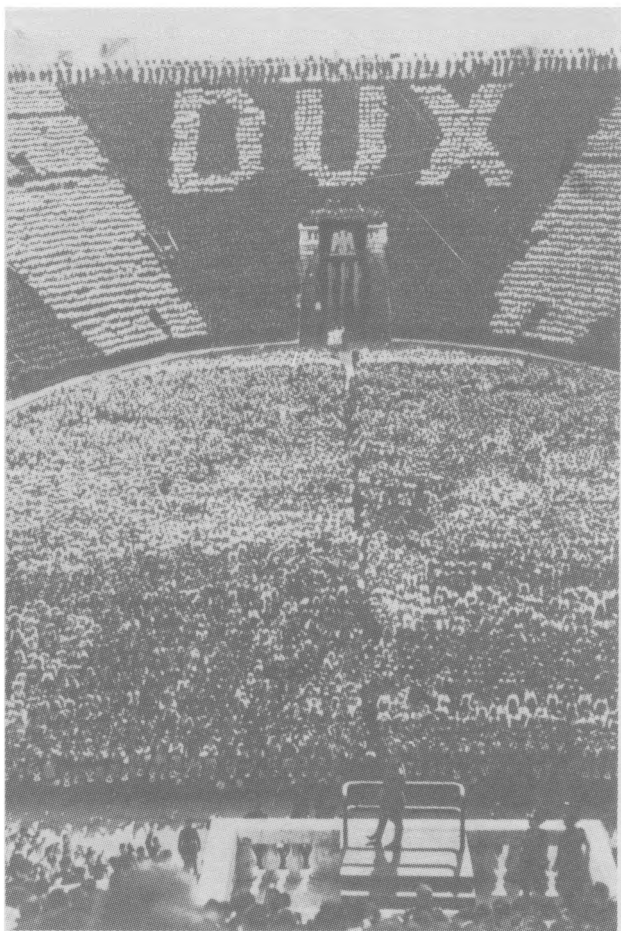
Дуче после неудавшегося покушения на него Виолет Гибсон.

Подписание Латеранских соглашений.

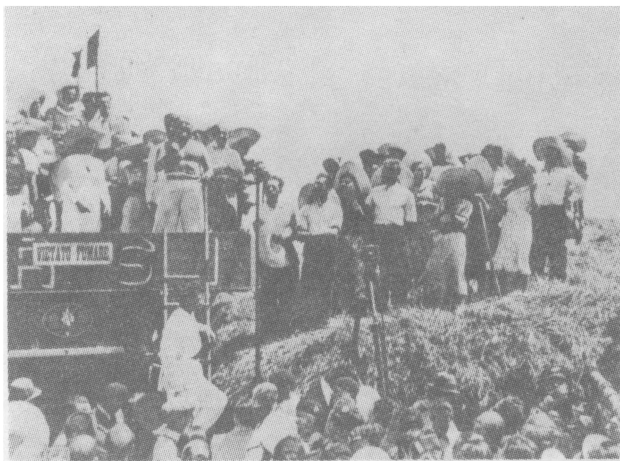

Фашистский сенат в 30-е годы.

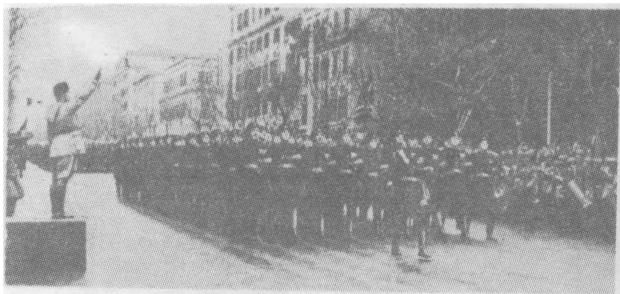

Манифестация на стадионе (30-е годы).

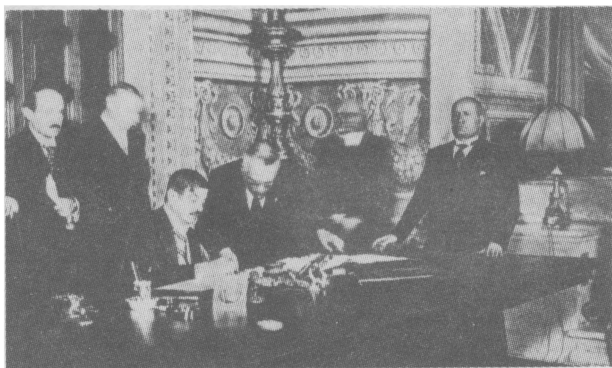
Дуче выступает на поле во время «битвы за зерно».

Муссолини принимает парад «мушкетеров дуче».

Бегом за дуче.

Подписание договора с Лавалем. Рим, 5 января 1935 года.

С младенчества — с дуче.

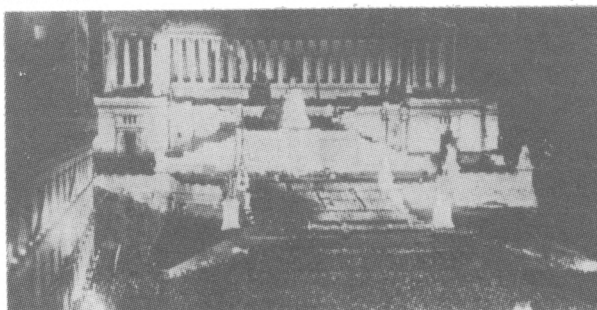
В детском приюте.

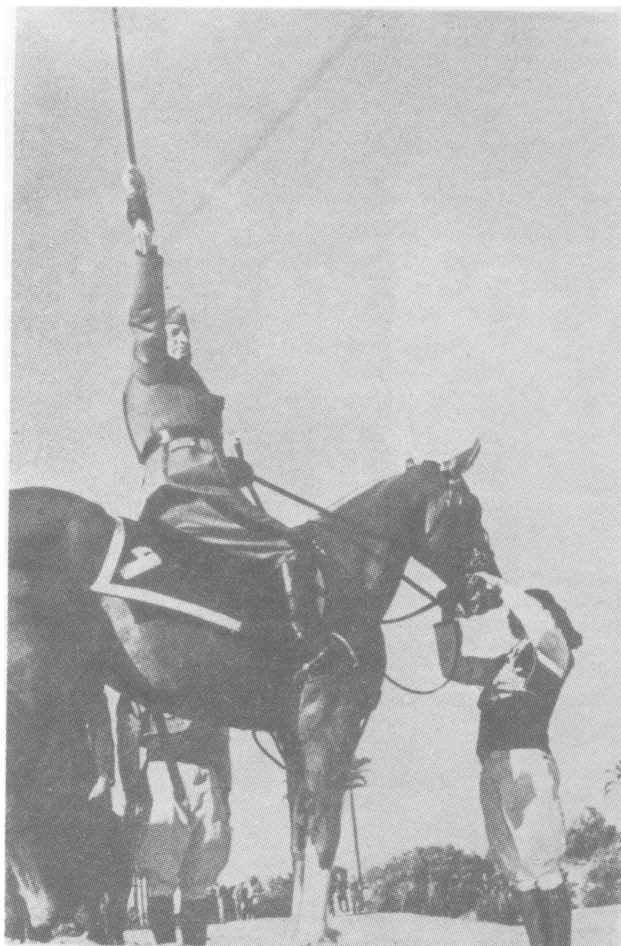

Выступление с балкона дворца «Венеция».

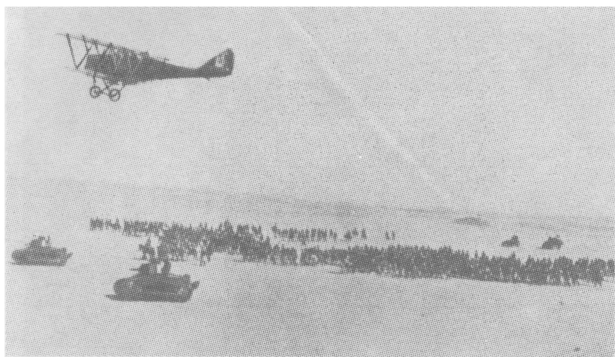

Площадь Венеции во время провозглашения империи 5 мая 1936 года.

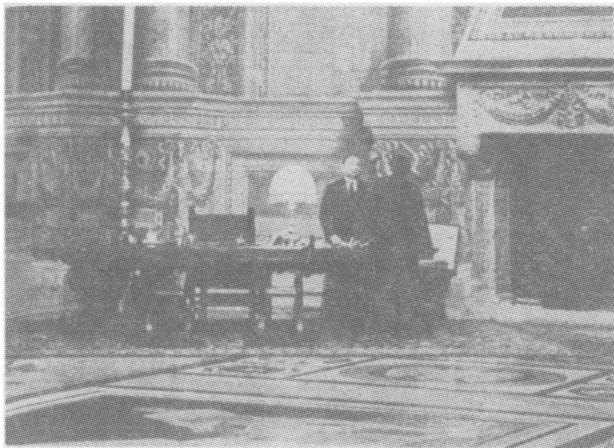

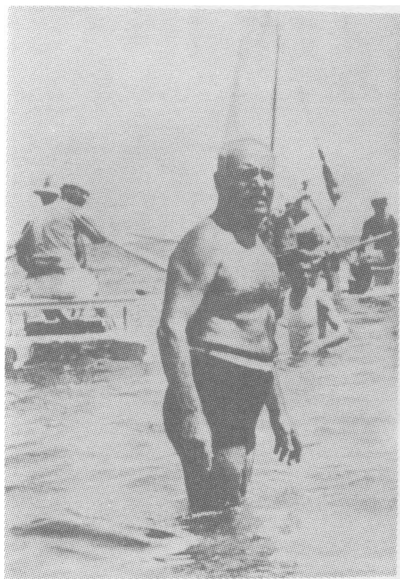
Муссолини в Ливии в 1937 году.

Наступление фашистских войск в Африке.

В кабинете «Маппамондо».

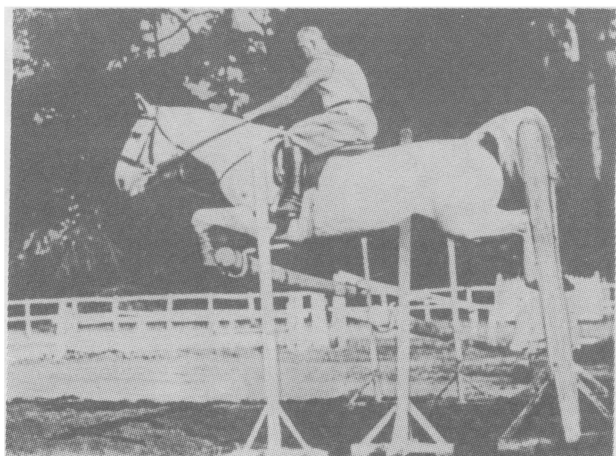
Муссолини не расставался со скрипкой даже в самые тяжелые минуты своей жизни.

На пляже в «Риччоне».

Любитель риска.

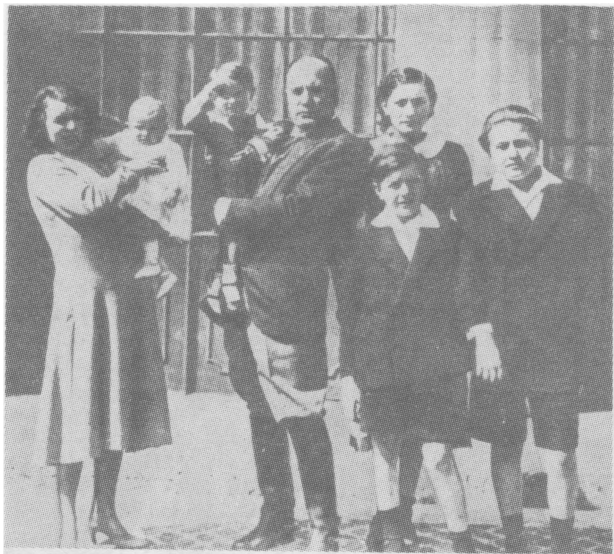
На вилле «Торлония».

Ракеле Муссолини.

Семья дуче. Слева направо: жена Ракеле с дочерью Анной-Марией на руках, Муссолини с сыном Романо, дочь Эдда, сыновья Бруно и Витторио.

Дуче — первый маршал империи.

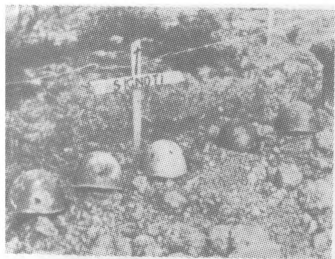
Диктаторы с министрами иностранных дел. Слева — Чиано.
Справа (спиной) — Риббентроп.

Римский шаг.

Во время визита Гитлера в Италию.

Могила неизвестных итальянских солдат, погибших в Греции.

На последнем параде перед вступлением во вторую мировую войну.

На Восточном фронте (август — сентябрь 1941 года).

Что делать дальше? 1943 год.

Народ свержает памятники Муссолини после 25 июля 1943 года.

«Чудесное спасение» из Гран Сассо.

Последний триумф дуче. Милан, декабрь 1944 года.

Последняя надежда диктатора.

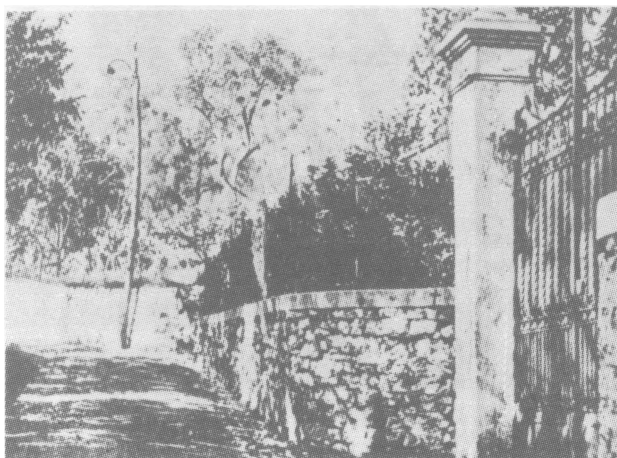
Фашистская листовка «Смерть предателям и провокаторам».

Клара Петаччи, любовница дуче, погибшая вместе с ним.

Казнь партизан на площади Лоретто в Милане.

Место казни Муссолини.

ФИНИСТ БАНК

САМОЕ ДОРОГОЕ, ЧТО МЫ ЗАРАБАТЫВАЕМ, —
ЭТО ВАШЕ ДОВЕРИЕ!

ФИНИСТ БАНК — ЭТО:

- расчетно-кассовое обслуживание юридических и физических лиц;
- кредитование предприятий и организаций;
- факторинговые и лизинговые операции;
- международные расчеты и финансирование внешнеэкономической деятельности;
- операции с ценными бумагами и фондовые операции;
- операции по вкладам населения;
- юридические консультации.

**ФИНИСТ БАНК ПОМОЖЕТ ВАМ УТВЕРДИТЬСЯ НА
МИРОВОМ РЫНКЕ И УВЕРЕННО ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ
НА РЫНКЕ РОССИИ.**

*Телефоны: (095) 249-25-68, 210-29-40
956-60-89 (Валютное
управление)*

Факс: (095) 249-25-68, 219-26-40

*Адрес Акционерного коммерческого банка "Финист
Банк": 121165, г. Москва, Кутузовский пр-т, дом 26,
строение 3.*

MARCO POLO
МАРКО ПОЛО

MARCO POLO s.r.l.
4-11 Via Petrarca
52100 Arezzo - Italy
Tel. (0575) 24595 PBX
Fax (0575) 25499

Partita IVA 01319310510
Reg. Soc. Trib. Arezzo 12736
C.C.I.A.A. Arezzo 97545
Poziz. AR 003177

MARCO POLO
18, b. Tichonovskaja (Sokolniki)
Moscow - Russia
Tel. (095) 268 0374
Fax (095) 268 0102

МАРКО ПОЛО
ул. Большая Тихоновская, 18
Москва Россия
тел. (095) 268 0374
факс (095) 268 0102

MARCO POLO
Lermontovskiy prospekt, 54
San Pietroburgo - Russia
Tel. (812) 251-85-00
Fax (812) 251-42-23

МАРКО ПОЛО
Лермонтовский проспект, 54
Санкт Петербург Россия
Тел. (812) 251-85-00
Факс (812) 251-42-23

MARCO POLO S.r.l.

(ИТАЛИЯ)

Производитель и поставщик изделий из
золота, серебра и оборудования для
ювелирной промышленности.

ELVIG **"ЭЛЬВИГ"**

ELVIG ltd.
RUSSIA 107014 MOSCOW
В.Тихоновская, 18
TEL /095/ 268-76-55
FAX /095/ 268-76-55

Россия, 107014 Москва
ул. Б. Тихоновская д. 18.
тел/факс /095/ 268-76-55

-
- **Итальянская одежда и обувь
со склада в Москве**
  - **Прямые поставки консервированных
овощей и фруктов с Украины**
    - **Производим на заказ
обувь для балльных танцев**

ФИНИСТ БАНК

Финист Банк — один из первых коммерческих банков страны, основанный в 1988 году, сегодня входит в число крупнейших универсальных банков России и имеет сеть филиалов на территории Содружества Независимых Государств:

1. Алтайский	656056, г. Барнаул, ул. Горького, д. 39, (3852) 23-24-74
2. Армянский	375051, г. Ереван, ул. Врацакан, л. 5, (8852) 25-44-30
3. Бийский	659326, г. Бийск, ул. Чехова, д. 4, (38538) 4-36-33
4. Гагаринский	215010:, Смоленская обл., г. Гагарин, ул. Строителей, д. 161, кв. 75, 4-84-84
5. Екатеринбургский	620219, г. Екатеринбург, ул. Народной воли, д. 24, к. 1 (3432) 29-40-93
6. Замоскворецкий	113035 г. Москва, ул. Балчуг, д. 22, стр. 1 (095) 324-02-82, 324-07-66
7. Иркутский	664003, г. Иркутск, ул. 1-я Красноармейская, д. 12, (3952) 33-48-52
8. Красноярский	660021, г. Красноярск, ул. Декабристов, 17 (3912) 22-27-98
9. Магаданский	685000, г. Магадан., ул. Портовая, д. 8, (41300) 3-11-18
10. Мордовский	430000, г. Саранск, ул. Советская, д. 35, (8342) 17-64-94
11. Московский областной	103062, г. Москва, Колпачный пер., д. 5, (_95) 923-48-42
12. Одесский	170032, Республика Украина, пр-т Шевченко, д.4, (0482)63-27-61
13. Омский	644099, г. Омск, ул. Фрунзе, д. 93, (3812) 25-15-34
14. Приморский	690091, г. Владивосток, ул. Адмирала Фокина, д. 1, (4232) 22-22-82
15. Самарский	443090, г. Самар, ул. Антонова-Овсеенко, д. 55а, (8462) 22-33-68
16. Тираспольский	278000, Республика Молдова, г. Тирасполь-25, ул. К. Либкнехта, д; 383, (04233) 3-64-75
17. Томский	634050, г. Томск, ул. Гоголя, д. 12, (3822) 23-35-62

*Самое дорогое, что мы зарабатываем,
— это Ваше доверие.*

МУССОЛІНІ: ПІКТАТУРА І ЛЕМАТОГІЯ